

ISSN 0868–5819

МОСКОВСКИЙ ВЕСТНИК

*Журнал Московской городской организации
Союза писателей России*

Основан М.П. Погодиным в 1826 году при участии А.С. Пушкина.
Возобновлён Московской писательской организацией СП РСФСР
в 1990 году

№ 3
2023

Главный редактор:
Иван Юрьевич ГОЛУБНИЧИЙ

Ответственный редактор:
Марина Анатольевна ЗАМОТИНА

Адрес редакции: 121069, Москва, ул. Б. Никитская, 50а/5
Контактный телефон: 8 (495) 697-00-60
e-mail: glukozza2010@yandex.ru

Уважаемые коллеги! Просьба присылать материалы в электронном виде с фотопортретом и краткой биографической справкой автора. Редакция не вступает в переписку с авторами и не рецензирует присланные произведения.

Общественная редколлегия:
М.А. ЗАМШЕВ, Ю.Н. БОГДАНОВ,
Н.А. КАРТАШОВ, В.Н. КРУПИН,
М.М. ПОПОВ, В.А. ПРОНИН,
В.В. СОРОКИН, А.П. ТОРОПЦЕВ,
А.А. ТРАПЕЗНИКОВ, В.Г. ФРОЛОВ

Подготовка к печати: Издательство «У Никитских ворот»

Вёрстка: У.Д. Иващенко
Корректурa: В.И. Русаков

Тираж 400 экз. Заказ № 2722

Журнал зарегистрирован в Комитете РФ по печати.
Свидетельство о регистрации № 015738 от 19.02.1997 г.

Учредитель и издатель: Региональная общественная организация
«Московская городская организация Союза писателей России»

ISSN 0868–5819 «Московский Вестник», 2023, № 3

© Редакция журнала «Московский Вестник»

СОДЕРЖАНИЕ

Слово главного редактора. <i>Иван Голубничий</i>	5
--	---

СТИХИ, ПРОЗА

Николай Коновской Дар, слепой и неслучайный... ..	8
Борис Виленский Рассказы.....	17
Оксана Шевченко Листопадные выходные	42
Николай Карташов Исторические миниатюры.....	53
Анна Маякова Письмо маме	73
Татьяна Царёва Мы посланцы дождя и ветра... ..	77
Анатолий Мусатов Дорога к морю	91
Жанна Светлова Блокадные рассказы.....	122
Константин Спасский Рассказы.....	159
Антонина Шматкова Время необратимо	169
Светлана Гладыш Красноармеец из села Буюк-Мускомия.....	216

Диана Аснина
Рассказы226

Вячеслав Суворов
Мне бы жить и жить минутами рассвета..... 251

ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Виктор Полянский
Смешинка за смешинкой...262

Евгения Полякова
Жемчужные серьги.....273

КРИТИКА, ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Ангелина Бржевская
Сказка всегда чему-нибудь да учит... 298

СЛОВО ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

В русской литературе есть ряд неизбежных проблем, выходящих на первый план в эпохи перемен и обострений. Эти проблемы не всегда имеют прямое отношение к сути художественного творчества; зачастую они всего лишь прикрывают, камуфлируют более глубокие бытийные, социально-политические коллизии, обусловленные противостоянием конкурирующих (а порой и откровенно враждебных друг другу) миропредставлений, образов настоящего и будущего. Одна из таких проблем – противостояние новаторства и традиции. В начале XX века, в эпоху рождения новой экономической и политической формации, борьба «нового» и «старого» в русской литературе имела диалектический и амбивалентный характер. Те или иные явления играли то положительную, то отрицательную роль, то, в разной степени, одновременно и ту и другую, то уходили на периферию литературного и жизненного процесса (при этом объективно оказываясь на стороне реакционных сил, тормозящих развитие общества и литературы на главном, магистральном направлении). Но, в любом случае, субъекты литературного процесса – писатели и их произведения – являлись в первую очередь действительными факторами духовной жизни народа, выразителями его интересов в самых разных масштабах. Всё богатство и многообразие русской литературы начала прошлого века подтверждает эту мысль. За каждым мало-мальски известным литературным именем стояла внятная позиция, носитель которой занимал вполне определённое место в существовавшей на тот момент системе координат – системе неустойчивой и зыбкой, как сама жизнь, но в каждом своём импульсивном изменении подчинённой глубинной логике. Все литературные явления того времени, вольно или невольно, объективно выражали онтологические интересы той или иной политической силы, претендующей на право дальнейшего жизненного переустройства в масштабах России того

времени. Поэтому все они были *настоящими*, поэтому каждое из этих явлений оставило свой след в литературе как таковой и в истории литературы. Поэтому столь велик сегодня интерес к этому периоду русской литературы.

Сегодня, спустя столетие, ситуация столь изменилась существенно, что, устанавливая и проводя какие-то параллели между нынешней и той эпохой, необходимо быть осторожным, дабы не впасть в невольную профанацию этой темы – темы противостояния новаторства и традиции. Прежде всего, употребляя эти термины, зачастую приходится вынужденно заключать их в кавычки. На стыке прошлого и нынешнего веков термины «новаторство» и «традиция» в значительной степени перешли в сферу идеологической борьбы и сделались инструментами процессов, порой весьма далёких от живого и непредсказуемого литературного творчества. Можно говорить, что произошло это по объективным причинам, но невозможно отменить тот факт, что нынешняя эпоха оказалась не состоянием явить многообразия ярких и значительных талантов, подобного тому, какое было явлено в начале XX века (речь идёт не только о так называемом Серебряном веке, но и обо всей литературе того периода в её совокупности и полноте)...

Для преодоления этой, увы, победившей тенденции необходимо, прежде всего, более пристальное внимание к литературному процессу в его стихийном, естественном движении и развитии. Уклонение от «премиальных» ориентиров, интерес к новым одарённым авторам, поиск и утверждение новых, живых смыслов на основе явлений действительности и т.д. И, конечно же, честная, квалифицированная, объективная и корректная критика. Возможно, всё это прозвучит банально, но в жизни вообще мало принципиально нового...

Иван ГОЛУБНИЧИЙ

**СТИХИ,
ПРОЗА**

Николай КОНОВСКОЙ

Николай Иванович Коновской – поэт. Родился в 1955 году в Белгородской области. Служил в армии, работал на заводе, стройках, в охране РЖД. Окончил Литературный институт имени А.М. Горького. Печатался в журналах «Наш современник», «Москва», «Молодая гвардия», «Подъём», других центральных и региональных изданиях.

Автор многих поэтических книг, среди которых «Равнина» (1990), «Твердь» (1990), «Зрак» (2004), «Врата вечности» (2005), «Тростник» (2010), «В отблеске горнем» (2015), «Келья» (2017), «Лирика» (2018), «Божья коровка» (2019), «Кровь граната» (2021).

Лауреат Всероссийской православной литературной премии им. Александра Невского, Александровской лавры, лауреат Всероссийского поэтического конкурса им. С. Есенина, премии СП России «Слово», Всероссийской литературной премии «Ладога», премии им. С. Прокофьева. Член Союза писателей России.

Живёт в Москве.

ДАР, СЛЕПОЙ И НЕСЛУЧАЙНЫЙ...

ПРИЧЕРНОМОРСКАЯ СОСНА

1.

Причерноморская сосна
Шумит, вознесена

Над мысом, над волной,
Над горем, надо мной, –

Столп – до небес с земли,
Сон в неземной дали.

2.

И мнится: спутник дум –
Не поднебесный шум,

А смутные слова –
Вещанье божества.

3.

Кто я? Что жизнь? Что смерть?
Вот так бы всё сидеть

В надмирной тишине
Спиной – к её спине

И Бога осязать...
Не быть, не слыть, не знать.

И видеть облака.
И не считать века.

ГРОМ

Сосны, и небо, и воды,
Лето в зелёном венце...
Гром прогремел – и природа
Вся изменилась в лице.

Глас устрашающий горный
Высветил доли и лес,
Бросил на глади озёрной
Хищный стремительный блеск...

ТАКАЯ БУРЯ!..

Неукротимой решимостью пьян,
Гласу пощады не внемля,
Шторм разъярившийся – иль океан? –
В молниях! – хлынул на землю!..

Рушится твердь: ни близи, ни дали.
Сердце, застыв, обмирает,
Глядя, как мир беззаконный с земли
Божией дланью стирает.

ПРЕДВЕСТЬЕ

...Кто там в труху превращает
Старый размеренный быт?
Кто там за Бога решает:
Миру – быть или не быть?
Смолкли небесные птахи...
Ивы, река, соловьи...
Ангелы Божии в страхе
Лица закрыли свои...

ЗАВИХРЕННЫЕ БЕЗДНЫ

Тревожно невесёлый
И мрак, и шум, и блеск:
Забывчивый, тяжёлый,
Навис над нами лес.
Почти что ледяная –
О, что мне делать с ней! –
Бессильная, родная,
Твоя рука – в моей.
Сливается с листвою,
Перерастает в гул,

Сквозяще-роковое –
Незримо, наверху.
О мир, как бы уснувший!
Покойный холод щёк!..
Багрово полоснувший
Безжалостный смычок! –
И дивно-несказанный,
Открывшийся на миг,
Во мраке – светозарный
Твой обретаю лик.

...Всё стонут бессловесно
И дышат, оробев,
Завихренны бездны
Немыслимых дерев.

ИЗ ОКРУЖЕНИЯ!

В шаге лишь – от поражения,
Даже оставшись вдвоём,
Вырвемся из окруженья
Под перекрёстным огнём...

Небо предстанет пред взором,
Солнце бессмертное, – и
Русским промозглым простором
Раны залижем свои.

НЕВОЗМОЖНОСТЬ

Посмотри: с небосклона сорвалась звезда –
Дивный отблеск её догорает!
Оттого ль – во Вселенной опять пустота,
И бессильное сердце рыдает?
Твой уход, и приход, и обратно уход,
Страстный блеск сквозь закрытые веки!
...От любви, от тоски, от отчаянья, от
Невозможности слиться навеки.

* * *

Там, где неслись над толпою
Звоны в небесную высь,
Как-то мы странно с тобою
Встретились и разошлись.

Но польхает, крылата,
Вспышка живого огня...
Если случится – когда-то
Вспомнишь однажды меня,

Вспомнишь далёкое море,
Вёсен счастливую явь, –
Тонкую свечку в соборе
Перед иконой поставь.

Душу мою упокоит
Искренность дара сего –
То, что сегодня не стоит
В мире почти ничего.

ДАР, СЛЕПОЙ И НЕСЛУЧАЙНЫЙ...

Чуешь хищно, видишь много –
То, чего и нет,
Если ты поэт от Бога,
Истинный поэт.
Звёзд мерцанье, вой метели,
Страсти дикий вал –
Ангелы ль тебе напели,
Бес ли нашептал?
Длится чудный отзвук тайный
В жуткой пустоте...
Дар, слепой и несчастливый,
Всё ж держи в узде...
Об огнём объятый выси,
О всемысле гроз
Написал ты, не размыслив...
А оно – сбылось.

МЫС ФИОЛЕНТ

Чрез сколько бы ни было – даже чрез тысячу лет –
Всё в памяти сгинет, и только один Фиолент –
Мыс, полный величья, не канет в забвенье и Лету.
Ты помнишь ли медный, звучащий над бездною глас,
Цикад песнопенье и не оставлявшее нас
Жарю и грозами жгучее крымское лето;
И море бескрайнее – высь, поглотившая ширь,
И мира древнее, на самом верху монастырь
Святого Георгия; тихих свечей колыханье,
И камней громады, и слёзы плетущихся лоз,
И воздух, в котором смешалось дыхание роз
С разлитым над вечностью Божиим неслышным дыханьем...

ТОККАТА ВЕЧНОСТИ

Листая жизнь – зачем-то через годы –
Во тьме московской долгой, в карантине,
Вдруг – ни к селу ни к городу – как отблеск
Забытого потерянного счастья,
Как сгусток некий воздуха и света,
Иль призрак – Ялта вспомнилась неожиданно...
На Пушкинскую улицу, где мы,
Хмельные и беспечные, гуляли,
На блеск старинной набережной, след
Хранящей дамы чеховской с собачкой,
На весь застывший в праздной неге город
Вдруг рухнул страшный ливень, да такой,
Что город стал одною хлябью с небом.
Мы, за руки с тобою взявшись, вмиг
Сквозь хлябь метнулись к ближнему укрытию –
Им оказался храм Пречистой Девы,
Готический собор, где шёл органый
Концерт старинной музыки, звучала

Токката ре минор, творенье Баха...
Как всё слилось: и Бах, и вспышки молний,
И узкая рука твоя в браслетах,
И капли влаги на твоих ресницах!..
Но дивный Бах! – необычайной мощи
И глубины исполненные звуки
Преображались над моей главою
В разверзшийся непостижимый космос,
Гимн вечности и трепет перед ней...
А близко, за церковною оградой,
Увитою плющом и виноградом,
Почти касаясь Божьего престола,
Свой гимн Творцу и славу пело море,
В своей любви и безраздельной мощи
Почти не уступающее Баху...

КРОВЬ ГРАНАТА

Лишь зной да пение цикад,
Да мы на воле –
Где чайки белые кружат
Да плещет море.
Владычица моих забот,
Как свет прекрасна, –
Ты разломила спелый плод,
Бордово-красный,
Когда-то, словно тайна тайн,
На райском древе
Висевший, свергнувший в соблазн
Праматерь Еву..
В темнице тесной изнемог,
И счастьем жизни,
Горячечную кровью – сок
На руку брызнул.

Как веющий над нами рок,
Дыханье рока, –
О, как таинствен и глубок
Сей дар Востока!
...И растворившись, не умру,
Но с лаской прежней
Огонь губами соберу
С ладони нежной...
И моря плеск, и полдня зной
Живут любовью...
И мы повязаны одной
С тобою кровью.

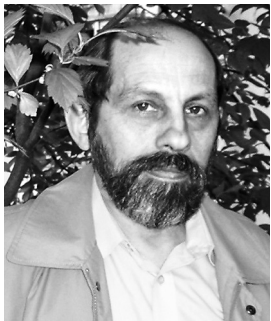
В ЛИЦО УВИДЕТЬ МОРЕ

Благословен недужной думы крах!..
И с целым миром в тягостном раздоре,
Отринуть жизнь, отринуть смерти страх,
И, наконец, в лицо увидеть море...

Не оторвать оторопевший взгляд
От вставшего в весь рост подобья ада:
Безумствуют, грохочут и шумят,
И стонут исполинские громады,

Стремящиеся вознести и смять...
Ожившее, о как ты робко бьёшься,
Как долго гласу тайному внимать, –
Пока с гремящей бездной не сольёшься!..

Борис ВИЛЕНСКИЙ

Борис Семёнович Виленский – поэт, прозаик, публицист. Член МГО СП России. Родился в семье офицера-фронтовика в 1951 г. Жил в Баку, Одессе, Киеве, Кировограде. Поступил в строительный техникум. После службы на флоте работал на строительстве крупных промышленных объектов в Кировограде. В Москву попал по комсомольской путёвке на строительство олимпийских объектов. Окончил курсы журналистики при МГУ. Был членом литстудии «Звезда», которой руководил поэт Сергей Каратов. Публиковаться начал более 40 лет назад.

Живёт в Москве.

РАССКАЗЫ

ЭЙФОРИЯ

Рассказ-быль

Парашютные сборы протекали плавно и рутинно: укладка парашютов, прыжки от рассвета до обеда, снова укладка и снова прыжки. На аэродроме собрались две команды. Кроме тренировочных прыжков, проходил отбор спортсменов на республиканские соревнования. Пока девушки «чистили пёрышки» и бросали лукавые взгляды, парни сосредоточенно прокручивали в голове все варианты прыжков, где и как можно сберечь драгоценные секунды, чтоб получить лучший результат.

Игорь Куценко не первый год занимался в аэроклубе, на его счету уже было около двух сотен прыжков. Глядя на старших товарищей, у которых были тысячи прыжков, он понимал, что его счёт смехотворно мал. А так, жизнь протекала размеренно и весело. Все призванные на сборы работали на заводах, в торговле, в милиции или были студентами. Сам Игорь работал мастером на стройке. Здесь, на аэродроме, Игорь отдыхал душой и телом. Стройка нервировала его своими проблемами, но диплом надо было отрабатывать. А здесь – степь, голубое небо, рокочущие самолёты, эйфория прыжков и симпатичные девушки. Так бы всё и катилось по рельсам равномерно-поступательно, но наступил день, который Игорь запомнил на всю жизнь. Этому предшествовали вполне незначительные события. Жизнь на аэродроме протекала по давно установленному сценарию. Вечером после укладки парашютов следовал ужин в столовой. Потом наступало свободное время, которое каждый тратил по своему усмотрению. Кто-то заваливался на железную койку с книгой. Некоторые собирались небольшими группками в беседке или просто на траве и травили анекдоты. Девушки, в отличие от парней, жили в нескольких отдельных кирпичных домиках, где в комнатах стояло

по четыре койки. У них даже были тумбочки, чего не было в общей казарме. Короче, девушки обладали большими привилегиями. Они тоже собирались в своих комнатах на девичьи посиделки, но доступ в их помещения был строго ограничен. Любые вспыхнувшие романы протекали на нейтральной территории.

В этот вечер ребята маялись от безделья, пока Юрка Смирнов не предложил устроить кому-нибудь розыгрыш. Почти двухметровый Смирнов, бывший десантник, был мастером спорта, участвовал в международных соревнованиях. Но в душе он оставался озорным и беспшабашным мальчишкой. Перебрав целый набор каверз, ребята приуныли, ничего нового на ум не приходило. Лягушка в ботинок уже была, разборка кровати тоже, штаны, завязанные узлом, не веселили. И тут Смирнову пришла в голову гениальная идея. Он предложил пошутить над Фёдоровичем. Лебедев Владимир Фёдорович был самым старым инструктором. Было ему уже за 50, что для молодёжи казалось безнадёжной старостью. Фёдорович всегда ходил в синем полинялом лётном комбинезоне и в сапогах. Даже ночью он не снимал комбинезон, исключение составляли только сапоги. Ложась спать, он ставил рядом с койкой сапоги так, чтобы при подъёме сразу попадать туда ногами. Потом размашистой походкой он шёл по казарме и устраивал побудку спортсменов. Задержаться в койке хоть на минуту не получалось ни у кого.

Игоря, наконец, осенило. Он предложил приклеить сапог Фёдоровича к полу клеем БФ-88. Его младший брат однажды так над ним пошутил – ботинок пришлось отрывать вместе с паркетом. Брат, конечно, получил по шее и надолго присмирел. Ребятам идея понравилась. Банки с клеем стояли на полке в самолётном ангаре, взять одну из них не составляло труда. Возник ещё вопрос: с какой ноги Фёдорович начинает движение. Долго спорили, но потом решение приняли простым голосованием. Кто-то сбегал в ангар за клеем. Все с нетерпением ждали отбоя. Спать ложились в 22.00, чтобы на рассвете приступить к первым прыжкам. Фёдорович требовал неукоснительного соблюдения режима. Не то что его побаивались, но уважали. Это не мешало ребятам иногда подшучивать над старым инструктором.

После отбоя никто и не думал спать, все умело притворялись спящими. Фёдорович тоже завалился на железную койку, не раздеваясь. Койка жалобно застонала и скоро затихла. Заговорщики предательски подкрались к инструктору с банкой клея. Сапоги стояли, как обычно, ровно, словно на плацу. Правый сапог приклеили к дощатому полу, после чего разбрелись по своим местам.

Утро началось не с крика «Подъём», а с львиного рёва. Фёдорович, как всегда, влез в свои сапоги и размашисто шагнул с левой ноги. Приклеенный сапог надёжно удержал его правую ногу, отчего Фёдорович почти растянулся на полу лицом вниз. Заговорщики даже не ожидали такого эффекта, поэтому на койках никто не задержался ни на секунду. Фёдорович продолжал извергать слова, как снаряды тяжёлого миномёта. Потом он велел принести ему большой нож из столовой. Общими усилиями сапог отделили от половицы.

– Заяц, это твоя работа? – рявкнул Фёдорович на стоящего неподалёку Смирнова (у Юрки действительно было прозвище «Заяц» из-за выдающихся верхних зубов).

– Да что ты, Фёдорович, ни сном, ни духом, – пытался откеститься Смирнов.

– Ничего, я сегодня со всеми разберусь, – зловеще пообещал Фёдорович.

Инструктор выдворил всех из казармы. Ребята рванулись к ряду умывальников на улице, чтоб поскорей стряхнуть с себя остатки сна. Из домиков напротив к умывальникам потянулись девушки. Их распорядок контролировал инструктор Таисия Семёновна Солтанова. Сказать, что эта женщина была легендой советского парашютного спорта, значит, ничего не сказать. На её счету было более 6000 прыжков и множество рекордов, более того, она ещё водила три типа самолётов. По характеру она была строгой, но могла и шуткой метко пригвоздить. Поэтому ребята не делали попыток вторжений в женские владения.

Солнце уже наполовину вышло из-за горизонта и напояло огромный поплавок. На взлётном поле уже суетились механики, подъехал грузовик с парашютами и ребята принялись

за разгрузку. Всё это укладывалось на большой брезентовый квадрат. Постепенно спортсмены в общей свалке отыскивали парашюты по своим номерам. Заведённый порядок не менялся с годами – за каждым был закреплён парашют со своим номером. Исключение составляло только списание парашюта по сроку службы или его порча и замена его другим. Игорь нашёл свои четыре парашюта. Проверил законтренные шпильки на ранце, наличие опечаток, и облегчённо вздохнул. Теперь оставалось ждать распоряжений инструктора. В первый взлёт Игорь не попал, но зато попал во вторую десятку. Это тоже было неплохо: ведь мог попасть в четвёртую или пятую. Небо было совершенно чистым, и это радовало спортсменов. Первая десятка была выпущена в три захода на круг. Самолёт прокатился по грунтовке раньше, чем приземлился последний спортсмен. Игорь набросил на спину парашют, застегнул все замки и стал прилаживать запасной, проверил крепление панели с высотомером и секундомером. Затем он надел шлем и затянул ремешок на подбородке. Он был готов. Вся десятка построилась на осмотр. Фёдорович, а он был выпускающим в этом взлёте, придирчиво осматривал каждого, а Юрку Смирнова – с пристрастием. Но к опытному спортсмену было трудно придаться, и Фёдорович только многозначительно хмыкнул. Ан-2 уже тарахтел рядом, поднимая в воздух пыль и пучки сухой травы. По приставной лесенке все поднялись в самолёт. Фёдорович вошёл последним и закрыл за собой дверь. Старый надёжный биплан затрясся, как в лихорадке, а потом начал разгон. После взлёта вибрация стала менее ощутимой. К ней давно все привыкли, кроме тех, кто делал первые свои шаги в небо. Самолёт набрал высоту и вышел на точку выброски. Фёдорович открыл дверь и приготовился к выпуску. Первый парашютист подошёл к двери, прозвучал сигнал и замигала зелёная лампа в салоне. Фёдорович дал спортсмену пинка сапогом, и тот вылетел. Второй уже понял, что это месть старого инструктора, и попытался избежать участи первого, но коварный Фёдорович и его отправил вниз тем же способом. Третьим был Юрка Смирнов. Он сразу стал пятиться спиной к двери. Фёдорович ждал, когда Смирнов повернётся к

нему спиной. Но опытный Юрка так и подошёл спиной к двери и со смехом вывалился из самолёта. Ещё какое-то мгновение он летел за самолётом, раскинув руки, а пальцы сложил в победном кукише. Фёдорович обалдел от такой наглости и, не задумываясь, бросился вдогонку за Смирновым. Он даже не пристегнул запасной парашют. Спортсмены сгрудились у открытых дверей. Смирнов, как белка-летяга, парил в воздухе, Фёдорович уже почти догонял его. Но хитрый Юрка неожиданно ушёл в пике, заставив инструктора промахнуться, а потом резко выпустил купол парашюта. Фёдорович, имея большую скорость, значительно провалился вниз. Спортсмены начали волноваться, но тут вспыхнул в небе второй купол. Все облегчённо вздохнули. Теперь парашютисты оказались без выпускающего. Самолёт пошёл на второй круг. И тут пилот помахал из кабины рукой и позвал Игоря к себе. За штурвалом была Таисия Семёновна.

– Игорь, – прокричала она, преодолевая шум мотора, – будешь выпускающим, прыгнешь на последнем заходе. Выполняй!

Игорь никогда не был в этой роли, но собрался мгновенно. Самолёт подходил к точке выброса. Игорь отсчитал троих и дал команду приготовиться. Он отстегнул от троса свой карабин вытяжного фала и застегнул его последним после всех. Опять сирена и зелёная лампа. Игорь по очереди выпустил троих. Потом закрыл дверь. Самолёт пошёл на третий круг. В салоне осталось трое вместе с Игорем. Первым был молодой парнишка, недавно пришедший в аэроклуб. После него должна была прыгать Галя Низовая. Она уже имела 3-й разряд по прыжкам. Её худенькая фигурка почти скрывалась под огромным и тяжёлым парашютом. Игорь помнил, что врачебно-лётная комиссия чуть не забраковала её по весу. Но товарищи отстояли настырную девушку. Парашют у Игоря был спортивный и весил вдвое меньше, чем у девушки, поэтому он легко передвигался по салону. Самолёт опять вышел в точку выброски. По сигналу Игорь выпустил первого, потом Галю, потом выбросился сам. Галя уже парила под огромным белым куполом, а Игорь стремительно летел к земле, распластавшись в воздухе. В нужный момент он рванул левой рукой кольцо, и над ним запылал красно-го-

лубой купол. Он взглянул вверх и увидел маленькую фигурку Галя. Земля быстро надвигалась на него. Через 30 секунд Игорь ощутил толчок о землю, и в это же мгновение он сделал кульбит, чтобы смазать силу удара. Быстро вскочив на ноги, он стал снимать парашют. Отстегнув последний замок, он вдруг увидел, что Галя уже скоро приземлится. Но порывом ветра её стало относить от грунтовки в сторону пахоты. К границам аэродрома подходило колхозное поле. Вспаханный чернозём резко отличался от серо-зелёной грунтовки. Игорь бросил свой парашют и побежал в сторону белого купола. Галя уже приземлилась на пахоту, и огромный парус волок её за собой, как куклу. За ней оставалась широкая борозда. Большими прыжками Игорь нёсся по пахоте. Обогнав Галю, он схватил уздечку купола и отвёл в сторону. Белое полотно стало опадать, как лепестки увядшего цветка.

– Галочка, ты жива? – спросил лежащую неудачницу Игорь.

Он протянул ей руку, Галя стала подниматься на ноги. На лице девушки появилась виноватая улыбка. Игорь увидел, что у неё между зубами была земля. Это несколько развеселило Игоря. Он помог ей отстегнуть подвесную систему. Оказалось, что у девушки рукава куртки тоже были полны земли. Земля также набилась сквозь клапана в запасной парашют. Игорь собрал парашют в сумку и направился к своему куполу. Галя плелась за ним, отплеываясь от земли, попавшей в рот. Игорь собрал свой купол и, взвалив на плечо две парашютные сумки, широкими шагами отправился к месту старта. Там уже царило бурное веселье. Все уже знали про Смирнова и Фёдоровича. Последнего пришлось долго успокаивать, даже врач заставила его измерить давление, настолько тот был возбуждён. Юрка тем временем благоразумно отсиживался в столовой и попивал чай.

Глядя на всю эту суету, Игорь подумал, что сегодня выдался ещё тот денёк. Он не подозревал, что приключения на аэродроме ещё не окончились. У него в запасе на этот день были ещё два прыжка. В третьем прыжке ему предстояло показать воздушную акробатику. Тут надо было собраться до предела и попробовать

перекрыть свой прошлый результат. И снова взлёт. На этот раз выпускающим был Белик. Самолёт набрал 3000 метров, и парашютисты по одному покидали борт. Шагнув в голубую дымку, Игорь включил секундомер. Отсчёт пошёл. Он почти сразу нашёл стрелу на аэродроме и развернулся в соответствии с её направлением. Можно было начинать. Он быстро выполнил правую и левую спирали, потом подтянул руки к телу и выпрямил ноги, его тут же бросило в переднее сальто, снова фиксация направления, левая, правая спираль, фиксация, он выпрямил руки и подтянул ноги ближе к животу, получилось заднее сальто, снова фиксация... Всё, можно выходить. Игорь рванул кольцо – и над головой затрепетал разноцветный купол. Оставшиеся несколько минут можно провести в созерцании. Игорь поудобней уселся в подвесной системе. На значительном удалении он видел своих товарищей, под ногами покачивались жёлтые и зелёные квадраты полей, серыми полосками бежали дороги, пахота выделялась чёткими чёрными прямоугольниками. Был виден весь серо-зелёный аэродром, ангары, столовая, казарма, маленькие машины и крошечные люди. Зрелище настолько захватило Игоря, что он непростительно расслабился. Это он понял уже тогда, когда услышал жужжание прибора. Дело в том, что на каждом парашюте стоял прибор КАП-3 М, который страховал парашютиста в критической ситуации: потерянности, потеря сознания. Тогда прибор срабатывал и автоматически открывал парашют. Для этого устанавливалась минимальная безопасная высота. Обычно парашютист сам открывал купол, а прибор на запасном отключал, тот срабатывал на установленной высоте вхолостую. Игорь просто забыл выдернуть чекующий шнур. Мысли замедлились настолько, что, казалось, совсем застыли. А прибор продолжал жужжать. Игорь знал, что нужно делать в таких случаях, но опоздал на доли секунды. Купол запасного парашюта вывалился под ноги, потом пучок строп скользнул между ног и наполнился сзади Игоря. Наполнившийся запасной купол перевернул его вниз головой. И так он летел под двумя куполами вниз головой, ощущая под коленкой тугой пучок строп. Тут Игорь сделал ещё одну роко-

вую ошибку – он стал пытаться подтянуть к себе купол запаски, чтобы перенести ногу через образовавшуюся слабинку и принять нормальное положение в воздухе. По инструкции Игорь должен был достать парашютный нож и обрезать стропы запаски. Но он продолжал тупо тащить купол к себе, напрягаясь из последних сил. Это была долгая и упорная борьба. Подтащить к себе купол площадью в 49 метров было непосильной задачей. Так барон Мюнхгаузен вытаскивал себя за волосы из болота вместе с конём. Потом он не мог этого объяснить ни себе, ни товарищам: ему удалось сделать петлю и перенести ногу. Земля быстро приближалась. Игорь бросил взгляд на приборную панель. Теперь мысль работала мгновенно – он сразу отметил высоту и данные секундомера. До приземления оставалось двадцать секунд, десять, пять, толчок. Приземление прошло нормально. Игорь отстегнул запаску, потом стал отстёгивать подвесную систему основного парашюта. Краем глаза он увидел человека, который бежал к нему и что-то кричал, ещё через несколько секунд Игорь осознал, что это мчится разъярённый Белик. И тут сработал инстинкт – ему лучше избежать встречи с инструктором. Быстро отстегнув последний замок, Игорь сбросил с себя парашютную сбрую и рванул в сторону пахоты. Белик настигал его. Но Игорь уже мчался по пахоте, он был в парашютных ботинках, это помогло оторваться от разъярённого инструктора. Белик в лёгких кроссовках не мог бежать по рыхлой земле – она тут же набилась в обувь. Он остановился и кулаком погрозил Игорю вслед.

Игорь отдышался и вернулся к месту, где бросил парашюты. Белик был уже далеко, можно было возвращаться. Игорь, не торопясь, собрал купола в сумку, взвалил на спину и поплёлся на аэродром. Внутренний голос говорил, что это ещё не все неприятности на сегодня, потому что на старте его встретил Белик.

– С тобой будет разговор особый, – процедил он сквозь зубы, – потом. А теперь держи, – он всучил Игорю в руки мегафон, – будешь дежурным по квадрату. От прыжков отстраняешься на три дня.

– Константиныч... – пытался протестовать Игорь.

Но Белик махнул рукой, словно разрубил какую-то связь. Авторитет инструктора неоспорим, как воинский устав. Игорь повесил мегафон на плечо и понуро отошёл с линии старта. Вечером состоялся «разбор полётов и раздача слонов». Игорь стойко выслушал упрёки инструкторов и товарищей. Он прекрасно понимал, что своими необдуманными действиями поставил под удар честь аэроклуба. Такие случаи были редки и потому болезненны. Только спустя три дня Игорь до мелочей прокрутил в сознании своё «приключение» и ему по-настоящему стало страшно. Он дважды грубо нарушил инструкцию и этим поставил свою жизнь на гибельную черту. Мысленно поблагодарив своего ангела-хранителя, он пообещал по возвращению в город поставить в церкви свечу.

ОБЪЕГОРИЛ

Рассказ-быль

Боцман Василий Иванович Диордий по своей фигуре был мужчина значительный. Он редко повышал голос и почти не ругался матом, но матросы его не то чтобы побаивались, но опасались и уважали. Им казалось, что мичман Диордий видит их насквозь. И действительно – он ухитрялся найти спиртное в таких местах, о которых бы никто и не догадался. На самом деле двадцать лет службы на Северном флоте выработали у него интуицию и знание психологии матросов. Нарушителей он «ломал через колено», как турецкий янычар. Делал он это с помощью устава и неопровержимых доказательств вины нарушителя. Но однажды интуиция его подвела.

Матрос Дмитрий Черняк худо-бедно дослуживал третий год. На горизонте уже маячила демобилизация, в голове роились планы будущей гражданской жизни. Ещё в учебке он прославился своей непокорностью и тем, что по окончании учёбы имел тридцать неотработанных нарядов. Но офицеры отмечали его как грамотного специалиста. Многие его товарищи из учебки

вышли старшинами, кто второй, кто первой статьи. Зато Черняк вышел без лычек, но со значком «Специалист 2-го класса». Среди курсантов это было большой редкостью. Нельзя сказать, что Черняк был недисциплинированным матросом. Просто он никому не спускал несправедливости, и с «дедами» общался на равных. Район города, в котором он вырос, отличался своей шпаной, поэтому мальчишки с детства усваивали дерзость. Впрочем, Димку уважали за весёлый нрав, твёрдый характер и большую начитанность. Офицеры отмечали, что матрос Черняк не только хороший специалист, но и политически грамотный. Сам Черняк снисходительно относился к похвале, никогда не выслуживался и не «ел глазами начальство». В свободное время он забивался куда-то в угол и погружался с головой в очередную книгу. Его товарищи корпели в это время над любовными посланиями подругам на далёкой «гражданке». Димка же писал только родителям и друзьям. Он понимал, что подруги не будут ждать его три года, поэтому безжалостно оборвал все прошлые любовные связи.

Старшина 1-й статьи Виктор Тетерев был заядлым спортсменом. Многие матросы старались отлынивать от лишней физподготовки, кроме Черняка. Поэтому Тетерев с первого года службы стал опекать салагу. Тот не только составлял компанию старшине на спортплощадке, но и учился у старшего товарища многому. Ещё на первом году службы всем делали прививки от энцефалита. Последствия прививки были весьма болезненны, поэтому некоторые старались избежать неприятной процедуры. Хотя это удавалось редко. Дима пошёл на прививку без колебаний. Он вошёл в кабинет сразу после старшины Тетерева. Когда медсестра засадила под лопатку дозу вакцины, Диме показалось, что спина горит огнём.

– Что, брат, не нравится? – усмехнулся Тетерев, когда Черняк вышел из кабинета.

– Препакостная штука, – поморщился Дима.

– Ладно, салага, пошли со мной – лечить буду, – старшина хлопнул Димку по спине, от чего тот чуть не взвыл.

– Что, спирт есть? – поинтересовался Черняк.

– Дурак ты, братец! Пошли, а то время теряем.

Старшина привёл Димку на спортплощадку и велел ему делать то же, что и он.

– Вакцину надо разогнать по всему телу, – объяснил Тетерев, – поэтому заниматься будем до седьмого пота. И поменьше себя жалей.

Димка сомневался, но старшина уже крутился на кольцах, потом перешёл на брусья, оттуда на турник. Черняк старательно следовал за старшиной, периодически меняя снаряды. Странно, но боль под лопаткой отпустила, тельняшка пропиталась потом и прилипла к телу.

– Ну что, живой? – улыбнулся Тетерев, отирая пот с лица. – Пошли, на сегодня хватит.

В казарме Димка снял мокрую тельняшку и упал на койку с книгой. Ребята, пришедшие из санчасти, тихонько подвывали. Это мешало чтению, и Дима ушёл в ленкомнату. Утром на подъёме многие не смогли встать с койки, у некоторых температура поднялась до 39. Черняк легко поднялся с койки и отправился на зарядку. На следующий год после такой же прививки Дима сам помчался на спортплощадку. Старшина Тетерев к тому времени уже был дома, «на гражданке».

Черняк по-прежнему не делал попыток заработать лычку на погон. Но зато почти единогласно экипаж выбрал его комсоргом. Оказанная ему товарищами честь вызвала у Димки приступ отчаянья. Должность комсорга накладывала свои обязанности и отнимала личное время. Приходилось всё время быть на виду. Но были и свои плюсы – он мог без увольнения покидать пределы части под предлогом подготовки к разным мероприятиям. Была только небольшая формальность – отмечаться у дежурного по части на КПП. Теперь он мог ходить в библиотеку Морского клуба. Там же сидел художник Сашка Ефремов, с которым они делали стенгазету. Морской клуб был большим двухэтажным зданием. Второй этаж занимали кабинеты и библиотека, а на первом были спортзал и кинозал с большой сценой. Короче, в клубе можно было затеряться. Дима, пользуясь этим, назначал там девушкам свиданья. Да, кроме

книг девушки были его слабостью. Ребята над ним подшучивали и где-то завидовали его успехам на любовном фронте. Димка, конечно, старался не афишировать свои связи, но в маленьком военном городке трудно было что-то утаить.

На третьем году службы подошёл новый срок выборов комсорга. И тут Димка выкинул фортель, которого не ожидали ни офицеры, ни его товарищи. В один из дней Димка напился и явился в клуб в непотребном виде «на светлы очи отцов-командиров». Глупая пьяная ухмылка гуляла по лицу, дескать, вот я какой. Его тут же сопроводили на гауптвахту. Некоторые офицеры подозревали, что матрос Черняк просто устроил спектакль, демонстрацию. Но факт был фактом. С «аморалкой» человек не мог быть комсоргом. За три дня Димка отдохнул на «губе», прочитал две книги и готов был к дальнейшей службе.

Морские походы сменялись сидением на базе, боевой подготовкой, политзанятиями и хождением в наряды. Так и подошёл долгожданный приказ министра обороны об увольнении. Приказ – дело святое и его требовалось хорошо «обмыть». Вопрос серьёзный, и подходить к нему надо было основательно. После отбоя «деды» собрались на совещание.

– Надо выбрать рабочую группу, которая займётся организацией отмечания... нет, отметки... тьфу! Короче, обмывания приказа, – начал торжественно Коля Кравченко.

– Коля, ты за три года уже умом дембельнулся, – пробасил сибиряк Лёша Легостаев. – Мало нам комсомольских собраний, так ты тут затеял пионерский слёт.

– Воду в ступе толчём, – подал голос разжалованный старшина Зямылев. – Соберём деньги, салагам список в зубы и пусть дуют в магазин.

– Дурак ты, Зяма, – заметил старшина Кононов, – ведь сам знаешь, что салагам нельзя ничего серьёзного доверить. Им дай лом, так они и его сломают. А при виде офицеров у них коленки подгибаются.

– Ша, хлопцы, щас я балакать буду, – Юрка Шупенюк навис над товарищами своей огромной фигурой. – Коконов прав. Салаги спалятся. Поэтому предлагаю Димку Черняка. И не

гундеть! – Юрка поднял внушительный кулак, реагируя на ропот товарищей. – Аргумент у меня железный, кто сможет, пусть разобьёт. У Димки подруга работает в военторге. Так? Так! Водка у нас в дефиците? В дефиците. А Лидка ему подгонит всё, как по заказу. Усекли?!

Аргументы и впрямь были железными, поэтому споры сразу прекратились. Теперь предстояло скинуться. На койку бросили бескозырку Шупенюка и в неё полетели рубли, тройки, пятёрки. Когда последняя купюра легла в общую кучку, Юрка пересчитал деньги (не скрысятничал ли кто). Сумма сошлась.

– Всё, как в банке, – пробасил Шупенюк. – Димыч, забирай кассу! А теперь составим список покупок, – похоже, Шупенюк взял организацию на себя.

Список составили и в смету уложились. Кто-то принёс Черняку старенький рюкзак. Ещё какое-то время поговорили и легли спать.

Утро, как всегда, началось с подъёма, потом зарядка. Черняк, как «дед», мог не ходить на зарядку, но почувствовал желание взбодриться. Холодный воздух освежил его. Завтракал Дима вяло, без аппетита – все мысли вертелись вокруг похода в магазин. Надо было как-то официально обставить выход за пределы части. Но как? Он больше не был комсоргом, а потому утратил свою привилегию. Можно было, конечно, рвануть через «комсомольскую» проходную в районе санчасти, где один пролёт бетонного забора почти рассыпался. Его пытались зашить досками, но те почему-то исчезали самым таинственным образом. Нет, надо было идти через КПП. И тут Димке пришла в голову гениальная идея, с которой он пришёл к Юрке Шупенюку.

– Выручай, земляк, надо собрать в экипаже все библиотечные книги. Я загрузу их в рюкзак и пройду через КПП. Там сегодня дежурит кап-три Баранов. Он проверит рюкзак, это точно. Зато на обратном пути, думаю, не будет.

– Ну, Димыч, у тебя голова! – похвалил Юрка. – Сейчас всё сделаем. Эй, краснофлотец! – он поймал дневального-первогодка, – собери-ка мне по тумбочкам все библиотечные книги. И мухой!

Молодой попытался «откосить», дескать, он – дневальный. Но огромный кулак Шупенюка перед носом не оставил ему никаких шансов на протест. Через пятнадцать минут рюкзак Черняка значительно потяжелел от книг. Он взвалил его на плечи и отправился по центральной аллее в сторону проходной. Дежурный по части капитан третьего ранга Баранов вышел из дежурки. Солдаты, которые дежурили у ворот, встали по стойке «смирно».

– Куда собрался, мариман? – поинтересовался Баранов. – А в рюкзаке что, боеприпасы на продажу?

– В библиотеку, книги обменять, товарищ капитан третьего ранга, – бодро доложил Черняк, пропустив мимо ушей неуклюжую шутку офицера, скинул с плеча рюкзак и быстрым движением раскрыл его.

– А что, для этого салаг не нашли? – поинтересовался Баранов, мельком заглянув в рюкзак.

– В нарядах все, Юрий Иванович, – небрежно отбрехался Димка.

Офицер махнул рукой и ушёл в дежурку. Черняк с внутренним ликованием отправился к Морскому клубу. Там он сдал молоденькой библиотекарше книги. В другой ситуации он бы тут задержался, чтоб охмурить очередную подружку. Но сейчас было не до того. Выходя из библиотеки, он заметил небольшую стопку книг, которые были приготовлены для списания. Там оказались старые материалы съездов КПСС, какие-то политически брошюры. Димка запихал часть книг в рюкзак для маскировки. Теперь можно было идти в магазин.

В военторг Димка зашёл с чёрного хода и попросил позвать в подсобку продавщицу Лидочку. Через несколько минут сияющая Лидочка вбежала в подсобку и обняла Димку. Обвив шею руками, она с какой-то неистовой страстью впиалась пухлыми губками в Димкины губы так, что в Черняке что-то дрогнуло. Он ощутил какую-то необыкновенную нежность и в то же время чувство глубокой вины. Лида была хороша во всех смыслах: нежна лицом, ладно скроенной фигурой, точёными ножками и добрым, весёлым характером. А темперамент у неё был бе-

шенный, от чего Димка таял, как пломбир на солнце. Желание сжигало его, но здесь было не место и не время. Он, наконец, справился с собой.

– Лидочка, у меня к тебе огромная просьба, – он почему-то стал мямлить, – понимаешь, ребята поручили мне задание, понимаешь, приказ вышел и его надо обмыть. Мы вот тут собрали деньги и список составили...

Лидочка слушала его, и сияющие глаза её стали тускнеть. Димка ощутил почти физическую боль. Раньше он не чувствовал в себе такую способность испытывать вину и щемящую нежность.

– Значит, ты скоро уедешь? – глухим голосом спросила Лида. – Давай свой список.

– Лидуша, солнышко, ты поедешь со мной? Я люблю тебя, – сдался Дима. – Ты уволишься и поедешь со мной. Правда, у моей мамы тяжёлый характер. Но ведь мы выдержим? Отец меня поддержит на сто процентов.

– Ладно, жених, давай рюкзак, а то ребята тебя, небось, заждались.

Она ушла со списком и вскоре появилась ещё с одной девушкой. Водку запихнули в рюкзак, предварительно завернув в брошюры, чтоб не звякали, аккуратно сложили консервы, две палки колбасы, небольшую круглую головку сыра. Всё это плотно обложили книгами, чтоб через брезентовую ткань выпирали углы, и сверху сложили книги. Рюкзак крепко завязали шнуром, чтоб развязать было непросто. Ноша получилась довольно увесистой. Девушки взгромоздили Черняку рюкзак на спину. Он перекрестился и, чмокнув Лидочку в губы, вышел из магазина. Теперь предстояло пройти ещё одно испытание, но Димка думал только о Лидочке. Подходя к части, он снова стал перед выбором: идти через КПП или всё-таки через «комсомольскую» проходную. До ворот части оставалось каких-то двести метров, когда из-за угла вынырнул боцман. Он появился настолько неожиданно, как чёрт из табакерки, что Димка даже не успел испугаться. Но спина сразу же вспотела. Он вскинул руку для приветствия.

– Черняк, что тут делаешь, почему не в экипаже? – Диордий глазами ощупывал рюкзак.

А Димке уже казалось, что его прощупывают рентгеном, что даже его мысли боцман сейчас вывернет наизнанку. Мысли шарахались в голове, как перепуганные птицы в клетке, нет, это был хаотический шквал электронов. Досмотр казался неизбежным и роковым.

– За водкой ходил, Василий Иванович! – бодро выпалил Черняк.

Он собирался сказать совсем другое, но, похоже, язык тут поссорился с мозгами. Димка сам удивился тому, что сказал. Боцман постучал согнутым пальцем по рюкзаку, ощущая твёрдость книги, махнул неопределённо рукой и пошёл дальше. Димка почувствовал, как струйки пота скользили по спине, даже тяжесть на спине стала невесомой. Он какое-то время стоял на месте, словно прирос к асфальту, а потом пошёл к КПП ватными ногами. Он решил внаглую идти напролом. И снова из дежурки вышел офицер.

– Что обратно тащишь? – спросил Баранов.

– Водку, товарищ капитан третьего ранга! – отрапортовал Димка.

– Не многовато одному? – рассмеялся офицер. – Смотри, не напейся.

Димка прошёл через КПП и направился в экипаж. Уже в казарме, поднявшись на второй этаж, он доплёлся до своей койки и рухнул на неё прямо с рюкзаком.

– Идиёт, – прошипел откуда-то появившийся Шупенюк, – хрусталь побьёшь.

– Юрка, снимай с меня этот парашют, – попросил Черняк, – а то сил уже не осталось.

– Что, досталось? – Юрка перешёл на шепот.

– Потом расскажу, – махнул рукой Димка, – в горле пересохло. Принеси воды.

Шупенюк сделал пасс руками, кто-то из молодых притащил графин с водой. Димка приложился к графину, и половина содержимого перелилась ему в глотку. К его койке стали соби-

раться товарищи. Они хотели узнать, как Димке удалось протащить рюкзак с водкой, но тот уже засыпал. Сказалось нервное напряжение.

Черняк проснулся от того, что его кто-то тряс за плечо. Он долго пытался сообразить, сколько он проспал. За окном был полярный день, а часы находились в тумбочке. Он, наконец, сфокусировал взгляд и увидел перед собой Мишку Арбузова.

– Вставай, кореш, тебя уже ждут. Столы стоят накрыты.

– Какие столы? – Димка осовело глядел на Арбузова.

– Так ведь приказ обмывать, – удивился Мишка. – Иди хоть рожу умой, а то ребята ржать будут.

– А я их сеном накормлю, – проворчал Димка, – чтоб не ржали.

Он всё-таки умылся и в сопровождении друга отправился в ленкомнату. Там действительно столы были накрыты и его ждали.

– Ты, брат, здоров дрыхнуть, – попенял ему Лёшка Легостаев. – Все уже в сборе. Народ жаждет услышать твой героический рассказ. Но сначала официальная часть, – он трижды хлопнул в ладоши.

В комнату под конвоем Шупенюка вошёл дневальный с газетой. Он влез на тумбочку, развернул газету и с выражением огласил приказ министра обороны. После этого Шупенюк торжественно поднёс ему стакан водки и огурец. Дневального выпроводили и сразу поднялся радостный шум. От Черняка все требовали рассказа, как он пронёс водку. Дима рассказал, опустив многие детали. Он без особого энтузиазма опрокидывал очередную рюмку водки и почти механически закусывал. Все его мысли были о Лидочке. Если с демобилизацией уже было всё ясно, то личная жизнь терялась в тумане. Только под утро «деды» угомонились и легли спать. Кого-то приходилось нести из ленкомнаты до койки. Самые устойчивые убирали следы пиршества.

Подъём был, как всегда, в 7.00. Обеспечивающим в этот день оказался сам боцман. Василий Иванович прошёлся по первому этажу. На душе было непокойно, что-то было в экипаже не так. Убедившись, что матросы встают на зарядку, он стал поднимать-

ся на второй этаж. Там тоже шла какая-то суета, но матросов было мало. Только когда боцман увидел на койках два десятка спящих людей, он понял всё. Матросы спали в разных позах поверх одеяла одетые. Это были старослужащие. В зале чувствовался стойкий дух перегара. Василий Иванович почувствовал приступ гнева, что бывало с ним нечасто. Он подошёл к койке, на которой сладко посапывал матрос Черняк. Боцман ухватил его за тельняшку и рывком попытался поставить матроса на ноги. Но у того подгибались колени и стоять он не мог.

– Земляк, говоришь? – прорычал боцман, – Я тебе покажу земляка! Ты вчера водку пронёс в часть? Меня, старого морского волка, объегорил! И кто объегорил – салага!

– Василий Иванович, я вам вчера правду сказал, а вы не поверили, – язык у Черняка еле ворочался, он ещё и ухмылялся.

– Эта правда тебе боком выйдет! – зловеще пообещал мичман. – На дембель последним поедешь. Меня... объегорил... моллюск головожопый... молокосос! – боцмана бесила дурацкая ухмылка на лице Черняка.

Василий Иванович разжал руки, и Черняк плавно сполз на пол. Боцман досадливо поморщился, он понимал, что остальные «деды» представляют собой такие же аморфные медузы, как и этот... земляк. Он развернулся и пошёл искать старшину, дежурного по экипажу. По дороге он разнёс дневальных так, что те чуть не начали заикаться.

Димка Черняк поехал домой в июне, когда его товарищи уже давно отмечали своё возвращение среди друзей и родных. Вместе с ним уезжали пять разжалованных старшин. Но Димку это не особенно огорчало – с ним вместе уезжала Лидочка. Они шли, держась за руки так, что ни один патруль не посмел остановить матроса, нарушающего устав.

НИТОЧКА С ИГОЛОЧКОЙ

Дружба двух совершенно разных людей всегда вызывает у многих недоумение. Но в этом нет никакого противоречия,

ведь даже из физики известно, что противоположные заряды притягиваются. Этими зарядами были Димка Черняк с Донбасса и Мишка Арбузов из Иваново. Арбузов был крепко сбитый парень со степенным характером, с ярко выраженным говорком на «о» и с определённой тягой к спиртному. Черняк был его полной противоположностью: импульсивный, дерзкий, весёлый, спортивный. Познакомились они ещё в учебном отряде в Североморске и по стечению обстоятельств попали в один экипаж. Кипучую натуру Черняка уравнивал своей степенностью Арбузов. Этот тандем заметили не только их товарищи по службе, но и офицеры. С лёгкой руки старшего лейтенанта Фильчикова их окрестили «ниточка с иголкой». Но друзья не обижались на это. Командир, капитан третьего ранга Антонов, тоже приметил двух друзей в своём экипаже. По своей должности он был не только командиром грозного подводного крейсера, но и профессором в своём деле – всегда тщательно подбирал не только офицеров в свой экипаж, но и матросов срочной службы. Приглядевшись к молодым матросам Черняку и Арбузову, он понял, что этим двоим можно поручить любую работу и та будет выполнена старательно. Черняк быстро соображал, хорошо разбирался в технике, стремился точнее разобраться в деталях дела, но быстро терял интерес к тому, что уже хорошо узнал. Арбузов, внешне медлительный, доводил любое дело до логического конца.

Жизнь флотская скучна и однообразна. Но это мнение человека постороннего и совершенно неправильное. Разумеется, служба всегда должна подчиняться уставу и распорядку. Но так бывает только на бумаге, а жизнь всегда преподносит сюрпризы. Одним из сюрпризов в экипаже были два друга – Черняк и Арбузов. Если где-то находился один из друзей, то с полной гарантией другой находился рядом. Их выходки и порой неровные отношения забавляли ребят. Если случалось друзьям выпить, то каждый по-своему проявлял себя. Димка становился разговорчивым, весёлым и остроумным, его энергетика требовала выхода за рамки обыденности. Причём, со стороны было трудно определить, что он принял на грудь. Мишка наоборот – его лицо

багровело, взгляд был исподлобья, становилась замедленной речь, в которой «о» вообще приобретало иную геометрическую форму. Часто Димка из-за этого злился на друга – своим видом он с потрохами выдавал своего собутыльника.

– Михайло Васильевич, – пенял другу Черняк, – твоя рожа как светофор. Мне что, закрывать тебя в кандейку после каждой выпивки? Ты же точнее, чем дорожные знаки. Как мичмана тебя увидят, так сразу бегут меня нюхать. Придётся тебе урезать дозу.

– Я тебе урежу, – Мишка погрозил внушительным кулаком.

– Ты меня пугаешь или угрожаешь? – завёлся Димка. – Ах ты, валенок ивановский, да я тебя загоняю, как малька в море.

Словесная перепалка друзей привлекала зрителей и сулила зрелище, которые так редки во флотской службе. Но до драки дело доходило редко – Черняк быстро заводился, но так же быстро остывал. Однажды друзья отправились вдвоём в увольнение. Это был второй год службы, почти середина. В бытовой комнате царил ажиотаж, все наглаживали парадную форму. На брюках из толстого флотского сукна трудно было навести острые стрелки. Поэтому брюки выворачивали наизнанку, а изнутри место стрелки натирали парафиновой свечкой. Потом брюки снова выворачивались на лицевую сторону и тщательно проглаживались горячим утюгом через мокрую марлю. Ленивые, как правило, подпаливали брюки, после чего долго чесали в затылке, стараясь отбиться от злых шуток товарищей. Так на флоте повелось издавна, что чистота и порядок были возведены в ранг непререкаемых ценностей. Прежде, чем увольняющиеся отправятся на построение, где им выдадут увольнительные, «деды» придирчиво осматривали каждого. Никто не должен был уйти в увольнение в неушитой форме, то есть мешок мешком. Даже офицеры не были настолько придирчивы. Но старослужащие считали, что в увольнение все должны были выходить безукоризненно.

Черняк и Арбузов спустились на первый этаж на построение. Хотя первый этаж по кем-то заведённому порядку именовали нижней палубой. Мичман критично осмотрел всех увольня-

ющихся и не нашёл нарушений, а потом повёл всех на КПП к дежурному по части. Наконец матросы вышли за ворота части и мелкими группками разошлись в разные стороны.

– Куда пойдём, Мишаня? – поинтересовался Черняк.

– Так я думал, что ты к Лидке, – удивился Арбузов.

– Ага, я к Лидке, а ты в Иваново к Людке, только билетов у тебя на самолёт нетути, – передразнил друга Димка, нарочито нажимая на «о». – Пойдём в Клуб, а там видно будет.

– Может, красненького, – предложил Мишка, – для лечения нервов?

– Нервы ты уже лечил месяц назад, – злорадно припомнил другу Черняк, – так что обойдёмся без микстуры.

История, которую припомнил Димка, произошла совсем недавно. Однажды он заметил, что Мишка стал изрядно почёсываться.

– Мишаня, а ты мыться пробовал? – подкалывал друга Черняк. – Хошь, карасину тебе достану, говорят шибко помогает от шестиногих.

– Пошёл ты! – огрызнулся Арбузов. – Тебе бы так.

Мишка продолжал чесаться до такой степени, что расчесал спину и ноги в кровь. Это заметил боцман и отправил матроса в санчасть. Его положили в палату с подозрением на чесотку, а в экипаже объявили карантин. Это означало, что все увольнения и выходы за пределы части будут прекращены. «Деда» всю костерили чесоточного Арбузова, потому что некоторые из них ухитрились жениться на последнем году службы и каждый выходной имели право на увольнительную к жене. А тут такой казус. Карантин продлился почти месяц, а потом выяснилось, что у Арбузова это было на нервной почве. Мишку вылечили, и все облегчённо вздохнули. Снова разрешили увольнения и походы из части.

– Так что будем делать? – снова вернулся к вопросу Черняк. – Значит, в Клуб? Пошли тогда.

Друзья направились в Клуб. Там народу было немного – танцы должны были начаться часов в семь вечера. Черняк и Арбузов вышли на широкое крыльцо и закурили.

– А пойдём в барак, – предложил Мишка, – есть там одна подруга. Намёки делала, дескать, заходите в гости.

– А чего это мы вдвоём погрёмся, – возразил Димка, – меня никто не приглашал туда. Вот если бы у неё подруга была, тогда другое дело.

– Да там в бараче много девок живёт, – заверил друга Мишка, – вот Наташка и пригласит кого-нибудь. Глядишь, до вечера и скоротаем время.

– Ладно, пошли, – согласился Черняк, хотя внутри уже зрело убеждение, что увольнение пройдёт впустую.

Деревянный барак старой постройки был довольно большим. Стены из тёмных брёвен скорее напоминали стены крепости, а маленькие окна – бойницы. Но для Севера такая постройка была вполне оправданной – через маленькие оконные проёмы меньше уходило тепла. Тёмная дощатая дверь вела в широкий полутёмный коридор, где по обе стороны были двери в жилые комнаты. У дверей стояли где-то коляски, велосипеды, где-то санки, где-то на стене висели корыта и стиральные доски. Всё это напоминало музей старого быта. Арбузов уверенно вёл друга по длинному коридору. Они остановились перед разохшейся дощатой дверью с осыпающейся коричневой краской. Мишка деликатно постучал. Из-за двери раздался детский плач, потом женский крик, и всё стихло. Через минуту из двери выглянула девушка лет тридцати, непричёсанная, запахнутая в старый потёртый халатик.

– Ой, я сейчас, – виновато засуетилась девица, – подождите минутку, я сейчас.

Пока друзья стояли за дверью, в комнате происходил какой-то ажиотаж, что-то двигалось, скрежетало, хлопалось. Вскоре хозяйка появилась в шёлковом голубом халате и с подобием причёски.

– Заходите, простите за беспорядок, гостей не ждала, не успеваю наводить порядок, почти каждый день на работе, один только выходной, садитесь вот сюда, – всё это она тараторила быстро передвигаясь по комнате.

Черняк заметил, что у Наташи были две комнаты, очевидно, другая, поменьше, была детской. Незатейливый быт хозяйки

нисколько не шокировал Черняка, хоть он втайне считал себя эстетом. Сибаритство тоже было ему чуждо. Тем временем на столе стали появляться тарелки, какие-то закуски, а на сковороде уже шипела картошка с яичницей. Как апофеоз стола, появилась бутылка водки с рюмками. Наташа уже взялась разлить водку, но Черняк опередил её.

– Извините, но разливать это привилегия мужчин. Выпьем за знакомство.

Возражений не поступило, и рюмки тут же опустели. Пока друзья хрустели солёными огурцами, Наташа быстро разложила содержимое сковородки по тарелкам.

– Не вовремя выпитая вторая, – провозгласил Черняк, – это напрочь загубленная первая.

Он быстро разлил водку, сказал незамысловатый общий тост, после которого все выпили. Мишка почему-то молчал, и даже друг не догадывался, о чём тот думает. Он медленно закусывал. Снова разлили. Теперь можно было выдержать паузу и поговорить. В это время из маленькой комнаты появилась девчонка четырёх-пяти лет. Короткое застиранное платьице был измятым, личико было замурзанное и белые волосёнки всклокочены. Взгляд у девчонки был испуганный, даже затравленный. Наташа предложила снова выпить. Рюмки подняли... И тут случилось то, что перевернуло жизнь Черняка на долгие годы. Маленькая девчонка подошла к столу, ухватила большой кусок яичницы с тарелки Черняка и, отбежав в угол, стала жадно есть. Вид у неё был, как у затравленного зверька. У Димки водка застряла в горле – ни проглотить, ни выплюнуть. Водка обжигала, но спазм не проходил. Наконец он проглотил водку и быстро запил водой. Девчонка уже доела кусок и облизывала пальцы. Черняк, молча, поднялся из-за стола.

– Ребята, вы куда? – удивилась Наташа.

– Дочку накорми, – хмуро процедил Черняк. – Увижу, что ребёнка обижаешь... – Димка поднёс к носу внушительный кулак, потом он вытащил из кармана пять рублей и положил на стол, – купи девчонке что-нибудь, я проверю. Пошли, Мишка.

Потом он взял со стола недопитую бутылку водки и вылил в умывальник. Вместе с другом Димка вышел на улицу. Настроение было поганое, если не сказать хуже. Увольнение было напрочь испорчено, в Клуб идти уже не хотелось. По дороге в часть друзья шли, молча, и даже не смотрели друг на друга, словно боялись прочитать в глазах друг друга нечто порочное, преступное. На КПП их встретил дежурный по части каптри Баранов.

– Чего так рано, краснофлотцы? – спросил он с подозрением.

– Настроение пропало, Юрий Иванович, – буркнул Черняк.

– Что-то вы мутите, ребята. Ладно, давайте увольнительные отмечу. А чего это краснофлотец Арбузов надулся, как сыч, и даже рожа не красная?

– Так ведь настроения нет, – ответил за друга Черняк.

– Ладно, дуйте в экипаж, – ответил офицер, отдавая увольнительные записки.

Отдав честь, друзья поплелись мимо штаба к двухэтажному зданию, где размещался экипаж. Говорить не хотелось вообще ни о чём, тем более о недавней ситуации. На первом этаже их встретил старшина первой статьи Гриша Нестеренко.

– Что, друзья, облом? – пошутил он. – Может, выпить хотите? Запить неудачу не является наказуемым.

Предложение выпить несколько оживило Арбузова. Черняк же, молча, помотал головой и стал подниматься на второй этаж.

– Что это он? – поинтересовался старшина. – Неужели опять поссорились?

– Хуже, – Мишка неопределённо махнул рукой и направился к лестнице.

Оксана ШЕВЧЕНКО

Оксана Владимировна Шевченко – поэт. Родилась в г. Фрязино Московской области в 1982 году. Окончила Литературный институт им. А.М. Горького (семинар поэзии Юрия Кузнецова), кандидат филологических наук, член Союза писателей России. Руководит поэтическим клубом города Фрязино «Тёмные аллеи», работает редактором и журналистом. Автор нескольких поэтических сборников («Ладони земные», «Девичий след», «Цветущий город», «Листопадные выходные», «Возвращённые чувства», «Дневник поэтессы»), научной монографии «Аспекты творчества поэта Юрия Кузнецова» и книги для детей «Житие святого Константина». Дипломант литературной премии им. Роберта Рождественского (2013 и 2033 гг.).

Живёт в г. Фрязино Московской области.

ЛИСТОПАДНЫЕ ВЫХОДНЫЕ

* * *

Рифмуется только то, чего никогда и не было.
Зелёное и золотое, сиреневое и белое,
Мягкое, луговое, былинки и небылицы,
Слово находит слово, словно ладони – лица.
Тянутся солнцепёки, камни в ручье щебечут.
Имя твоё созвучно с лепетом нашей встречи,
Или ещё – со смехом летней, дождливой крыши.
Всё рифмовалось ладно – да ничего не вышло.

* * *

Деревянная лестница прямо с крыльца – в лес,
Золотистые тени в сарае, когда восход.
Я всегда просыпаюсь в пору таких чудес,
Что глазею вокруг, изумлённо открыв рот.
Вот сегодня проснулась и вижу: сидит пёс,
Окропленный росинками солнечного дня.
Он тактичен и в личную жизнь не суёт нос,
Но по доброму нраву всегда охранял меня.

ВЛЮБИЛАСЬ

Влюбилась в тебя – споткнулась на ровном месте.
Сижу себе тихо и синяки считаю.
Доброжелаю: не лезьте ко мне, не лезьте!
Сердце моё как жестянка звенит пустая.

Лавочка в листьях хмурится над причалом.
Дай посижу на ней и похмурюсь тоже...
Что за история? Вся без конца – начала,
И ни на что знакомое не похожа.
Я о такой любви – ни чутьём, ни зреньем,
Слухом своим не слышала абсолютным...
В городе воспоминаний шумят деревья,
Да и вообще сегодня там очень людно.
Мимо прохожие, песенки напевая,
Вот умудрились жить и легко, и просто...
Если подумать: что о тебе я знаю?
Даже и права нет задавать вопросы.

ЛИСТОПАДНЫЕ ВЫХОДНЫЕ

I

Мимо взгляда листва несётся
И кружится себе, и вьётся,
И колодезный воздух полон
Весь поющим её движеньем.
Я не знаю, как повернётся,
Что забудется, что вернётся,
А пока – приходил бы в гости
В листопадное воскресенье.

II

Вроде мы не птицы, разлетаться
Осенью не будем по Карибам.
У тебя есть комната и кухня,
Окна в листопадную субботу,
Даже непутевая работа – минимум,
Чтоб сделаться счастливым.

А ещё есть молодость и время –
Это вам заявка посерьёзней...
Я хожу по щиколотки в листьях –
Сколько их на ваших тротуарах?
У тебя вполне красивый город,
Может, он моим когда-то станет?
А насчёт спасения друг другом
И насчёт безделия и счастья
Мы с тобой не раз поговорили
И еще не раз поговорим.

* * *

Сырые московские улицы ведут к переходам метро,
А южное море волнуется, поёт золотистое дно.
Рифмуются будни дождливые и дымка воскресного дня,
А я просыпаюсь – счастливая, хотя ты не помнишь меня.
Решаешь английские ребусы, играешь горячим песком,
А я на работу в троллейбусе, и дальше немного пешком.
Болтаю у дома с соседями, влюблённая в сказочный дождь,
И в общем, давно не трагедия, что ты никогда не придешь.

* * *

Может, конечно, я тебе и никто.
Может, конечно, вкус у тебя не слишком.
Но все равно – потрудись мне подать пальто
И донести до дома цветы и книжки.

* * *

Лес осенний своё разноцветье вот-вот отдаст
Простодушной земле, ничего не оставит, кроме...
Закрываю глаза – и в пространстве закрытых глаз
Только ты остаёшься, за чтением хмурая брови.

* * *

В озёрной воде отражется всё, но не так,
Как сразу казалось и виделось на расстоянии.
От дома в воде отражается только чердак,
Из наших бесед вспоминается только молчанье.

Я знаю, что делать, и дверь открываю ногой,
И слушаю сплетни людей с не большим сожаленьем,
Но в этой воде я всегда отражаюсь другой,
Как будто у озера есть неподкупное зренье.

11 КЛАСС

Одиннадцатый класс – и тройка-загогулька...
Шевченко, ты вообще читала или нет?
На школьном козырьке горящие сосульки,
И солнечный огонь – в директорском окне.
Дерутся воробьи за тёплый подоконник,
И каждый за своих болеет воробьёв!..
Одиннадцатый «Г», пожалуйста, спокойней!
Учителю на стол – журнал с Катрин Денёв.
Без шапки на мороз. Надеть хотя бы свитер...
Контрольная в четверг. Английский is not good.
Ругается семья, и стонет репетитор:
За ясные глаза учиться не возьмут!
Смеюсь в пустом дворе и каблуком осколок
Искрящегося льда раскалываю вдрызг.
Не надо одобрять мои стихи, филолог,
Займитесь ерундой – вы здесь специалист.
Тихоня, а смотри, как осмелела к маю,
И если так пойдёт, что будет к сентябрю?
Простите, я опять вас чем-то оскорбляю?
Смотрите глубже: я вас искренне люблю!

* * *

Открою глаза – голубая палитра
Весеннего дня с говорком полудрёмы.
Меня сохранила родная молитва,
И вот я проснулась... Берёзы и клёны
Щебечут о золоте первым цветеньем,
И ветер у книги листает страницы.
Я слушаю шорохи, шелесты, пенье
И думаю: кто обо мне помолился?

* * *

Пылит тополиная вьюга
И смотрит пытливо в глаза.
Мы издали знаем друг друга,
Но всё ж торопиться нельзя.
Торопятся дни и недели,
И дети бегут по двору...
Но кто же спешит, в самом деле,
С горящей свечой на ветру?
С огнём, что ещё незащищен,
Со словом, в котором огонь?
Так медлит и солнце в зените,
И перед ладонью – ладонь.
Летят по бульвару трамваи,
И люди в трамваях летят.
А я не спешу, сознавая:
До счастья два шага – и взгляд.

РОССИЯ

Кто-то жил в этой бывшей России,
В снегопадной деревне в три дома,
С эхом звёздно-соснового гула
В непривязчивой к счастью душе.
Он оставил следы у вагонов,
Он прошёл вдоль советских составов,
В новой родине сделавшись беглым,
Уходя от камней и ножей.

Мы очнулись на родине новой,
Где уже ни креста, ни союза,
Только бывшее в недрах сиянье
Призывает к себе из глубин.
Как берёзовый снег на три дома,
Как зажатое в сердце молчанье,
Как любовь, пережившая память,
К той стране, что давно позади.

* * *

Я играю с орденами деда
В комнате из солнечного света,
И легко вокруг, как только в детстве
Может быть уютно и легко.

Разложила солнышки-медали
На ковре и на своем подоле –
Блики разбросались на комоды,
На сервизе в сталинском шкафу.

Получилась вереница длинной,
До чего сияют невозможно!
Лучше всех за «Взятие Берлина»,
Вот она, ну, бабушка, смотри!

Дед мне улыбается, конечно...
Да чего ребёнок понимает?
Нравится – пускай себе играет.
Да, Берлин – бывалый городок...

А теперь, когда не стало деда,
Иногда я вспоминаю это,
И не знаю, дед, о чём ты думал,
Глядя, как играю в ордена.

* * *

Мой дед вернулся с войны живой,
Поэтому я живу.
Мой дед вернулся с войны зимой,
Поскольку он был в плену.
Девятого мая я шла домой,
Спустя очень много лет,
И мне показалось: передо мной
На лавке сидит мой дед.
С соседями шутит и с детворой,
Он очень любил смешить,
А люди не знают, что он герой
И как он остался жить.
А если просили, чтоб вспоминал,
Смеялся: «Да Бог с тобой!
Придёт на помощь, как воевал –
Очнёшься во сне: живой!»

* * *

Где ты живёшь теперь? Где ты живёшь?
Мир ведь не так и огромен...
С легкой волной золотистых волос
Хмуришь весёлые брови.

Это бывает: всерьёз не любя,
К прошлому чувствуешь жалость.
Есть ещё море в глазах у тебя
Или уже не осталось?

* * *

Знаешь ли ты, как начинается снег?
Как человек приходит, которого ждали?
Он научился, дурак, уходить навек,
Но передумал всё-таки на вокзале.
Из фонарей пошёл снегопадный свет,
Лавочки и платформы спустили спины,
Возле вагона сердце сказала: нет,
Ты не уедешь, только наполовину.
И по-капризному больно, по-детски так
Вдруг захотелось счастья – за всё, что было,
И он остался...
Гладил бездомных собак,
Пока его сердце тихонько в себя приходило.

* * *

У плывущего воздуха сладкий привкус морозца,
И рябиной проклёван талый снег во дворе.
Городок захолустный, весь охваченный солнцем,
Каждым пойманным взглядом улыбается мне.
Горки выгнули спины, как огромные рыбы,
И в кустах поселился снегириный галдёж.
Этот город казался мне пустым и ворчливым,
Но теперь он оправдан тем, что ты в нём живёшь.
Зимний вечер лежит на ладони недели,
И похоже, что нет в мире радостней мест.
А подростки опять захватили качели,
И следы наши вместе покидают подъезд.

ЖАР-ПТИЦА

Зимнее имя твоё согревает меня,
Тёплое имя твоё – как дыхание в ладони.
В нём то сосульки щебечут, от солнца звеня,
То неспеша начинается снег новогодний.
Что происходит? Зачем оно – солнечный блик –
Нежится так на губах? Как ему разрешили
Сказкой чудесной тревожить привычный язык,
Алой Жар-птицей кружить над снегами большими?
Как оно нравится мне, как искрится зимой,
Шепчется нежно, размеренно как говорится...
Я умоляю тебя, подари мне его,
Сердце моё обожгла эта зимняя птица!

ЧИСТЫЙ ЧЕТВЕРГ

Ослепла от солнца, но моёю окно,
В глазах разноцветье искрится,
С локтей на соседские грядки стекает вода,
И плавится воздух в ладонях,
Играя, как перья Жар-птицы,
А в миске плескается светом дневная звезда.
Я пальцы холодной водой обжигаю – до боли, до боли!
Отжать полотенце – и снова подставить лучам
И руки, и сердце, которое бьётся тобою,
Оно переполнено счастьем, не хочет молчать!
Мне с улицы машут шарфами красивые люди,
Какие красивые люди у нас во дворе!
...А знаешь, не зря были горести и перепутья,
Они отучили летящее сердце стареть.

* * *

За поездом вѣётся волнистый гудок,
Вспугнувший над городом птиц.
И тянет хозяина за поводок
По лужам восторженный шпиг.
Жасмин рассыпает свои кругляшки,
Купает прохожих в пыльце...
Стоишь себе на расстоянье руки
С победной волной на лице.
Я знала, что люди приходят назад,
Но чтоб из таких небылиц...
Стою и смотрю в травяные глаза
В сиянье медовых ресниц.

Николай КАРТАШОВ

Николай Александрович Карташов – прозаик, публицист. Родился в 1957 г. на Белгородчине. Окончил Воронежский государственный университет и Новосибирское высшее военно-политическое общевойсковое училище. Проходил службу в Вооружённых Силах и правоохранительных органах. Автор и составитель более 20 книг, среди которых «Мытари», «Верую в верность», «Солдаты казны», «Служивый народ», «Станкевич», «Жизнь Станкевича», «Крамской», «Ватутин» и других. Секретарь Союза писателей России. Член Правления Московской городской организации Союза писателей России. Удостоен государственных, ведомственных и общественных наград. Заслуженный работник культуры РФ. Лауреат Государственной премии РФ им. Маршала Советского Союза Г.К. Жукова.

Живёт в Москве.

ИСТОРИЧЕСКИЕ МИНИАТЮРЫ

СЕКРЕТНАЯ МИССИЯ

Бал в доме австрийского посла в Париже был в полном разгаре. Рекой лилось и пенилось в бокалах игристое шампанское. Играла музыка. Под звуки вальса весело и задорно кружились пары. Все присутствующие были настолько увлечены танцами, что никто из них даже не заметил, как плохо закреплённые свечи упали на пол, прямо под шторы, которые мгновенно вспыхнули. Потом пламя жадно накинулось на драпированные стены, лёгкие платья дам. Следом загорелась сухая мебель. Началась страшная паника.

– Aidez! (*франц.* – Помогите!)

– Sauvez! (*франц.* – Спасите!)

– Der Horror! Helfen Sie! (*нем.* – Ужас! Помогите!)

– Retten Sie! (*нем.* – Спасите!)

Истощенные крики, вопли, стоны на разных языках были слышны чуть ли на окраинах французской столицы. Казалось, ещё немного, и обезумевшая толпа стогрит в этом огромном адском костре!

Неожиданно над растерявшимися людьми словно вырос молодой человек лет двадцати пяти. Он вскочил на подоконник и своим громким повелительным голосом заставил людей опомниться, не давить друг друга. Смелчак увлёк за собой несколько таких, как он, храбрецов, которые, бросаясь в огонь, начали вытаскивать пострадавших.

На следующий день весь Париж только и говорил о пожаре и о некоем бесстрашном «огнеборце». Одновременно газеты писали, что отважный молодой человек быстро организовал эвакуацию людей и лично вынес из огня пять женщин.

Кто же он? Впрочем, не станем томить читателя, а сразу назовем его имя. Это – Александр Чернышёв, представитель русской дипломатической миссии во Франции.

Не было в Париже человека из высшего общества, который бы не мечтал встретиться с героем. С Чернышёвым почитали за честь познакомиться чиновники, политики, генералы и, разумеется, представительницы прекрасного пола. Великосветские француженки были просто очарованы красавцем из далёкой холодной России. Эх, знали бы сановники, генералы и ненасытные в любви француженки, с кем имеют дело! Но, увы, тайна об этом человеке была за семью печатями.

Мы её вскорости откроем, но для начала заглянем в кабинет государя Александра I. В тот морозный январский день 1810 года у него на докладе находился министр военных сухопутных сил России генерал от инфантерии Михаил Богданович Барклай-де-Толли. Разговор был долгий. Министр прибыл к царю с планом создания «Экспедиции секретных дел при Военном министерстве», а другими словами, специальной службы, в обязанности которой входило бы наблюдение за приготовлениями «соседей» и защита армейских тайн от нескромных посягательств иностранцев.

Михаил Богданович в деталях доложил то, чем должна заниматься новая разведывательная структура. По замыслу министра, её деятельность следует развернуть на трёх направлениях: стратегическая разведка – добыча важных сведений за границей; тактическая разведка – сбор данных о противнике на границах России; контрразведка – выявление и нейтрализация агентуры иностранных спецслужб.

Александр I внимательно слушал министра, иногда что-то уточнял, спрашивал, высказывал своё мнение.

– На трех китах, значит, желаешь поставить службу. Что ж, Бог Троицу любит, – с удовлетворением сказал царь, выслушав доклад.

– Именно так, ваше императорское величество, – отчеканил Барклай-де-Толли, чувствуя понимание со стороны государя.

Царь действительно был доволен докладом. Идея создания такого органа давно витала в его голове. Он ясно понимал, что без хорошей военной разведки в будущих войнах не обойтись. А войн России не миновать. Воевать опять придётся, и скоро. Вот Наполеон, этот толстопузый коротышка, бредит мыслями покорить Россию. Получит по шапке, как получали немцы, поляки, шведы... И разведка в сём поможет!

– Я, кажется, Михаил Богданович, немного задумался, – царь улыбнулся. – Продолжим...

Тут же Барклай-де-Толли испросил у государя высочайшего разрешения на немедленную отставку в заграничные командировки в русские посольства специальных агентов с задачей, чтобы те начали собирать сведения о численности войск, «об устройстве, оборудовании и вооружениях, расположении по квартирам с означением мест главных запасов, о расположении крепостей, способностях и достоинствах лучших генералов и состоянии духа войск». Эти военные агенты должны были находиться при дипломатических миссиях под видом адъютантов при послах-генералах или служащих Министерства иностранных дел.

– В первую очередь, ваше сиятельство, планируем направить секретных агентов в Австрию, Германию, Испанию, Францию, – рапортовал Барклай-де-Толли. – Кандидатуры весьма достойные и благоразумные. Вот список...

Царь внимательно изучил документ, в котором значились следующие офицеры:

- полковник Александр Иванович Чернышёв – в Париж;
- полковник Фёдор Васильевич Тейль фон Сераскернен – в Вену;
- полковник Роберт Егорович Ренни – в Берлин;
- поручик Григорий Федорович Орлов – в Берлин;
- майор Виктор Антонович Прендель – в Дрезден;
- поручик Павел Христофорович Граббе – в Мюнхен;
- поручик Павел Иванович Брозин – в Мадрид.

Большинство офицеров из этого списка царь знал лично. Но особенно полковника Чернышёва. Их первая встреча состоялась девять лет назад, в 1801 году в Москве, на балу у князя Кураки-

на. Во время танца рядом с императором оказался симпатичный и находчивый юноша. Это и был Чернышёв, который по ходу танца, не смущаясь, отвечал на вопросы своего высочайшего собеседника.

Танец закончился назначением пятнадцатилетнего тезки царя камер-пажом. А уже через год он – корнет кавалергардского полка, через два – поручик, адъютант шефа полка.

Безусловно, стремительному взлёту военной карьеры Чернышёва способствовало покровительство царя. Что скрывать – любил его государь. Однако юноша и сам был не лыком шит. Грамотный, смелый, добропорядочный, благоразумный офицер, настоящая «военная косточка» – так характеризовали его командиры и сослуживцы.

Лучшие свои качества он блестяще проявил во время военной кампании 1805-1807 годов, где отличился не только собственной отвагой и военной доблестью, но и смекалкой. За Аустерлицкое сражение Чернышёв получил Владимирский крест 4-й степени с бантом. И не за протирание лосин при штабе, а, как сказано в реляции, «за храбрость в кавалерийских атаках». Вторую награду – Георгиевский крест 4-й степени – ему вручили за найденный им брод через реку Алле, по которому потом переправились на другой берег отступающие русские войска. Благодаря этому были спасены несколько тысяч жизней наших солдат и офицеров. За участие в других сражениях военной кампании молодой офицер удостоился шпаги с надписью «За храбрость». К слову, было нашему герою всего 22 года! Вот вам и царя любимчик!

После заключения Тильзитского мира Чернышёв вернулся в Петербург. В январе 1808 года на придворном балу Александр I, увидев своего крестника, неожиданно его спросил:

– Не расстроит ли твои забавы, если я дам тебе поручение, которое удалит тебя на время из Петербурга?

Ответ Чернышёва прозвучал незамедлительно:

– Готов исполнить любую вашу высочайшую волю!

Уже на следующий день император поручил Чернышёву отправиться в Париж и доставить послу графу Толстому пакет

с письмом к Наполеону. Это была первая его поездка во французскую столицу. При получении письма император Франции задал несколько вопросов особому курьеру русского царя, и, отвечая, Чернышёв произвёл своими смелыми и остроумными речами огромное впечатление на Наполеона. Аудиенция длилась больше часа.

О беседе с Наполеоном Чернышёв подробно доложил царю. Тот обратил внимание на несколько точных и интересных наблюдений своего посланца. В 1809 году царь даёт Чернышёву поручение – назначает его своим личным представителем в ставке Наполеона во время боевых действий французской армии против Австрии и Пруссии. В том же году Чернышёв стал флигель-адъютантом, то есть адъютантом самого государя.

И вот новое назначение. Теперь он секретный агент русской военной разведки. «Настоящее ваше поручение должно подлежать непроницаемой тайне, посему во всех действиях ваших вы должны быть скромны и осторожны, – предписывала ему инструкция. – Главнейшая цель вашего тайного поручения должна состоять, чтобы приобрести точные статистические и физические познания о состоянии Франции, обращая особое внимание на военное состояние, а также сообщать о достоинствах и свойствах... генералов».

Лишь несколько человек в России знали о секретной миссии полковника Чернышёва. Для всех остальных он являлся представителем русской дипломатической миссии при посольстве.

Первые донесения от Чернышёва поступили уже в начале августа 1810 года. В конце того же года он сообщил царю, что «война неотвратима и не замедлит разразиться. Наполеон уже принял решение о войне против России, но пока что выигрывает время из-за неудовлетворительного положения его дел в Испании и Португалии».

Докладывал наш агент и о попытках французского императора привлечь на свою сторону Австрию и Турцию. И, как ни удивительно, источником информации стал для него сам Наполеон. Тёплые отношения Наполеона с русским дипломатическим посланником не были секретом для окружающих, и

это придавало ему вес во французском обществе и позволяло расширять круг полезных знакомств.

«Он вёл в Париже, казалось, беспечную великосветскую жизнь, пользовался большим успехом у женщин и, отвлекая всем этим от себя внимание французской полиции, умудрялся иметь почти ежедневно тайные свидания с офицерами и чиновниками французского военного министерства, подкупил некоторых из них», – так писал впоследствии в своих мемуарах о Чернышёве его коллега, русский, а затем советский военный дипломат генерал-лейтенант Алексей Алексеевич Игнатъев.

Действительно, находясь однажды в компании с одной из восточной парижской дамой (может быть, даже с Полиной Боргезой, сестрой Наполеона), Чернышёв узнал от неё, что маршал Даву намерен убыть в Польшу с инспекцией. Поездка высшего военачальника имела конкретную цель – проверить готовность польских вооружённых формирований, мечтающих вместе с французами выступить против ненавистной России. Немедля донесение об этом Чернышёв выслал в Санкт-Петербург.

В другой раз Чернышёв, беседа с известным политиком о погоде, выведал у него сведения о том, что маршал Удино приобретает всё большее влияние на императора и настаивает на скорейшей кампании за Неманом и Днепром, то есть в России. Вскоре и эта важная информация уже лежала на столе у Александра I.

За короткий срок Чернышёву удалось создать разветвлённую агентурную сеть в правительственных и военных кругах Франции. Ему даже удалось завербовать генерала Антуана-Анри Жомини, который впоследствии перешёл на службу в русскую армию.

Весьма ценным агентом Чернышёва являлся чиновник военного ведомства Франции по фамилии Мишель. Жадный до денег, чиновник входил в состав специальной группы, которая два раза в месяц готовила лично для Наполеона в единственном экземпляре сводку о численности и дислокации французской армии. Копию этого совершенно секретного документа Мишель передавал Чернышёву, а тот отправлял её

в Санкт–Петербург. Примечательно, что сводку Чернышёв держал в руках раньше, чем Наполеон. Вот он, настоящий профессионализм разведчика!

«Зачем не имею я побольше министров, подобных этому молодому человеку», – такую надпись сделал Александр I на полях одного из сообщений Чернышёва.

Слова его оказались пророческими. Забегая вперёд, скажем, что светлейший князь Чернышёв станет впоследствии не только военным министром России, но и председателем Государственного совета. Но это уже другая история.

А пока опять вернёмся в Париж. Конечно, столь бурная жизнь иностранца не могла ускользнуть от внимания французской контрразведки. За ним установили наблюдение. Приближался роковой 1812 год. Сознавая, что его деятельность становится всё более подозрительной в глазах французского правительства, Чернышёв просит отозвать его в Россию.

14 февраля 1812 года он покидает Париж. Французская полиция тут же нагрязнула с обыском в его парижскую квартиру. Но увы! Поиски сыщиков оказались безрезультатными. В камине они обнаружили лишь большую кучу пепла.

В ОКТЯБРЬСКИЙ ДЕНЬ НЕНАСТНЫЙ...

Лето 1830 года в России выдалось знойное и засушливое, что явилось причиной многих несчастий. В одних губерниях случился неурожай. В других – громко пропели «красные петухи», озарив огненными перьями небосклоны. К этим страшным бедам добавилась новая страшная напасть – эпидемия холеры. Болезнь, словно пожар, вспыхнула в Оренбурге, перекинулась на Астрахань, а дальше, через степи, унося на своём пути десятки тысяч жертв, в сентябре пожаловала в Москву.

Первопрестольная выглядела мрачной и напоминала осаждённый город. Большинство улиц было окутано густым въедливым дымом, от которого слезились глаза и тяжело было

дышать. Жители жгли во дворах опавшую листву деревьев. Кто-то пустил слух, что именно дым убивает смертельную заразу. Горожане в это верили и чуть ли не круглые сутки палили костры. Но чуда не происходило. Холера без разбору заражала и старых, и молодых. Головокружение, понос, сильная рвота, обезвоживание организма быстро вели к тому, что здоровый и крепкий человек чуть ли не в одночасье терял силы и вскорости умирал.

Присутственные места были закрыты, всякого рода публичные увеселения запрещены, торговля приостановлена. Прежде оживлённые улицы практически обезлюдели. На них можно было встретить лишь полицейских, сопровождавших окрашенные в белый цвет кареты с больными и чёрные повозки с покойниками. Редкие прохожие в страхе шарахались от этих траурных кавалькад, прятались в ближних подворотнях.

В церквах духовенство беспрестанно служило молебны об изгнании проклятой заразы, священники с хоругвями обходили свои приходы. Над Москвой тягуче плыл несмолкаемый скорбный звон колоколов. Новодевичье, Рогожское, Ваганьковское и другие кладбища не успевали расселять жертв незваной гостыи.

Ко всему прочему, город опоясали армейские караулы. Солдаты круглые сутки несли охрану и стреляли без всякого предупреждения в тех, кто пытался тайком проникнуть в Москву или выбраться из неё. Был случай, когда часовой, не раздумывая, пристрелил дьякона, пытавшегося вплавь через реку пробраться в Златоглавую.

В конце сентября закрыли Московский императорский университет. Своекоштный студент словесного отделения Николай Станкевич, высокий, стройный, красивый юноша с длинными вьющимися волосами, со светлым блеском в глазах, семнадцати лет от роду, покинул Москву, как только отменили занятия. В первых числах октября он уже был в Воронежской губернии. Там, среди степных ковыльных просторов и меловых круч, в селе Удеревке, находилось имение его отца – отставного поручика Владимира Ивановича Станкевича.

Незапланированные вакации Николенька, как звали его родные, проводил с пользой для дела. Он много читал, писал стихи, занимался музыкой. Правда и то, что наш герой любил побродить с ружьишкой и любимой собакой Дианой по окрестным полям и дубравам.

В тот октябрьский день Станкевич, как обычно, попив с утра кофею, пошёл в свою комнату заниматься. Ещё с вечера он положил на стол сборники стихов Жуковского и Шиллера. Но едва Станкевич сел за стол и открыл томик Шиллера, как в комнате резко потемнело. Он встал и выглянул в окно. Низкие хмурые тучи, чем-то похожие на кучерявые казачьи папахи, повисли на верхушках деревьев отцовского сада. А потом с них повалил крупными хлопьями снег, всё больше и больше застилая белым покрывалом землю.

Снегопад не прекращался почти целый день, из-за чего Станкевичу пришлось работать при свечах. Приходивший их зажигать слуга Иван сообщил, что погода прямо-таки взбесилась.

– Из-за сильного снегопада прасолы, которые гнали скот вашему батюшке, заплутали в степи, – доложил слуга. – Спасибо господу-спасителю, что наши мужики оказались рядом, вывели их из Холодного яра к имению. Малый среди них есть. Лексеем кличут. Тебе ровня, Николенька. Он за вызволение пел мужикам песни свои... Да и я их послушал. Уж больно они складные, за душу хватают. Я не слышал таких раньше...

– Что ж это за соловей в наших палестинах объявился?! – отложив в сторону книгу, с улыбкой сказал Станкевич. – А ну-ка приведи этого молодца ко мне...

– Пулей доставлю! – на военный лад отчеканил слуга и мигом скрылся за дверью.

Вскоре камердинер привёл малорослого коренастого юношу со скуластым лицом и с очень пытливым, наблюдательным взглядом. При виде молодого барина прасол низко поклонился. От нахлынувшего волнения гость покраснел, не знал, что и сказать.

– Ну, давай, давай, знакомиться, – Станкевич шагнул навстречу, приветливо протягивая гостю руку. – Знаю, что Алексею величают, а по батюшке-то как?

– Ваа-сии-льевичеем, – слегка заикаясь, ответил прасол. –
Кольцовы мы...

Простой в общении и добрый по натуре, Станкевич сразу расположил Алексея к себе, усадил в кресло напротив.

– Читай, не стесняйся, – обратился к нему Станкевич. –
Я ведь и сам стихоблудничаю...

Тут же продекламировал четверостишие:

*Ночь темна, снег валит,
Ветер по полю шумит;
Приунылая беседа
В даль пустынную глядит.*

– Это про нас с тобой, – продолжил Станкевич. – Так что с
радостью твои стихи послушаю.

– Эфто мы можем, – кашлянул в кулак прасол.

И он стал читать. Правда, поначалу голос у него плохо слушался, язык будто спотыкался на словах. Но затем речь мало-помалу зазвучала твёрже и увереннее. Необычные стихи поразили Станкевича. Подперев ладонью правой руки щёку, он с каким-то ненасытным интересом слушал своего нового знакомого. А тот, потеряв всякое смущение, звучно запел:

*Если встречу с тобой
Иль увижу тебя, –
Что за трепет-огонь
Разольется в душе!
Если взглянешь, душа, –
Я горю и дрожу,
И бесчувствен и нем,
Пред тобою стою!
Если молвишь мне что,
Я на речи твои,
На приветы твои,
Что сказать, не сыщу.*

Станкевич три раза кряду просил Кольцова повторить это стихотворение – так сильно оно ему понравилось. А строки стихов, будто говорливые весенние ручьи, лились и лились из уст прасола:

*Скучно и нерадостно
Я провёл век юности,
В суетных занятиях
Не видал я красных дней,
Жил в степи с коровами,
Грусть в лугах разгуливал,
По полям с лошадкой
Одно горе мыкивал...*

Казалось, комната наполнилась степным разнотравьем, голосами косарей, пением соловьёв в утренних перелесках... Прочитав одно, другое, третье стихотворение, Кольцов как-то вопрошающе исподлобья взглянул на Станкевича: мол, читать ли ещё? Тот, словно загнипнотизированный, одобрительно кивнул головой.

Опять в комнате зашумела рожь, завжикали косы, брызнули серебром росы и заохали июльские громы...

– Алексей, а где у тебя всё это записано? – поинтересовался Станкевич, когда Кольцов закончил читать очередное стихотворение. – Где тетрадки твои?

– Тетрадки всегда при мне, с собой вожу, в сумке седельной.

– С собой возишь?

– Эфто надежнее, – ответил Кольцов. – Давеча дома забыл одну, так мои каракули тут же на растопку печки пустили...

– Как на растопку?! – удивился Станкевич. – Стихи? Такие прекрасные стихи в печку?!

...Их беседа затянулась чуть ли не на всю ночь. Кольцов поведал историю о том, как однажды он ночевал с гуртом в степи. Ночь была тёмная-претёмная, и такая стояла чистая тишина, что слышался шелест травы, небо было тоже тёмное, высокое, с яркими мигающими звездами.

– Мне тогда не спалось, я лежал и смотрел на небо, – вспоминал прасол. – Вдруг в голове стали слагаться стихи. До этого у меня постоянно вертелись отрывочные, без связи рифмы, а тут приняли определённую форму. Я вскочил на ноги в каком-то лихорадочном состоянии, чтобы удостовериться, что это не сон. Потом я прочел вслух свои стихи. Странное я испытывал ощущение, прислушиваясь сам к своим стихам...

Расставались они как старые и закадычные друзья.

– Принеси мне свои стихи, я попробую их издать, – сказал Станкевич, подавая на прощание руку и искренне улыбаясь новому знакомцу.

Станкевич сдержал слово. Уже в январе 1831 года в «Литературной газете» было опубликовано первое стихотворение Алексея Кольцова «Перстень». Станкевич сопроводил его коротким предисловием: «Вот стихотворение самородного поэта г. Кольцова. Он воронежский мещанин, и ему не более двадцати лет от роду; нигде не учился и, занятый торговыми делами по поручению отца, пишет часто дорогою, ночью, сидя верхом на лошади. Познакомьте читателей “Литературной газеты” с его талантом». Ниже был заверстан текст стихотворения:

*Я затеплю свечу
Воску ярова,
Распаяю кольцо
Друга милова.
Загорись, разгорись,
Роковой огонь,
Распаяй, растопи
Чисто золото.
Без него – для меня
Ты ненадобно;
Без него на руке –
Камень на сердце.
Что взгляну – то вздохну,
Затоскуюся,*

*И зальются глаза
Горьким горем слёз.
Возвратится ли он?
Или весточкой
Оживит ли меня,
Безутешную?*

А потом приспело время и первой книжки. Она вышла с благословения Станкевича и на его деньги. Сборник с простым названием «Стихотворения Алексея Кольцова» напечатали в Москве. Книга, точнее брошюра, – всего 40 страниц – получилась неброская. Из той самой увесистой тетрадки, пропахшей степными травами и ночными кострами, Станкевич выбрал 18 стихотворений своего литературного крестника, в том числе: «Песня старика», «Сестре при посылке стихов», «Удалец» («Мне ли, молодцу разудалому...»), «Великая тайна. Дума», «Люди добрые, скажите...», «Вздых на могиле Веневитинова», «Песня» («Ты не пой, соловей...»), «Первая любовь», «Не шуми ты, рожь...», «Путник», «Видение Наяды», «Пирушка русских поселян», «Маленькому брату», «К.Н.» («Опять тоска, опять любовь...»), «Размышления поселянина», «К другу» («Развеселись, забудь, что было...»), «Песня пахаря» («Ну! тащися, сивка...»), «Совет старца».

Не ведал скромный прасол, что благодаря этому тонкому сборнику стихов он станет знаменит. Очень знаменит. Его песни – величавые, как родные степи и поля, звонкие, как церковные колокола, тёплые и отзывчивые, как души русских людей, – будет знать и петь вся Россия.

Впрочем, поёт и сейчас. Не затерялось на трактах и шляхах беспокойных эпох и имя Станкевича – поэта, философа, просветителя, руководителя кружка, вошедшего в историю как «кружок Станкевича». Имя это осталось и сохранено в названиях улиц, учебных заведений, учебниках по философии, литературе, искусству, в энциклопедиях, фильмах, театральных постановках, экспозициях российских и зарубежных музеев, памятниках, воспоминаниях людей, хорошо его знавших, а

также тех, кто после смерти занимался или сейчас занимается исследованием его быстрой, но яркой жизни. Литературным памятником XIX века стала его «Переписка», которую Лев Толстой читал со слезами на глазах.

А всё началось с ненастного октябрьского дня 1830 года, когда встретились своекоштный студент Московского университета Николай Станкевич и скромный прасол Алексей Кольцов...

ТАЙНЫЙ СОВЕТНИК

В Полоцком училище монахов-приаров, как и в других подобных учебных заведениях Российской империи, для наказания нерадивых учеников широко применяли порку. Секли розгами за опоздание на урок. Лупили ремнями за всякие ребячьи шалости. И, понятно, драли, как сидоровых коз, теми же «инструментами» за плохую успеваемость. Получил двойку – будь любезен, заголяй зад и ложись на лавку. Таков порядок.

Частенько приходилось ложиться на подобную экзекуцию и Каэтану Коссовичу, будущему учёному с мировым именем. Несколько неуклюжий, с крупной головой, он учился отлично по всем предметам, кроме математики. Ну никак не давалась ему сия наука! Сложнее всего мальчику давалась цифра «семь».

– Десять без трёх – хорошо понимаю, а вот как появляется семёрка, я сразу делаюсь дурак дураком, – признавался Каэтан друзьям.

Однажды его выпороли за то, что он имел неосторожность на уроке математики произнести слова, показавшиеся учителю обидными. А процитировал он строчки из стихотворения Антиоха Кантемира: «Землю в четверти без Евклида смыслим, сколько копеек в рубле – без алгебры считали».

Слова для учителя математики, действительно, обидные. Поэтому «счислили» умнику по полной, да к тому же ремнем, чтобы надолго запомнил. Экзекуцию Каэтан не забыл до конца своей жизни, а вот с математикой он так и не сладил. По свиде-

тельству друзей, доходило до смешного – Коссович элементарно не мог рассчитаться в торговой лавке за продукты! Высыпал всю имеющуюся в карманах наличность на прилавок и просил продавца отсчитать нужное количество.

...Каэтан Андреевич Коссович родился в 1814 году в семье униатского священника. Сначала он учился, как уже сказано выше, в Полоцком высшем приарском училище, а затем в Витебской гимназии, где проявил себя с наилучшей стороны, особенно в знаниях языков. В гимназии его заметил попечитель Белорусского учебного округа Г.И. Карташевский, свояк писателя С.Т. Аксакова. При встрече с Коссовичем чиновник, к слову, человек добрый, воспитанный и образованный, очень высоко оценил знания юноши.

– Я тут намерен имел беседу с городским раввином, – сказал Карташевский, – он сообщил мне, что вы, белорус, изучили Талмуд на древнееврейском лучше, нежели его знает он сам. Я считаю, что вам никак нельзя зарывать свой талант в землю, а посему буду рекомендовать вас учиться дальше.

Попечитель сдержал слово, и направил способного юношу в Императорский Московский университет для продолжения образования. Так в 1832 году он стал студентом именитого учебного заведения, в стенах которого училась в тот период целая фаланга молодых людей, чьи имена вскорости будут на слуху во всей России. К их числу будет принадлежать и бывший монах из Полоцка Каэтан Коссович.

Учеба на словесном отделении Коссовичу давалась легко. Как и прежде, он преуспел в овладении языками. Константин Аксаков, однокурсник, вспоминал:

«На первый курс поступили к нам студенты, присланные, кажется, из Витебской гимназии; все они были очень хорошо приготовлены. Я познакомился со всеми с ними и был с ними в очень хороших отношениях. В числе их был Коссович. Он хорошо знал требуемые в университете языки, но филологическое его призвание ещё не определялось тогда ясно. Он был неловок; его речь, его приёмы были оригинальны; ходил он как будто запинаясь, говорил скоро, спешил и часто вместо одного

слова приводил несколько синонимов. Однажды Геринг (преподаватель немецкого языка. – *Н.К.*) заставил его переводить. Коссович подошел к кафедре и пустился громко и поспешно переводить, стараясь выразить немецкие слова на русском языке несколькими синонимами. Я помню, как, переводя немецкое: *Ziehen*, Коссович сказал: *«идут, тянутся, стремятся»*. Студенты невольно смеялись, но всем было ясно, что Коссович славно знает язык».

И далее:

«Коссович на втором курсе уединился от всех, не занимался университетским учением, не ходил почти на лекции; а когда приходил, то приносил с собою книгу и не отнимал от неё головы все время, как был в аудитории. На него смотрели с удивлением, говорили: Коссович не занимается; а он между тем глотал один древний язык за другим. Коссович вступил на свою дорогу, филологическое призвание заговорило в нём, и именно он трудился дельно и быстро себя образовывал. Но, однако, Коссович был оставлен на втором курсе; впоследствии, занявшись университетскими предметами, он без труда вышел кандидатом».

Прибавим еще несколько штрихов к портрету нашего героя, теперь из воспоминаний его однокурсника Ф.И. Буслаева, впоследствии известного русского языковеда и историка:

«Сосредоточенность Коссовича была изумительна. Книга всегда у него в руках: то сидит он за своим столиком, согнувшись над книгою, а сам покачивается, то вдруг вскочит, но не отнимая глаз от читаемой страницы, ходит взад и вперед по номеру с своей книгой, то медленно, чуть шагая, то остановится, то вдруг побежит, натываясь на проходящих. Особенно забавно было смотреть на него, когда он, бывало, носился взад и вперед с каким-нибудь огромным фолиантом, иной раз весом до полупуда. Однажды случился вот какой курьёз. С таким фолиантом он поместился на нашем большом диване, положил его вместо подушки, а сам лёг ничком и читает, ногами подрагивает и весь как бы сотрясается и бормочет: должно быть, этими судорогами он отбивал себе такт, читая стихи. Вместе с ним сотрясался и

фолиант и понемножку скатывался с дивана, а Коссович, ухватившись за него обеими руками, продолжал чтение: но фолиант вдруг скатился на пол, а вместе с ним скатился и сам Коссович, безостановочно продолжая своё чтение и растянувшись тоже на полу».

Примечательно, что во время учёбы прилежного студента едва не забрали в солдаты. А произошло следующее. По поручению декана факультета Коссович написал статью о «шляхетской литературе», то есть о польской. Но при её написании малость перестарался – статья получилось большой по объёму. Сокращать текст почему-то доверили не Коссовичу, а племяннику декана, который, по свидетельству современника, по-польски только и знал « пше прошу, пани», да «дзень добры».

В результате его правки отдельные места текста получились как в той известной поговорке: «В огороде бузина, а в Киеве дядька». Чего только одна эта фраза стоит: «Красицкий (польский поэт XVIII века. – *Н.К.*) являет собой прекрасное ожерелье, наброшенное на голую шею всей польской поэзии». Коссович за словом в карман не полез, назвал горе-редактора придурком. Однако придурок оказался злопамятным и мстительным. В один из дней по его доносу за Коссовичем пришли полицейские и арестовали неблагонадёжного студента прямо во время обеда. Обвинение – пел нелегальные песни. Что интересно: он вообще никогда не пел песен. Коссовича посадили в карцер. И только благодаря своевременному вмешательству друзей (заметим, весьма богатых) делу не дали ход, хотя последствия могли быть самыми печальными.

Имея по окончании университета звание кандидата словесных наук, Коссович занялся педагогической и научной деятельностью. Об этом свидетельствует его послужной список:

1839 – 1843 гг. – учитель греческого языка в Тверской гимназии;

1843 – 1849 гг. – учитель греческого языка во 2-й Московской гимназии;

1845 – 1847 гг. – преподаватель Лазаревского института восточных языков (Москва);

1850 – 1853 гг. – редактор учёных работ императорской Публичной библиотеки;

1853 – 1881 гг. – заведующий Отделением восточных книг той же библиотеки;

1858 – 1883 гг. – приват-доцент, экстраординарный профессор, ординарный профессор Санкт-Петербургского университета.

«Это был человек замечательный в своем роде, пламенная душа, обращавшая все свои восторги на изучаемый предмет, – писал о нём один из его учеников, известный историк и общественный деятель Б.Н. Чичерин. – Выше Илиады и санскритских поэм для него ничего не было в мире... Эти уроки были для меня наслаждением».

В числе учеников Коссовича также были известный русский поэт Аполлон Майков, языковед Ф.И. Буслаев, известный славянофил А.С. Хомяков, основатель русской индологической школы, востоковед И.П. Минаев, академик Российской академии наук С.Ф. Ольденбург и многие другие.

Коссович владел редчайшим санскритским языком, который на планете знали тогда лишь единицы. Санскрит, как известно, относится к мёртвым, отжившим языкам. Именно на санскрите написаны величайшие образцы арийской цивилизации, священные Махабхарата, с её беспримечной Бхагавадгитой, Веды, Упанишады и законы Ману. Санскрит, также является прародителем всех славянских языков.

Но и это еще не всё. Коссович в совершенстве знал и владел древнеиранским и древнеперсидским языками, еврейским, греческим и латинским, а из новейших – немецким, французским, итальянским, английским, новогреческим и арабским, польским и чешским...

Перед его гением снимали шляпы виднейшие филологи и переводчики того времени. Он являлся членом французского «Азиатского общества» и британского Королевского Азиатского общества. Также Коссович получил чин тайного советника, что по Табели о рангах соответствует генеральскому званию, и был удостоен орденов Владимира 3-й степени, Анны 1-й степени,

НИКОЛАЙ КАРТАШОВ

Станислава 1-й и 2-й степени, знаком отличия беспорочной службы. Ему была вручена престижная в то время Демидовская премия. А благодарные персы наградили его орденом Льва и Солнца 1-й степени.

Каэтан Андреевич Коссович умер в январе 1883 года, похоронили его на Смоленском православном кладбище Санкт-Петербурга. После себя он оставил потомкам «Санскрито-русский словарь», «Греко-русский словарь», «Еврейскую грамматику»... Эти издания востребованы и поныне.

Анна МАЯКОВА

Анна Дмитриевна Маякова – поэт, прозаик. Родилась в Донбассе. Окончила МГИМО. Владеет несколькими иностранными языками. Член Московской городской организации Союза писателей России. Автор книги воспоминаний «Мозаика моей жизни», четырёх сборников хайку и поэтических миниатюр, книги рассказов и эссе «Истории о мужчинах и любящем сердце». Финалистка Международной ассамблеи писателей в Варне. Награждена Серебряным Крестом и медалью И.А. Бунина «За верность отечественной литературе», медалью «За мастерство и подвижничество во благо русской литературы». Публикуется в различных литературных альманахах.

Живёт в Москве.

ПИСЬМО МАМЕ

Рассказ

Дорогая моя любимая мамочка! Это письмо я пишу тебе на «тот свет». Не думай, что я помешалась умом. Я помню тот серый летний день, словно природа тоже скорбела о твоей кончине, когда мы с отцом тебя хоронили. Как только соседские мужчины вынесли гроб из дома и поставили на табуретки для прощания, набухшее грозное небо потемнело, грянул, словно салют в твою честь, гром, и хлынул дождь. Твое мёртвое жёлтое лицо вдруг изменилось, заблестело, словно приветствуя последнюю для тебя проявление земной жизни. А на кладбище земля, вынутая из могилы и возвышающаяся небольшим холмиком рядом, так размокла, что никто из присутствующих не смог бросить горсть земли на уже опущенный гроб. Лишь промокшие могильщики в кепках и лёгких рабочих куртках стали быстро работать лопатами, чтобы скорее закончить «дело».

Зачем пишу, зачем беспокою твою бессмертную душу? Чтобы попросить у тебя прощания. Прости меня, мама! Я очень виновата перед тобой, что поняла слишком поздно, когда, вызванная срочной телеграммой из Москвы на похороны, стояла у твоего гроба. Нам никогда уже не быть вместе, никогда больше я не обниму твои худенькие плечи и не загляну в погасшие полные неизбывной печали глаза. Я виновата, и это чувство вины будет навсегда со мной, будет жалить и жечь моё сердце. Будучи девочкой, живя рядом, я слушала твои редкие рассказы о войне, но не слышала и не понимала трагедии твоей судьбы. Признаюсь, ведь я бежала от тебя в Москву, чтобы не стать похожей на тебя, поникшую, пропитанную «безнадёгой», с бледным лицом и глазами, видевшими нечто такое, что неведомо было мне, родившейся во время войны. Тогда мне казалось, что у меня достаточно внутренней силы, чтобы бежать и вырвать страдание из своего сердца, отбросив его словно камень, о который споткнулась на пути в новую светлую жизнь. Прости меня, мама.

Меня ужасает мысль, что ты, студентка Донецкого медицинского института, мобилизованная сразу же, как началась война, до последнего своего вздоха помнила ту страшную ожесточенную битву под Сталинградом, столкнувшую в смертельной схватке немецких фашистов, мечтавших о мировом господстве, и советских патриотов, защищающих родную землю, своих матерей, жён, детей. Это была битва не на жизнь, а на смерть. Реки крови пролились, около половины миллиона наших солдат погибли, чему свидетелем был Мамаев курган, где шли ожесточенные бои и на котором теперь возвышается величественная скульптура Родины-матери с карающим мечом в руке.

Как-то в женский праздник, получив от папы в подарок духи «Красная Москва» в красивом матовом флаконе и будучи в хорошем настроении, ты рассказала, что в Сталинграде в госпитале тебя настигла неожиданная любовь к контуженному молодому офицеру, которого ты лечила. Любовь короткая, трагическая, сопровождаемая стонами раненых, запахом нашатыря и крови. Подлечившись, любимый вернулся на фронт и погиб, но не погибла твоя к нему любовь. Ты никогда не смотрела военных фильмов. «Зачем? Мне достаточно того, что я видела воочию, – говорила ты, тут же погружаясь в свое пугающее военное прошлое. – Никогда не забыть мне непрерывный лязг гусениц. Это танки шли для срочного ремонта на тракторный завод, где располагался наш госпиталь. Не забыть горящую Волгу – топливо разлилось и горело. Пожары! Везде развалины и пожары. Тогда было принято решение об эвакуации госпиталя в Саратов, где не было боёв. Немецкие “мессеры” кружили над нами словно ястребы, выискивающие свою добычу. Из пулемётов они обстреливали палубу теплохода, где лежали раненые». В положенное время ты родила меня. Работать в госпитале, ухаживать за младенцем, не спать сутками – это было трудно. Но была война, и трудно было всем. В сердце своём ты сохранила любовь, поэтому родилась я. Ты могла бы избавиться от плода – рядом с тобой работали хирурги, врачи, но ты решила рожать вопреки всему – войне, страданиям, нелегкой доле матери-одиночки, которую ты выбрала. По твоим рассказам,

АННА МАЯКОВА

через несколько месяцев со мной все нянчились, «агукали», а полковник, возглавлявший госпиталь, шутил: «У нас есть “дочь госпиталя”. Теперь будем ждать сына».

Когда родной Донбасс был освобождён, ты вернулась в родную хату, к матери и сестрам. Отца твоего, Поляцкого Иосифа Кирилловича, оставленного на оккупированной территории для подпольной работы, немцы расстреляли. Его выдал односельчанин. Ты стала работать в больнице и, будучи педиатром, стала лечить детей. Вышла замуж за отставного майора Маякова Дмитрия Фёдоровича, награждённого двумя орденами Боевого Красного Знамени. Он возглавлял организацию под загадочным названием «Райзаготсырьё». По твоим словам, он многие годы ходил в военной форме без погон, о чем свидетельствуют фотографии, пока форма совсем не износилась. Папа меня любил. Ты часто болела, лежала молча на диване, отвернувшись лицом к стене. Я всем сердцем хотела тебе помочь, садилась рядом, гладила тебя по волосам, по спине. «Мамочка, ты мне говорила, что нужно быть вместе и в горе и в радости. Скажи, что тебя мучит?» – спрашивала я. Но ты молчала, ты хотела быть одна в своем пылающем пожарами прошлом. Кто посмеет тебя осудить? Мамочка, дорогая, любимая, пишу письмо, а слёзы льются рекой, и сердце болит. Люблю тебя, ты навсегда в моём сердце. Ещё раз – прости.

Твоя дочь Анна, рожденная в войну.

Татьяна ЦАРЁВА

Татьяна Александровна Царёва – поэт. Родилась в Москве, стихи пишет с детских лет. Член Московской городской организации Союза писателей России. Автор нескольких поэтических сборников, соавтор песен (стихи), отмечена наградами и дипломами.

Живёт в Москве.

МЫ ПОСЛАНЦЫ ДОЖДЯ И ВЕТРА...

НЕБО

Небо, терпи нас неправильных и немудрых,
Просто держи в облаках, одевая в дождь.
Небо, храни нас ночами, холодным утром,
Сразу прости нас за ропот, хулу и ложь...

Небо, услышь нас – беспутных и бестолковых,
И даже тех, кто себя ещё кем-то мнит.
Небо! Молюсь, но в гортани застряло слово
Или смущение и запоздалый стыд.

Облако я выжимаю до капли в кружку –
Жадно тянусь губами к живой воде.
Небо, подай нам, неправедным – по полушке
Радости, солнца, надежды и по звезде.

Небо, смотри – под тобою нас всех так много,
Жадных и щедрых, и добрых ещё, и злых.
Слышала, что у тебя где-то царство Бога,
А у него можно вымолить даже стих...

Можно, наверное, вымолить всё на свете,
Только купить ни за что ничего нельзя.
Не продаются рассветы, туман и ветер,
Не продаётся отмеренная стезя.

Верю – над звёздами можно дойти до Рая,
Хоть и не видела тех, кто такое смог...
Небо, а что мне просить у тебя? Не знаю...
Где-то по облаку ходит незримый Бог.

ОСЕННИЙ РЕКВИЕМ

Я уже не пытаюсь объять всё на свете,
Повидать всех знакомых и всюду успеть.
Мне довольно того, что порывистый ветер
Всё швыряет под ноги кленовую медь.

Мне довольно того, что бездонное небо
Растворяет печали холодным дождём,
И душа моя – маленький облачный слепок,
Как частичка земли, отражается в нём.

Я, должно быть, устала, и пройдены вехи
На моём утомительном долгом пути.
Было всё здесь – победы, грехи и огрехи,
Были радость и боль, крест, что нужно нести.

Был мой плач – для кого-то тяжёл и несносен,
Да и вправду сказать, боль видна на просвет...
Не накоплено золота, щедрая осень
Из своих сундуков мне достанет монет,

Чтобы мне расплатиться за дни и недели,
И за солнечный луч, что пробился с утра...
Перелётные птицы на юг улетели,
Это значит, и мне потихоньку пора.

Мне довольно всего – посмотрю без улыбки
Как теряется время в увядших садах.
И тихонечко ночь мне сыграет на скрипке
Звёздный реквием о промелькнувших годах.

НИ СТРОЧКИ, НИ СЛЕЗЫ

Ни строчки, ни слезы. А осень за окном
Раскрасила вразброс всё охряно-багряным
И стелет по утрам над листьями туманом,
И память бередит полузабытым сном.

Ни строчки, ни слезы. Пуста моя тетрадь.
Как прежде, по ночам считаю в небе звёзды.
А утром во дворе с рябин срываю грозди,
И так они горчат, что жизнь не оправдать.

Как сумерки придут, опять зажгу свечу
И буду до утра смотреть на это пламя,
И слушать как дожди проходят между нами...
Ни строчки, ни слезы. Мне больно. Я молчу.

ПРОСТО ДЕНЬ

За окном монохром и бесцветное небо,
Собирается мой «декабрист» зацвести.
Я иду в магазин за картошкой и хлебом
И считаю ворон на недолгом пути.

Эта жизнь, что казалась мне вечной загадкой,
В этот день без прикрас так наивно-проста.
Покупаю у кассы себе шоколадку,
А на куртку налипли два жёлтых листа.

Я несу их по улице, как эполеты –
Отличительный знак рядовых ноября,
Салютую зонтом улетевшему лету
И листку, отлетевшему с календаря.

Межсезонье, и нынче мой голос простужен,
Но в приветливом доме уютно вполне.
Неприменно пожарю картошку на ужин
И черкну пару строк о сегодняшнем дне.

ИДЕАЛЬНЫЙ МИР

Я придумаю мир, где не будет ни войн, ни раздоров,
Мир, где солнце встаёт, освещая в долинах цветы,
Где счастливые люди неспешно ведут разговоры
За любимой работой и трудятся до темноты.

А когда зажигаются в небе неяркие звёзды –
Расставляют столы, а на них – немудрёную снедь,
И беседуют снова – о будничном и о серьёзном,
Чтоб потом разойтись по домам сны цветные смотреть.

В тех домах очаги, где трещат так уютно поленья,
И на окнах цветы, скарб нехитрый – лишь стол да постель,
И порой кое-где раздаётся негромкое пенье –
Это пары влюблённых баюкают сонных детей.

Над тем городом Ангел простёр свои белые крылья
И читает молитву всего лишь из нескольких слов,
А наутро молитва привычно становится былью –
Мир и лад, и любовь, да ещё хлеб насущный и кров.

Только где же тот мир, мной придуманный в свете лампы?
Затерялся, должно быть, среди разных жестоких миров...
Ведь для счастья, по сути, не так уж и много нам надо –
Мир и лад, и любовь, да ещё хлеб насущный и кров.

ДОЛЬКА

Месяц лимонной долькой
В небе – такая малость!
Столько и да полстолько –
Всё, что ещё осталось.

А из сугробной ваты
Вечность прядёт на прялке
Годы, недели, даты –
Времени полушалки.

Тонкая нить струится,
Только б её не скомкать.
Вяжется ночь на спицах,
Вьётся змеёй позёмка,

Катится мой клубочек
По небесам прохладным.
Между зимы и строчек
Выведи, Ариадна!

Быстро в ладони тает
Нить – ледяная пряжа,
Кто-то потом читает
Слёзы в листе бумажном.

Тает и месяц вскоре –
Как истончилась долька!
И остаётся горе –
Столько и четверть столько.

Вечность прядёт – не спится
Ей на земной орбите,
Переверну страницу,
Буквы вплетая в нити.

Сон мой похож на прочерк –
Хочешь писать? Изволь-ка!
Звёзды, как многоточья...
Сколько ж их нынче, сколько!

ПАМЯТЬ

Не смошенничать, не слукавить,
Растворившись во временах.
Меня судит бесстрастно память
В бесконечных тревожных снах.

Откупиться не выйдет вовсе,
Да и дело совсем не в том –
Вот она, полуночной гостьей,
Проникает в притихший дом.

Разбирает неслышно письма,
Старых фото достанет горсть,
Переставит холсты и кисти
И на пледе пригладит ворс.

Пыль сотрёт с безделушек старых,
Усмехнётся в ночную мглу,
Тронет струны чужой гитары,
Что тихонько стоит в углу.

Спросит – что ж не горит лампада?
И пуста для стихов тетрадь?
Память – с ней никакого слада –
Не забыться, не убежать...

Дай мне, Господи, жизнь исправить,
Покаянной отмыть слезой!
Меня судит бесстрастно память,
Именуемая судьбой.

ПОДРУГЕ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Обними за меня этот город,
Расцелуй его в мокрые щёки,
Он каналами будто распорот,
Летом нежится на солнцепёке,
Плачет осенью, вьюжит зимою,
По весне распускает сирени,
Ночью может обдать тишиною,
Утром может сыграть на свирели.

Обними за меня этот город,
Где исхожено улиц так много,
Там дожди мне стекали за ворот,
И гудели ветра: «Недотрога!»
Всё испытывал город на прочность –
Чайки громко и дерзко кричали,
А потом были белые ночи,
Корабли, и мосты, и причалы...

Обними за меня этот город,
(Он таинственный, он светло-серый) –
Окна все из распахнутых створок,
Все речушки, каналы и скверы,
Облака все на небе пригожем,
Летний сад, все фонтаны и башни...
Обними за меня, если сможешь,
Ведь словами всё это не скажешь...

ДЕВОЧКА СО СПИЧКАМИ

Искорка веры погасла в душе,
Стало в ней пусто и холодно очень.
Я без разбора реву в свои строчки,
Их подгоняя под глупость клише.

Как срифмовать эту тяжесть и боль?
Как стихотворным измерить размером
Эту утрату потерянной веры –
Темень, накрывшую вдруг с головой?

Сотней невидимых, злых метастаз
В сердце проникла тоскливая мука.
Я заносу над листом свою руку,
Чтоб откреститься от лживости фраз.

Сброшены вещи, хожу в неглиже.
Холодно в доме, но мне безразлично.
Андерсен, помните? Кончились спички.
Искорка веры погасла в душе.

Я О ТЕПЛЕ С ТОБОЙ ПОГОВОРИЮ...

Предзимье. Первый снег. По ноябрю
Я побреду, его следом нарушив.
Пусть холод вновь окутывает душу,
Я о тепле с тобой поговорю.

Как хорошо, когда трещит камин
И ароматный кофе в чашке стынет.
А за окном лежат снега отныне,
И небо не стесняется седин.

Уютный плед, как тёплые слова,
На плечи ляжет мягко и спокойно,
И позабудутся раздор и войны,
И прежних распрей гулкая молва.

Мы будем просто говорить с тобой
О том, о сём, о главном и пустяшном,
Где одиночество и боль не важны,
Раз это предназначено судьбой.

И будут таять свечи в серебре,
Пусть их тепло согреет наши души,
И мы друг друга не устанем слушать
Под этот снег, летящий в ноябре.

СНЕЖНАЯ БАБА

А дальше, мой друг, наверное, будет так:
Ты, проклиная слякоть, пойдёшь, сутулясь,
Скоро похолодание – верный знак –
Увидишь снежную бабу на стыке улиц.

Большая луна – начищена как пятак –
Посмотрит на землю холодно и серьёзно.
Сквозь фиолетовых сумерек полумрак
Небо из частого сита просеет звёзды.

А я расстелю постель из метельных снов
Там где-то, знаешь, между землёй и небом.
Ты будешь спать, а я наловлю-ка слов,
Закинув в память старый дырявый невод.

И рифмы, как рыбы, побьются ещё об лёд,
Потом улягутся ровно в скупые строчки,
Ведь дней нам останется просто наперечёт,
Откуда я знаю? Да знаю, мой милый, точно.

И оттепель после, тоскливая, как печаль,
Набухшие тучи станут плевать снегом.
И мы расстанемся. Будет немного жаль,
Ведь снеговик растает без человека.

А ты ведь думал, признайся, что я жива?
Снежная баба тебя обманула ловко!
Оставлю тебе на память свои слова,
Ведро дырявое, лужицу и морковку...

СОН

Я живу среди снов и эльфов,
Ставлю блюдечко Домовому.
Быть бы Пифией, где-то в Дельфах,
Жить бы как-нибудь по-иному.

Где пространства, как взгляд, сквозные,
И коренья из мандрагоры,
Где колонны стоят резные,
И из облака платье впору.

Мне плести бы венки из лавра,
Обвивая слова случайно,
Подходить, не боясь, к кентаврам,
Поверяя им свои тайны.

Омываться в Кастальских водах,
На Пегасе взмывать над тучей,
И купаться в лучах восхода,
Или даже заката, лучше.

Со скалы неприступной глядя
Мир дурачить – хотят пророчеств!
И как в зеркале, в водной глади
Видеть годы, века и ночи.

Ведь приснится такое! Ну же!
Да и стóбит ли по-иному?
Эльфы спят, Домовой простужен,
И душа прикипела к дому.

ДУРАКИ

Дуракам не писан ещё закон,
Дуракам позволено – ты поверь!
Хоть стоишь юродиво у икон,
Хоть, шатаясь, выйдешь хмельной за дверь.

Дуракам расфасовано – по душе,
Что немеет от боли, и вновь – навзрыд,
Дуракам всё устроено здесь уже
И, конечно, неведомо слово «стыд».

Дураки в заповедных живут местах –
Между болью и небом и между строк.
Сердце кровью в терцию бьётся в такт,
А себе присмотрел дурака сам Бог,

Он поставил на нём свой незримый крест,
Пригвоздил как взглядом – иди, неси!
Если бьётся колокол, благовест, –
Дураки сбегаются на Руси.

Дураки кривляются, говорят
Обо всём, что видится им вокруг.
Дураки спиваются все подряд,
Дуракам не писано – помнишь, друг?

И о чём другие молчат в ночи,
Даже думать боязно – страшный век.
Здесь дурак отчаянно прокричит,
Ну, а что же странного? Человек...

Нам-то ведь не писано, нам земля –
Передышка на день ли, на века.
И пухово стелятся тополя,
Греет солнце немощных нас пока.

Дуракам не выдуман новый путь,
И законы незачем – ведь дурак!
И пускают в вечность нас заглянуть
Не за деньги (нет ведь их), а за так.

ДОЖИВЁМ

Доживём ещё до июня,
Есть запасы муки и гречки.
Тёплый ветер в окошко дунет,
И загасит фитиль на свечке.

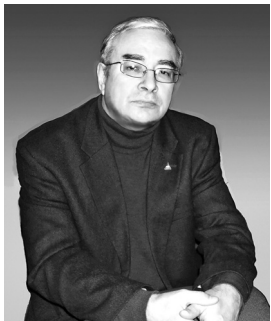
Заварю луговые травы,
Напишу ещё пару строчек.
Под рукой сигареты – справа,
Слева – боли тугой клубочек.

Доживём ещё до июля,
Есть картошка и лук в котомке,
Нас ведь звёзды не обманули –
Мы бездонных небес потомки,

Мы посланцы дождя и ветра,
Значит, будет с небес и манна,
Станем дивно питаться светом
Или просто густым туманом.

Неисписанных два блокнота,
Слово каждое – драгоценно...
Доживём ещё до чего-то,
Обязательно, непременно!

Анатолий МУСАТОВ

Анатолий Васильевич Мусатов – прозаик. Родился в Москве в 1946 году. В 1969 году поступил в Московскую консерваторию на фортепианное отделение в класс проф. Р.Р. Керера. Прочувшись четыре года, закончить консерваторию не смог из-за болезни рук. После этого преподавал по специальности. В 1978 году поступил на вечернее отделение Московского высшего художественно-промышленного училища на отделение «Проектирование выставок и рекламы». Получив образование художника-дизайнера, работал на должностях художника по рекламе в кинотеатрах, главного художника Дворца культуры ЗВИ, проектанта-макетчика в ДЦНТИ МЖД. Свой первый роман «Заслон» написал в 1978 году. К настоящему времени в творческом багаже несколько романов, повести, рассказы. С 2010 года член МГО СП России.

Живёт в Москве.

ДОРОГА К МОРЮ

Рассказ

Целый день Алёшка был напряжён и взвинчен. Ожидание поездки на море наконец-то подошло к концу. Но предчувствие какой-то неприятной случайности, как это бывало уже не раз – то колесо спустит, то отцу срочно понадобилось перебраться что-то в моторе «Запорожца», то мама, укладывая вещи по чемоданам, раздражалась причитаниями по поводу отсутствия какой-то тряпки, без которой она ехать на отдых не может, – заставляло его мучиться до последней минуты.

Сегодняшний вечер преподнёс сюрприз намного серьёзнее и коварнее. Младший, Витька, вдруг закапризничал, загундосил, и маленькая его рожица стала приобретать цвет варёной морковки. Мать озабоченно щупала его лоб, пичкала порошками и каплями, но к позднему часу брат все равно проявлял неумолимые признаки жестокой простуды.

Мать и отец, с тревогой осматривая своё болезненное дитя, в раздражении набрасывались друг на друга с криками. «Это ты его накормил мороженым! Говорила, не давай, так куда там!», – с отчаянием вскрикивала мама. Весь её вид говорил, что виновник срыва отпуска не есть её неразумное чадо, а только он, муж-недотёпа, скормивший детям по огромной порции пломбира. «Да ты сама, что ли, не знала, какой Витя хиленький! Я тебе говорил – не давай ему пить холодное молоко! Помнишь, утром...» – огрызнулся отец.

Самому же Алёшке не было никакого дела до причины, по которой его неразумный братец вздумал заболеть. Он страшно обозлился на Витьку – вздумал такое выкинуть, чтобы только навредить ему! Алёшка знал вредный характер братца, а потому пребывал в полной уверенности, что тот нарочно сожрал и мороженое, и наглотался холодного молока. И теперь, по его милости, накрывается такая долгожданная поездка к морю.

Но все ужасные предчувствия и тревожления родителей утром развеялись, как прошедший беспокойный сон. Витька встал бодреньким, егозливым непоседой. Мать с облегчением вздохнула: «Ну, слава Богу!.. Пронесло!».

Собрались вмиг, без лишней суеты, благо с вечера родители, причитая и перебраниваясь, дело делали – всё нужное было загружено, приторочено на крыше и уложено в пасть «Запорожца»: багажное отделение этой превосходной машинки находилось спереди, под его капотом.

В шесть утра, по распоряжению отца, не желавшего ехать по жаре ни минуты, они двинулись в путь. Раннее утро, беспокойная ночь и пережитое волнение сделали своё дело – дети через полчаса уже спали сном невинных агнцев. Мать тоже дремала, но вполглаза, не доверяя своему супругу такое ответственное дело, как вести машину. В минуты сомнения в правильности выбранного действия мужа она, выбрасывая перед его носом маленькую, изящную ручку с неумолимостью милицейского жезла, вскрикивала: «Вася, ну ты что! Не видишь, как этот идиот несётся! Не надо обгонять их, мотор слабенький, пусть они торопятся к своему концу. А мы потихоньку доедем...».

Алексей в свои одиннадцать ясно понимал написанное на лице отца упрямое нежелание дать себя обогнать какому-то «Москвичу». Ну и что, что их машина – «инвалидка», выданная отцу как инвалиду войны! Он не понимал, что в ней плохого. Алешка был влюблён в эту горбатую коробочку со всей страстью и пылом первого чувства.

Дорога Алёшка была знакома. Две предыдущие поездки оставили в его памяти только бесконечную серую ленту, которая почему-то никак не хотела кончаться. Ночи они проводили в степи, которая начиналась уже к вечеру первого дня. Он хорошо помнил свой восторг от огромного, бездонного купола чёрного неба, усеянного ярчайшими блесками разноцветных огней. Эти огни были так близки к нему, что Алёшку поначалу подмывало встать и запустить в эти многоцветные рои камешек. Он прекрасно знал, что сбить звезду нельзя, но нетерпение его было столь сильным, что он зажмурился глазами, пытаясь хоть так

угомонить своё несбыточное желание. А едва он смыкал веки, как сон делал свое дело, и Алёшка, просыпаясь утром, ничего не помнил о своей страстной мечте.

Перед первой ночью, когда вечер стусил воздух до мерцающей сини, отец съехал на обочину.

– Всё на сегодня, почти семьсот километров отмахали. Катя, выходи и поищи съезд, а то я что-то из машины не вижу.

Жена скоренько выскользнула из машины и её белое платье ярким факелом засветилось в свете фар. Алёшка вознамерился было выбраться вслед за матерью, но отец упредил их:

– А вы сидите в машине, не то заблудитесь, где вас потом искать? К утру одни косточки останутся, волки и лисы живо с вами разделаются. Слышите, как они воют в степи?

– А как же мы будем ночевать? Они что, нас не съедят разве? – в ужасе всхлипнул Витька.

– Нет, нас они не тронут. Я с вами, а они взрослых боятся, – с хитрой усмешкой ответил отец, старательно выруливая за белым платьем Катерины.

Алёшка вдруг испугался, что мама заведёт их в какое-нибудь место, где полным-полно волков и лис. Она-то не знает этих хитрых и коварных зверей. Сам Алёшка хорошо изучил их страшные повадки по сказкам, которые читал во многих красиво раскрашенных книжках. Он обеспокоенно повернулся к отцу:

– Пап, а мама не попадет к волкам и лисам в пасть? Она ведь там одна идёт.

Отец очень смешно издал несколько кашляющих звуков. Отдышавшись, он сказал:

– Не бойся, мой хороший. Там, где мама, там диких зверей нет. Они её боятся до смерти. Когда мама впадает в обструкцию, мне иногда самому становится страшно, хуже даже, чем было на войне.

Почувствовав ту силу убеждения, с какой отец произнес эти слова, Алёшка сразу обрёл уверенность и спокойствие в благополучном исходе ночёвки. Он обернулся назад, – не слышал ли братик последние слова отца. Но тот уже давно, (по частому выражению мамы в адрес отца) «дрых, как сивый мерин».

Спустя полчаса родители уже устроились в небольшой палатке рядом с «Запорожцем». Детей уложили в машине на откинутые сиденья. В этом Алёшка усмотрел ещё одну прелесть путешествия. Он с удовольствием наслаждался тонко-терпкими запахами машинной атмосферы. Через открытое окно в двери Алёшка прислушивался к шепоту родителей. Судя по настойчивым интонациям матери, они что-то выясняли. Но надолго Алёшке сил не хватило. Он заснул почти сразу же, даже не заметив этого.

Катерина, весьма расстроенная сообщением мужа о своем желании заехать к месту захоронения своих однополчан, достигла критического накала, убеждая мужа отложить эту поездку.

– Вася, тебе обязательно нужно делать такой крюк? Ведь считанные дни, да ещё деньги на бензин нужны! Это ведь с полсотни километров будет, – туда-сюда, да на еду и воду. Ты бы подумал, ну, может, когда поедем назад, а, Вась, ты что молчишь?! Или тебе всё равно, как мы будем добираться?! Жить «дикарём» тоже денег стоит немаленьких. Это ведь не пансионат, где всё готовенькое... ты слышишь меня?

Катерина ткнула мужа в бок. Василий нехотя повернул голову:

– Конечно, слышу... Только вот на обратном пути заехать не получится. Я даже не знаю, на сколько мы ещё можем рассчитывать пробыть у моря. Алёшке в школу нужно собираться, времени в обрез, да у меня начнется запарка на работе. Ты ведь знаешь, с каким боем мне пришлось выбить это время на отпуск. И то через военкомат помогли. А то...

Он замолчал. Жена недовольно хмыкнула:

– Да кому нужны твои сантименты! Был бы какой юбилей, или приглашение на встречу однополчан, как в позапрошлом году! Нет, твоя самодеятельность, чувствую, боком нам выйдет...

Катерина продолжала ещё что-то сердито шептать, но Василий уже не слышал её. Он смотрел в окно машины, где на фоне сплошной чёрной тьмы, словно на экране, возникали неясные тени. Они проявлялись, становились отчётливее, приобретая реальные очертания, в которых он уже ясно различал тех, с кем

в том, сорок третьем году, в такое же жаркое лето задыхался в окопах от смрадного дыма, пыли и жары ...

Наутро он поднялся молчаливый, сосредоточенный и поделовому строгий. Алёшка хотел было по обыкновению присесть к осмотру, но отец коротко приказал: «Марш в машину». Ещё не совсем рассвело, как они спешно выбрались на шоссе. Яркая полоска зари, обещавшая жаркий день, залила красным оттенком всю лежащую окрест местность.

Почувствовав какое-то напряжение между родителями, Алёшка, прижавшись к окну, разглядывал скучный, однообразный пейзаж, с унылой однотонностью убегающий назад. Брат тоже помалкивал, погружённый в дремоту.

Смотря на поджатые губы матери, Алёшка не мог понять, почему она так недовольна. Он недолго пребывал в своём недоумении. Через час с небольшим отец вдруг сбавил ход и стал сосредоточенно выглядывать что-то впереди. Заметив съезд, он притормозил и осторожно двинулся через крутой спуск обочины к просёлочной дороге.

Алёшка повертел головой и тихо спросил:

– Ма, а куда это мы?

Мать хмыкнула и раздраженно буркнула:

– Спроси у своего отца. Он тут рулит, а мы ему только в обузу!

– Почему? – удивился Алёшка

– Сиди, узнаешь!

Алёшка скривил обиженную гримасу и снова отвернулся к окну. Приставать к отцу во время движения ему было категорически запрещено, а потому оставалось только ждать.

Его ожидание затянулось надолго. Степь, разбавленная отдельными кучами деревьев, низкорослым, чахлым кустарником, постепенно приелась взгляду. Алёшка сквозь наплывавшее на глаза море видел себя уже у моря, несущимся навстречу волнам и в бесконечно долгом плескании в набегающих крутых горах солёной воды...

Через волнительные своей приятностью картины к его сознанию пробился посторонний шум. Алёшка тряхнул головой

и огляделся. Они стояли на проселочной дороге. Отец уже находился вне машины и разговаривал с каким-то мужиком, сидевшим на телеге. Тот оживлённо тыкал кнутом в сторону чуть видневшейся вдаль небольшой рощицы. Отец согласно кивал и продолжал расспрашивать этого странного, заросшего густой щетиной мужика.

Наконец все разговоры были закончены. Мужик взмахнул кнутом и, прервав энергичное лошадиное мотание головой, резво тронул прочь. Отец некоторое время стоял в раздумье. Мать, не выдержав такой неопределённости, выскочила из машины и нетерпеливо спросила:

– Вася, ну что? Едем?

– Едем... – ответил отец. – Вот только куда? Мужик сказал, что захоронение перенесли вон за ту рощу, ближе к станице. Вот, чёрт, незадача! Через это поле нам не проехать. Придется делать крюк вокруг станицы. Только там есть дорога к мемориалу.

– Господи, что это всё у нас не как у людей! – воскликнула мать. – Что ты урёся: годовщина, годовщина! Детям каждый лишний час у моря – год здоровья, а тебе наплевать на них! Лишь бы потешить свой характер!

– Ладно, Кать, садись, – холодно оборвал её отец. – Десяток километров погоды не сделает...

Впрочем, дорога через станицу вышла не совсем накладной. Мать своим практичным взглядом высмотрела сидевших вдоль дороги тёток и старушек, торгующих разными станичными припасами. Вскоре они продолжили путь, прилично нагружившись черешней, больше похожей на небольшие яблоки, помидорами величиной почти с Витькину голову, огурцами, салом, сметаной и ещё чем-то, чего Алёшка так и не понял – в двух больших бутлях плескалась чуть мутноватая жидкость.

Отец с превеликой аккуратностью обмотал бутылки тряпкой и уложил в багажник. Мама, сморщившись, будто у неё вдруг заболели зубы, предупреждающе сказала:

– И не рассчитывай до моря даже на глоток! Вылью все до капли!

Отец с преувеличенной готовностью стал заверять в своем полном согласии:

– Да ты что, Катя! Конечно, только по приезду! Просто это про запас! Где там на месте купишь его за такую цену! Это ж сколько вышло экономии! Посчитай сама!

– Нужна мне твоя экономия! Тебе бы только дорваться!..

Место, к которому так стремился отец, открылось внезапно. За небольшим изгибом просёлка, едва кончился кустарник, открылась хорошо ухоженная площадка, в центре которой, огороженной простой железной оградой, находился квадрат из побеленного бордюра. Квадрат был засажен цветами, через который вела выложенная белым камнем дорожка к возвышавшейся посреди квадрата небольшой стеле.

Метрах в пяти от ограды Василий остановил машину. Некоторое время он сидел молча, смотря перед собой через стекло. Катерина, не обращая на мужа внимания, выбралась из машины и, откинув сиденье, скомандовала сыновьям:

– Ну-ка, выбирайтесь!

С радостными криками мальчики высыпали на траву. Витька, словно заведённый, размахивая руками, начал выписывать круги вокруг «Запорожца». Алёшка, в силу своего возраста не желая уподобляться младшему брату, степенно подошёл к калитке в ограде и потрогал замок.

– Мам, замок закрыт!

– Иди сюда. Отец сам разберётся! А вы быстренько мойте руки и садитесь. Не то черешня пропадёт на такой жаре.

Алёшка, обойдя машину, увидел расстеленную на траве большую тряпку. На ней уже стояла в объемистой бутылки вода, лежали несколько узлов и алюминиевые миски.

Пройдя процедуру умывания, мальчики уселись и с нетерпением уставились на черешню, которую мать тщательно прополаскивала в куске марли. Алёшка на миг оторвался от созерцания процедуры омовения плодовой вкусности и бросил взгляд в сторону машины. Он увидел, как отец выбрался из салона, подошёл к ограде памятника и остановился. Что-то необычное показалось ему в поведении отца. Отец, опустив голову, словно

понику, стал меньше, ниже ростом, будто какой-то невидимый груз опустил ему на плечи.

Уплетая сочные, бордово-чёрные черешни, Алёшка краем глаза следил за тем, что делает отец. Тот, постояв в раздумье перед оградой, подошёл к калитке и тронул замок. Алёшка увидел, что замок чудесным образом оказался в руке отца. Распахнув калитку, отец, тяжело опираясь на палку, внимательно высматривал место, куда её поставить. Вымощенная дорожка подстергала его неровно положенными камнями и ямками.

Алёшка начал ждать, когда отец подойдёт к четырехгранной стеле. Засунув последние ягоды за щеки, он вскочил и побежал к мемориалу.

– Пап, подожди, я тоже с тобой!

Отец оглянулся. Алёшка шустро проскочил расстояние и, осторожно ставя ноги, обутые в легкие сандалики, пробрался по острым граням крупной щебенки к отцу.

– Иди осторожнее. Камень острый. Кому-то лень было привезти мелкой щебенки, взяли этот по дешёвке, как полуфабрикат. Пошли.

У стелы отец и Алёшка остановились. Отец подошел к памятнику. Перед ними, на наклонной каменной доске белого цвета тусклым золотом отсвечивало много фамилий. Сверху большими бронзовыми буквами была выложена надпись: «Хома Исидорович Карпенко», и чуть ниже, более мелко, – «танкист – старший лейтенант». Внизу аккуратными рядами, по шесть в квадрате, шли остальные фамилии. Они были словно выстроенные на параде солдаты. По крайней мере, так показалось Алёшке. Он наклонился и прочитал первую попавшуюся на глаза: «Гуськов П. И. мл. серж.».

– Па, а что такое «мл. серж.»?

– Это значит: младший сержант...

Какая-то необычная интонация в голосе отца заставила Алёшку выпрямиться и посмотреть на него. Отец стоял, вытянувшись, прижав руки к бокам. Он будто смотрел на стелу, но взгляд его был направлен куда-то вдаль, мимо этого высокого

белого камня, так похожего на штык, который Алёшка видел в многочисленных книжках о войне и фильмах.

Заблестевшая влага в уголках глаз отца удивила Алёшку.

– Пап, ты что, плачешь?

– Нет, сын, я скорблю о тех, кто мог бы стоять сейчас со мной рядом, но...

– Пап, кто они?

Отец достал платок, тронул углы глаз и повернул серьёзное, потемневшее лицо к Алёшке:

– Хорошие парни тут лежат... Я воевал с ними. Здесь похоронен мой друг и бойцы моей роты...

Планам Катерины на этот день сбыться не случилось. По внезапно навалившейся жаре, принесённой густым степным ветром, Василий не поехал. Перегрелся слабенький мотор «Запорожца». Они отъехали на километр, к рощице. Устраиваясь в тени, Василий хмуро выслушивал стенания жены по поводу его безрассудной траты времени. Он понимал, что такова уж его карма на сегодняшний день, а потому терпеливо ожидал окончания выплеска негативных протуберанцев в его сторону. Было очевидно, что жара спадёт только под вечер. Катерине, уставшей от бесплодных попыток уязвить мужа, стала понятна бессмысленность расходования столь драгоценной нервической силы. К тому же ехать на ночь глядя не имело никакого резона.

Установив палатку, Василий привычными движениями «рас- супонился», как он сам называл процедуру снятия протеза. Катерина собрала на покрывале небольшой ужин. Василий терпеливо ждал, пока она накормит детей и уложит их спать. Дождавшись её возвращения, он осторожно проговорил:

– Кать... а Кать?

Молчание, особенно такого сорта, наводившее душевный трепет на его натуру, было ответом на виновато-просительную интонацию. Но Василий знал, что эту крепость за него никто не возьмёт, а потому еще раз повторил:

– Кать... слышишь?

– Чего тебе?

– Ну, это... помянуть бы...

– И всё?!

– Приехали же... вроде, за этим. Причина уважительная, ты ж понимаешь сама.

– Я-то понимаю! У тебя, чтоб залить глаза, всегда находится уважительная причина!

– Ну что ты такое говоришь, Катя! Я ведь...

Ещё с полчаса шло выяснение всех подлых свойств природы Василия, но в конце концов Катерина сдалась. Поджав губы, она принесла одну из бутылей. Василий налил в кружку пахучего самогону (от запаха коего Катерина брезгливо повела носом) и медленно, мелкими глотками выпил. Шумно выдохнув, Василий опустил голову и тихо сказал:

– В тот раз, последний для него, – он мотнул головой в сторону памятника, – мы тоже пили такой же ядрёный...

Простёртая к горизонту степь, засветившаяся вдали окошками станицы, нисколько не уменьшила яркости обсыпавших небосвод звёзд, трещали оглушительно-слаженным оркестром кузнечики и цикады, тёплый воздух, наплывая волнами, уносил с собой тревожное, напряжённое настроение, оставляя в душе только один покой...

Василий долго лежал без сна. Он выполз из палатки, надел протез.

– Вась, ты куда? – послышался шепот Катерины.

– Спи, я сейчас... покурю...

Василий прошёл к кромке поля. Узкая, багровая полоска заката тёмным абрисом высветила его фигуру. Он стоял и глядел вдаль, туда, где посреди свекольного поля и на опушке рощи располагались тогда их окопы и блиндажи. Порывы тёплого ветра, набегая на лицо, приносили запахи, совсем не похожие на те, въевшиеся в память гарью жжёного железа, кислым запахом взрывчатки и сладковато-приторной прелью разлагающейся плоти на ничейной полосе.

И сзади, как будто из глубины времен, прошелестело едва слышным голосом:

– Товарищ старший лейтенант, вас ищет какой-то танкист...

И этот бестелесный голос будто раздёрнул перед глазами невидимую завесу, за которой одна за другой, стали выстраиваться картины того жаркого лета тысяча девятьсот сорок третьего года...

В ротах чувствовалось напряжение. Вялая, едва обозначаемая постреливанием, кое-где трескотнёй пулемётов, окопная жизнь изматывала хуже всяких миномётных обстрелов. Ожидание наступления делало людей весьма чувствительными к любым проявлениям житейских радостей. Так что объявленная банная помывка привела всех в приподнятое настроение. «С старшины двойные “наркомовские” после баньки причитаются!..».

– Ну что, Малышев, засиделись мы в окопах-то? Ну и будя! Пришел приказ по бригаде – наступление скоро.

Капитан снял фуражку, бросил её на дощатый стол и, отдуваясь, вытер тряпицей потное лицо.

– У тебя здесь ещё чуток прохладнее. Наверху просто адское пекло. Сам-то, небось, и носа отсюда не кажешь?

– Никак нет, товарищ капитан. Только что из роты вернулся. Прорабатывали статью из «Звезды». Люди и впрямь измаялись, сидя здесь почти месяц.

Василий никак не мог привыкнуть к новому ротному. После ранения Гриши Дубровина, его долгое время раздражала и манера общения капитана, и выговор, и просто его лицо. Поначалу Василию казалось, что этот капитан заскочил в гости – войдёт Гриша и они отбудут по делам. Но время шло, дела требовали тесного взаимодействия, и приходилось забывать, что его ротный совсем чужой человек. «Кстати, – подумал Василий, – в роте тоже не сразу приняли капитана». Потому к ротному Василий обращался только по званию и никак не иначе...

– Вот что, Малышев, собери взводных к тринадцати тридцати. Будем уточнять наши позиции. Точность в порядках – это залог победы! – Капитан издал самодовольный смешок. – Заодно организуй людей на раздачу боеприпасов по взводам. Иди.

«Он решил, что замполит роты – это мальчик на побегушках!», – неприязненно подумал Василий. Поднявшись, он козырнул, буркнул «слушаюсь» и вышел.

Окунувшись в ощутимо давящий зной, Василий стал пробираться среди наваленных в траншее друг на друга ящиков с боеприпасами. Их только что доставили для пополнения боекомплекта роты. Оглядевшись, Василий увидел среди солдат, сидевших в нишах, прорытых в стенках траншей, Волокушина.

– Старшина, ко мне!

Волокушин неторопливо поднялся, надвинул пилотку и, подойдя, козырнул:

– Слухаю, товарищ старший лейтенант.

– Почему здесь бардак?

Василий кивнул на ряды ящиков.

– Дак-ыть, взводный ушёл, а нам приказал сидеть – ждать яго. Он пошёл собирать сводку по взводам – кому шо надо.

– Ладно, жди лейтенанта. Скажешь ему, как придёт, чтоб сразу же шёл в блиндаж к капитану.

Протиснувшись мимо дремлющих солдат, Василий направился во второй взвод, к Аркаше Белову. Тот сидел в блиндаже и чистил португепю. Увидев Малышева, довольно гыкнул:

– Ну, что, Вась, двинемся скоро?

Румянощёкий Аркаша был, как всегда, весел и шутив:

– Солдатики гудят, что предстоит славная заварушка?! Говорят – по всем приметам так выходит!

– Ты что, в приметы стал верить? – удивленно вскинул голову Василий.

– А чё, не так разве? – хмыкнул Белов.

– Сейчас узнаешь. Иди срочно к капитану, он просветит. А приказ пришёл точно.

– Когда начнется? – подался вперед Аркаша.

– Хрен его знает! Может, капитан объявит. Ладно, иди, а я в третий побегу.

– Не трудись, Копылов сейчас у Захарова. Со списком бегаёт по боеобеспечению. Можешь сразу идти туда. Знаешь же этого

зануду – Захарова! Он так быстро не отпустит Сашку, пока не изложит все свои требования – вплоть до обмоток.

Василий поморщился:

– Вот чирей на заднице! А по поводу наступления – из штаба бригады нет ещё сведений. Да, кстати, распорядись по взводу, чтоб бойцы писали письма. Я чувствую, времечко поджигает, скоро так жарко будет, не до писем станет.

– Ну, и я тоже понял. Немчура что-то притихла. Не иначе как разведкой занимаются.

– Расставь усиленные посты. Чем чёрт не шутит! Как говорила моя бабка, – смотри, где уснёшь – как бы без порток не проснуться! Ладно, я пошел. Займись боекомплектom. Не то в наступлении немцев шугать на «ура» будешь. Сам знаешь – у нас в роте много шустрых, которые про запас нахапают и чужое. Бывай...

Василий ткнул Аркадия в плечо и исчез за поворотом траншеи. Аркадий смотрел ему вслед и думал: «Сколько нас, из офицеров первого набора в бригаде осталось – я да Васьяка... Может, это наступление...».

Он оборвал мысль и, поморщившись, тряхнул головой: «Ладно, чему быть, того не миновать. Как-то ведь до этого проносило... Чего нюнить заранее!».

Белов надел португею и, выглянув из блиндажа, крикнул:

– Струев, ко мне!

Подбежавшему сержанту Белов приказал:

– Возьми двоих бойцов и немедленно дуй к капитанскому блиндажу. Возьмешь наш боезапас. Смотри там, не промахнись! Принесёшь что сверху, будешь молодцом! Выполняй!..

Выйдя от Белова, Василий решил всё же пройти в четвёртый взвод. «Захаров хоть и зануда, но служака правильный. С ним спокойнее. Аркашка не любит его за то, что лишнее прихватить не даёт... Ха, этого шустрика не переделать!..».

– Товарищ старший лейтенант, вас ищет какой-то танкист!

Малышев обернулся. К нему, распахивая бойцов по бокам траншеи, спешил Лагутин. Он махнул рукой в сторону капитанского блиндажа.

– Пришёл какой-то танкист – старший лейтенант, а капитан ушёл в штаб полка. Танкист говорит – срочное дело к вам!

– Чего ему надо?

– Не могу знать, товарищ старший лейтенант. Он говорит, приказ у него из штаба бригады и дело срочное! Идите, а то кабы чего не вышло!

Лагутин сделал озабоченное лицо и прибавил:

– Серьёзный такой, этот старший лейтенант, хотя с виду ещё и пацан совсем. Такой может, не продумав, наворотить дел осерчавши!

– Ну-ну, так уж и велика кочка! – усмехнулся Малышев. – Вечно ты со своей опаской носишься. С солдатами ты не больно чичкаешься, а стоит увидеть офицерский погон, как норовишь в кусты забиться.

– Ой, товарищ старший лейтенант, так это ж я для дела! Каждому приятно думать, что он такой большой и грозный! Вот я и напускаю дыма!

– Смотри, Лагутин, я тебе не поп, чтобы исповедоваться! Оставь эти соображения для девок, когда будешь заливать им свои байки.

– Да что вы, товарищ старший лейтенант, и в мыслях не было шутковать с вами.

– Вот-вот, как раз я по поводу этих мыслей. Чтоб во взводе никаких посторонних разговоров о капитане больше я не слышал. Все свои потешки засунь в вещмешок. Не то сам знаешь, где можешь оказаться. Это в последний раз говорю, понял?!

– Хм, отчего ж не понять, понял, только я не один такой разговорчивый. Ребята разное говорят про капитана, что он, дескать, из безлошадных, в кавалерии при штабе сидел, да за что-то его к нам на передовую упрятали...

– Так, ты, я вижу, ничего не понял! Все эти разговорчики прекратить немедленно! Всё это чушь собачья! Откуда только такие фантазии берутся! Вот за них и пойдёшь в трибунал и штрафбат!..

Лагутин с готовностью козырнул и рывкнул:

– Есть прекратить все фантазии!

– Ну всё, иди в расположение. Приду, проверю весь по списку боекомплект. Чтоб тютелька в тютельку! Не то с тебя, шельмы, все пример берут. Набивают карманы и «сидоры» сверх меры, а в наступлении еле ползут от тяжести, как раздавленные тараканы!

– Да ничо, напраслина все это! Ребята ежели что и возьмут, так только чуток про запас, запас карман не тянет, а в бою за всегда...

– Свободен! – цыкнул на Лагутина Василий. Заметив у блиндажа фигуру в танкистской робе, он прибавил шаг. Подойдя, Малышев увидел перед собой сержанта-танкиста.

– Кто такой?

– Сержант второй танковой роты Меленчук! – вытянулся танкист. – С товарищем старшим лейтенантом прибыли до вас. Товарищ старший лейтенант дожидаются вас в блиндаже.

Василий отбросил плащ-палатку и шагнул в тёмное пространство блиндажа. Ему навстречу поднялся коренастый танкист. Даже в полумраке была видна светящаяся ореолом цветална его шевелюра.

– Комроты старший лейтенант Карпенко, – представился он и, протянув руку Малышеву, сказал просто и даже с шутливой интонацией. – Вот, пришёл до этой хаты, побрататься с хлопцами. Как-никак, нужно узнать, кого это мы в наступлении будем тащить за собой в атаку!

– Правильно сделал, старший лейтенант! Кому, как не мне, замполиту роты, знать своих соседей в лицо, чтоб потом было на кого скинуть провалившееся наступление! Будем знакомы – замполит роты, старший лейтенант Малышев, – козырнул Василий.

– Будем знакомы, замполит. Моя рота придана вам в усиление. Мы тут, за рощей стали. А потому возникли вопросы по взаимодействию с нашей дорогой пехотой. Разведка нашего полка провела рекогносцировку местности в тылу фрицев. Уточняли рельеф и проходы в минных полях. Вот пришел обговорить детали взаимодействия, да в пролёте оказался. Ваш комроты отбыл, как мне сказал его ординарец, в штаб батальона.

– Есть такое, – хмыкнул Малышев. – Теперь его скоро не жди. Пока по рынкам в городке не пошарит – не объявится. Наш капитан большой любитель сала. Так что нам с тобой придётся до вечера куковать.

– Да не, зачем же тратить время зря! Пошли ко мне, лейтенант. В моём хозяйстве я тебе скучать не дам. Мы и без твоего ротного найдём чем заняться!

– А что? Отметим заодно боевое содружество войск! Лагутин! – крикнул Василий в сторону завешенного плащ-палаткой входа. В щель просунулась хитрая физиономия ординарца:

– Я туточки, товарищ старший лейтенант!

– Иди, найди старшину, и быстро, одна нога здесь, другая там!

– Есть найти старшину! Я мигом, не извольте беспокоиться. А можа, что и сразу у него спросить, ну, чтобы время не тратить? Так я запросто, и вам ускорение дела, и мне ноги не бить туда-сюда...

– Пошел вон, прохиндей! – заорал Малышев. – Ну вот что с ним сделаешь, совсем разбаловались люди! Больше месяца сидим в обороне, вот и мозги свернулись на бок!

– Так надо, старлей, профилактику устраивать! Вон мои, чуть что забаловались, так я их на матчасть бросаю! Например, гусеницы пару раз перебросят, глядишь – ходят, как шёлковые!

– Да тут кроме рытья окопов ну ничего не придумать! И так изрыли всё вокруг. Каждый себе чуть ли не хоромы отрыл! Иной раз по взводам идёшь, так в траншеях пусто, будто все сбежали в самоволку! Сидят по щелям, как тараканы...

Плащ-палатка кольхнулася, и в блиндаж вошел Волокушин. Неторопливо вытащив пилотку, заткнутую за поясной ремень, он нахлобучил её и козырнул:

– Товарищ старший лейтенант, старшина Волокушин прибыл по вашему приказанию!

Василий махнул рукой. Волокушин опустил руку с зажатой в ней пилоткой, аккуратно заткнул её за пояс и выжидающе глянул на Малышева.

– Вот что, Волокушин... видишь, какое дело. Товарищ старший лейтенант прибыл к нам по важному делу – будущему совместному взаимодействию в наступлении. Надо бы уважить собрата по оружию, показать наше гостеприимство! Тем более, что они своей броней прикроют нас в наступлении. Принеси-ка нам, Петрович, фляжку с твоей горилкой.

Петрович отвёл глаза:

– Да откель у меня горилка, товарищ старший лейтенант! Усе на контроле у ротного. Это у него и горилка, и ключик к каптерке, игде она схована.

– Петрович, ты смотри, я не погляжу, что ты такой важный! Иди, поскреби по своим сусекам! Не то враз озабочу внеплановой ревизией! Уразумел?

– Да я чяго ж... – вяло буркнул старшина. – Пийду, пошукаю, можа игде заныкалась у меня.

– Так бы сразу!

Через пару минут Волокушин принес пузатую фляжку из тёмно-зелёного стекла и с непроницаемым видом протянул её Малышеву:

– Это усё, товарищ старший лейтенант.

– Ну, вот, это другое дело! Можешь быть свободен...

Подозвав Лагутина, Василий предупредил его, что если его будут искать, то сказать, что он пошел к танкистам, уточнить план совместных действий. Через несколько минут Малышев, Карпенко и Меленчук уже подходили к противотанковому эскарпу, отрытому на стыке рот. Остановившись, Малышев сказал:

– Дальше осторожнее. Развлекаются гады! У них завёлся один пулемётчик, который чуть ли не круглосуточно выслеживает наших. Вот, смотри.

Василий взял прислонённый к откосу стены эскарпа шест и, нацепив на него продырявленную в нескольких местах каску, приподнял над срезом вала. Тут же по его гребню взвихрились фонтанчики пыли и камешков. Вслед за цвикнувшими пулями донесся дробный перестук пулемёта.

– Понял? И так все время без передыху! Можно подумать, что этот гадёныш не спит и не ест, а также до ветру не ходит.

– Да бис с ним, замполит! Проскочим на пузе! Не впервой, нам, танкистам, брюхом землю мерить, так ведь, Меленчук?

– Так точно, товарищ старший лейтенант. У прошлом разе три километра ползли, пыли нанюхались, когда наш танк обезножили, – почему-то шёпотом ответил сержант.

– Это он говорит о разведке боем, – пояснил Карпенко. – Мы вырвались вперёд, а пехота не сдюжила. Фрицы скovyрнули нам гусеницу вместе с ленивцем. Машину пришлось бросить, а ночью ползти до своих.

– Значит, легшее будет ящеркой по лощинке ползти, вон до той высоты. От неё расположение третьей роты начинается, уже по окопам, напрямиком к вам. Кстати, а как вы сюда добирались?

– Да нас ваш Лагутин по буерачкам протащил, как раз на блиндаж вышли. И никаких обстрелов не было!

– Ну и жучила! И что же он такое делал вне расположения роты?

– Кто его знает, только мы наткнулись на него в полкилометре от окопов.

– Так что же он не предупредил меня, что может провести нас другим путем!

– Хм, это понятно! У солдат всегда есть свои секреты от начальства, – усмехнулся Карпенко. – Ваши бойцы наверняка знают об этом, но будут молчать под любыми допросами. Вернётесь – спросите, а пока двинемся здесь.

– Ладно, ладно, – буркнул Василий, – вернусь, устрою такой допрос, что мало не покажется...

Добравшись до расположения танкового батальона, Карпенко приказал:

– Меленчук, проводи товарища старшего лейтенанта до нашего зверя. Я к комбату на рапорт.

Небольшая рощица, насквозь просматриваемая из-за отсутствия кустарника, была похожа на разрытый муравейник. Везде, где останавливался взгляд, Василий видел открытые ямы, в которых расположились танки батальона. Прикрытые сверху ветками берёз и ясеня, они производили впечатление огромных

вздутий, как будто из-под лиственной подстилки пробивались гигантские грибы.

– Вот, товарищ старший лейтенант, наш зверь, – с уважительной интонацией сказал Меленчук.

Они остановились перед навалом веток и дёрновых пластов. Из ямы, в которой находился танк, проглядывала лишь башня с намотанной на ствол травой.

Меленчук обошел танк и куском берёзового ствола стукнул по башне. Лязгнул открывающийся люк и из него высунулась жующая, с разводами масла по лицу, довольная физиономия.

– Сашка, ты опять жрёшь, вместо того, чтобы заниматься делом! Ты люфт у рычага газа убрал?

– Товарищ сержант, я всё сделал!

Сашка вымахнул из люка на землю и широко улыбнулся:

– Механика – как новяк, товарищ сержант! Можете поверить!

– Ладно, – махнул рукой Меленчук. – Где Колодяжный?

– Вона, спит...

– Зови сюда, сейчас старший лейтенант придёт от комбата, будет вам работа!

Едва плотный, широкоплечий Колодяжный, зевая, предстал перед сержантом, как их окликнул подходящий сзади Карпенко:

– Смирно! – скомандовал он. – Колодяжный и Гринько – быстро натянуть брезент на каркас. Меленчук, – сходи на кухню, притарань что-нибудь из закуски. Ну, в общем, сообрази, чем можно угостить нашего пехотного собрата.

Карпенко повернулся к Василию:

– Все определилось, старший лейтенант. Комбат предупредил, чтобы утрясли как можно скорее план взаимодействия. Я доложил о ситуации, так он приказал обговорить всё с тобой, а ты уже доложишь своему капитану. Так что у нас есть вечерок, для всех удовольствий. Только одно условие – зови меня по имени, а я тебя. Согласен?

– А то! Ты здесь командир и начальник, тебе и карты в руки. Где расположимся?

– Вон, бачишь, мои хлопцы сооружают нам укромный уголок. В этой палатке мы сообразим наши дела.

– Отлично! Слушай, Хома, я никогда не был в танке. Пока налаживают палатку, разреши слазить в нутро твоего, как ты говоришь, «зверя»?

– Да будь ласка, только шлем надень, не то приложишься по неопытности к какой-нибудь железяке, побьёшь голову, а мне будет знатный разнос!

Карпенко протянул Василию шлем и тот, натянув его на свою шевелюру, выдохнул:

– Вперёд, пехота!

Протиснувшись через люк, Василий осмотрелся, привыкая к полусумраку танковых внутренностей. Его сразу же поразила необычайная скученность всякого рода предметов, развешенных, смонтированных, притороченных хомутами к стенкам башни и размещённых в нишах. Снаряды, пулемётные диски были набиты везде, где только можно было себе представить свободное пространство.

Обвыкшись в полусумраке, он с огромным любопытством обозревал танковую тесноту. Внизу, во тьме, справа и слева от затвора пушки едва виднелись ещё два сиденья. Василию почему-то расхотелось лезть в эти тёмные, пугающие своей целеобразной жутью пасти. Усевшись на сиденье сразу же под люком, он поднял голову:

– Слушай, Хома, тут у вас горницей и не пахнет! Тесновато!

Он покрутил головой. Вдруг, каким-то боковым зрением, среди этой мешанины танковой начинки Малышев заметил что-то очень знакомое, возникшее в памяти из довоенного времени. Ярко-бордовое цветное пятно никак не вязалось с тускло-невызрачной окраской военного имущества.

Он протянул руку и взял этот предмет. К своему удивлению, предмет оказался хорошо знакомой ему книгой, которую Василий никак не ожидал увидеть здесь. Это были повести Гоголя.

– Ну и ну! Хома, это что еще за боеприпас такой!

Малышев сунул книгу в яркий проём люка над головой.

– А что? Я всегда вожу её с собой. Места не занимает, а для души лучшего средства не найти.

– Ты знаешь, у меня дома осталась такая книга. Я жуть как любил читать эти повести. Особенно «Тараса Бульбу». До чего ж сильная вещь, прямо дух захватывает! Откуда у тебя эта книга? Редкая штука!

– А мне батько с ярмарки книжку привёз, из Зенькова! Привёз и говорит: «Читай, сынку, про наших казаков, как жили и умирали!». Я сперва не разобрался в этих рассказах, а как дошёл до «Тараса Бульбы», так и обмер. Веришь, плакал как дитё, в конце, когда жгли атамана. Какие люди были! Как погибали! Разве сейчас есть такие могучие люди?!

– Ну, ты не говори! Мы тоже не слабо воюем!

– Хм, – усмехнулся Карпенко. – Да разве сейчас так воюют! Бьют людей, как мух, даже не видя друг друга. А раньше с саблей выйдешь на вражину, и станет сразу видно, кто есть воин, а кто так – песий хвост!

– Ничё, ты со своим зверем не слабше, идти в открытую на фрицевские позиции под ураганом снарядов!

– Не скажи, Васылю, – покачал головой Хома. – Это дело случая – останешься жить в такой атаке, или сгоришь, как факел... Тут не выбираешь смерть, она сама тебя ищет.

– Да брось, Хома! – с горячим убеждением возразил Василий. – Мы сами идем ей навстречу, через «не могу»!..

Голос Меленчука прервал их.

– Товарищ командир, все готово, будьте ласка с товарищем старшим лейтенантом пройти в схрон.

Карпенко подмигнул Малышеву:

– Пошли, Васылю, чего время терять. Сверим наши карты и твой самогон. Я почему-то думаю, что мой покруче будет!

– Круче зелья нашего Волокушина не бывает. Он его достаёт у самого зелёного змия!

– Ох, ты! Я испугался, задрожал! Поджал хвост и убежал!.. – хохотнул Хома.

Через час до лежавшего чуть поодаль экипажа Карпенко донесли энергичные возгласы их командира и его гостя:

– Не понял, надо бы еще сверить... Не, лишней каплей это не пробить... Заболялся, точно... моё снадобье со второго выстрела наповал валит... а я по холостому и не пробую, давай полный заряд!..

– Можя, и нам чего предложат, – со вздохом предположил Сашка. – Не чужие, чай!

– Умолкни! – лениво, не открывая глаз, процедил Колодяжный. – Нашему лейтенанту сейчас не до нас. Как бы перед пехотой не опозориться! Как малец, – разошёлся, а хватки на это дело нету!

– Точно! Ихний лейтенант, по роже видать, тот ещё хват...

– Хм, какая разница, самогон скоро их обоих уравниет, – ухмыльнулся Колодяжный.

И точно, возбуждённые возгласы в палатке постепенно стихали, только изредка вырывался за её пределы чуть подпитанный крепкими парами голос то одного, то другого. Но более ничем оба командира себя не проявляли для посторонних ушей. Беседа их шла о самом главном, сокровенном, что мужчина себе определяет, как личное достоинство...

Хома достал их комбинезона фото и спросил:

– Васылю, у тебя есть дивчина? От побачь, это моя Марийка.

Василий аккуратно взял двумя пальцами небольшой кусочек картона и, глянув на него, с чувством сказал:

– Красивая, счастливчик...

– Слухай, Васылю, приезжай до мене после войны. Батько с ненькой встретят – уезжать не захочешь. Марийку мою увидишь – сразу дивчин наших полюбишь. В селе нашем много таких дивчин. Но Марийка одна.

Василий засмеялся:

– Думаешь, отобью?

Хома вдруг посерьезнел и с убеждением сказал:

– Этого никто сделать не сможет! Моя Марийка – дивчина строгая! Раз она выбрала меня из всех хуторских хлопцев – то на всю жизнь!

– Правильная твоя Марийка! Хорошего парня выбрала! Приеду, – так и скажу!

Хома засмеялся и хлопнул Василия по плечу:

– Дружком у меня на свадьбе будешь! Хотя и знаю тебя всего ничего, но чую, – ты крепкий хлопец!

Он плеснул в кружки самогону и, помолчав, сказал:

– Выпьем, друже, за победу, за то, чтобы дожили до неё, чтобы увидели своих родных и любимых!

– За победу!..

Не успели они выпить, как снаружи раздался осторожный говорок Сашка:

– Товарищ командир, комбат к нам пришёл. Старшина с ним пока балакает.

– Зови, Гринько, комбата.

Убирая кружки и закуску, Хома с досадой крикнул:

– Кончились наши посиделки! По мою душу комбат! Пошли наружу, Васылю!

Подойдя к комбату, Хома доложил:

– Слушаю, товарищ подполковник!

Подполковник Самойлов кивнул и сказал стоящему рядом Меленчуку:

– Свободен, сержант! Вот что, Карпенко, надо полагать, ты со старшим лейтенантом уточнил все вопросы по взаимодействию?

– Так точно, товарищ подполковник! Вся диспозиция сверена по карте и масштабирована на ландшафтной схеме!

– Через час я собираю совещание командиров рот и взводов! Пришёл приказ о наступлении на восемь ноль-ноль завтрашнего утра. Думаю, товарищу старшему лейтенанту стоит поторопиться отбыть в расположение своего батальона. Приказ уже разослан по всем частям и соединениям, задействованных в наступлении.

– Слушаю, товарищ подполковник! – Малышев козырнул и спросил. – Товарищ подполковник, разрешите обратиться к старшему лейтенанту?

– Говорите...

– Бывай здоров, Хома... хочю с тобой еще свидеться!

– И я крепко надеюсь на это, Васылю!

Хома протянул Малышеву руку и крепко, до хруста в пальцах сжал её. Василий ответил таким же рукопожатием и затем обратился к подполковнику:

– Разрешите идти, товарищ подполковник?

Самойлов кивнул:

– Идите...

Всю дорогу назад Малышев размышлял об удивительной встрече с голубоглазым крепышом-танкистом с такой светлой и открытой душой, что его тягостное настроение, с утра бывшее под стать пыльно-душной, насквозь пронизанной запахами войны, обстановке, исчезло, будто смытое тёплым летним ливнем.

Словно за два с небольшим часа разговора с этим парнем, Василий, забыв о войне, неведомым образом перенёсся туда, где нет ни страданий, ни крови, ни смерти, а есть ясное, бесконечное счастье такой же бесконечной жизни.

Атака с самого начала пошла не так, как предполагали капитан и Малышев. Едва были преодолены первые двадцать-тридцать метров броска, как на бойцов обрушился ливень свинца из неожиданно обнаружившегося дота. Перекрывавший огнём крупнокалиберных пулемётов широкую лощину, между двумя пологими высотками, его огонь косил всё, что попадало в этот сектор обстрела.

Выбранное направление удара, казавшееся подходящим для атаки, стало для роты огненным мешком. Капитан, настоявший на своем плане, попался, как необстрелянный новобранец, на удочку немцев. Засевшие на высотках по обе стороны лощины немцы демонстративно показывали своё превосходство в огневой мощи и людях, а почти полуторакилометровое пространство лощины казалось слабым, незащищённым от атаки пространством в немецкой обороне. Жидкие окопы в одну линию за однорядным проволочным заграждением так и манили ударить именно здесь. Робкие возражения о подозрительной легкомысленности противника в построении своей обороны по всей протяжённости лощины только вызвали раздражение капитана.

«Глупости все это! Надеются на свои укрепленные фланги и минные поля! Дураков надо учить! Вот тут и пойдём, – капитан Веселов категорически ткнул в место на карте, обозначавшее

пространство лощины. – Всё меньше потерь будет, огонь хоть и перекрестный, да не кинжальный. Артиллерия обработает перед атакой эти высотки поплотнее, вряд ли они потом окажут серьёзное сопротивление с флангов, и проходы сапёры нам организовали надёжные...».

Укреплённый этой мыслью, капитан широким движением снова махнул по карте: «Взводы Белова и Малышева пойдут основным направлением атаки по лощине, Захаров и Копылов ударят по высоткам, для гарантии, что немцы снова не попытаются их отбить. Всем всё ясно?».

Обманулся капитан, не учёл явной подставы. Малышев почувствовал что-то неладное ещё с вечера, когда шла вялая перестрелка. Но что это было, так и не смог определить.

«В мешок, как курей... как пескариков в бредень заманили!», – билась на взмокших висках мысль. – «Что делать?! Не могла быть мало-мальски серьёзной обороной эта декорация! Ну чтоб заранее обмозговать то, что глаза видели почти месяц!.. Замылились глаза, обленились, сидя как на курорте... идиоты!».

Вжавшись в прожаренную до каменной тверди степную землю, с которой ветер сдул пыль, обнажив высохшие корни трав, Василий попытался поднять голову, чтобы осмотреться. В двух метрах от него серела небольшими валиками снарядная воронка. Сжавшись в комок, он одним броском очутился в спасительной глубине ямы. И тут же над ним, по хилому брустверу, прошлась очередь.

«Не дожить нам с Аркадием до ротных должностей», – то скливо мелькнул обрывок мысли. Василий почему-то припомнил разговор на последнем совещании в штабе бригады. Полковник Старухин, просмотрев дела офицеров, одобрительно кивнул в ответ на слова начштаба: «Точно, засиделись наши старлеи на взводах, пора им давать роту. На переформировании так и сделаем...». Василий прерывисто вздохнул: «Он забыл сказать: “Если останутся в живых”...».

Однако надо было что-то предпринимать. Отлёживаться до темноты в воронке не получится. Фрицы закидают минами...

Он чуть приподнял голову к срезу воронки и крикнул:

– Взвод, отходим, перебежками по одному! Волокушин, живой?

– Живой...

– Собирай людей справа от меня и ползите назад.

– Тут есть раненые, в воронке...

– Оставь им воду и отходи с остальными...

Малышев не успел договорить. Со стороны эскарпа вымахнули остальные два танка роты Карпенко и на полном ходу ринулись по лощине к кипевшему огненными очередями доту.

«Куда они поперли... Хома... там же минное поле!..». Расстояние между дотом и «тридцатьчетвёрками» быстро сокращалось, но вдруг передняя машина как-то вздыбилась, ухнул взрыв и ярких всхлест пламени рванул из-под его гусениц. Танк задымился.

Другая «тридцатьчетвёрка», – это был танк Хома с номером 034, – не сбавляя хода рванулась туда, где из тёмных, узких щелей били без остановки крупнокалиберные пулемёты. Их очереди не причиняли никакого вреда танку, но и расчет был не на это. Минные заграждения и пушки немцев, бившие с флангов дота, создавали непреодолимую преграду для любого танка.

Василий с замиранием сердца следил за маневрами «тридцатьчетвёрки» Хома, зигзагами и рывками продвигавшейся вперёд. Он не мог понять, почему Хома так ведёт танк. Но приглядевшись, понял, что машина двигается от одной воронки до другой по кратчайшему расстоянию. «Вот оно что! Там нет мин, а между воронками еще угадать надо – есть ли они там!..».

Разрывы снарядов, не попадая в машину, только помогли разминировать дорогу до дота. Когда остались считанные метры, танк Хома сотряс мощный взрыв. Гусеница, оторванная миной, размоталась, и танк резко встал. Затем, в это же мгновение он рванул с места и на одной гусенице развернулся боком к амбразурам дота, тем самым закрыв ему весь сектор обстрела.

Едва Хома успел сделать этот манёвр, как в танк попал снаряд. Машина вздрогнула, задымилась тонким серо-чёрными дымными хвостами. Малышев, застыв, глядел, не покажется ли из танка экипаж. Люки на башне открылись и оттуда вымахнула одна фигура. Она рванула на себя кого-то снизу, и два

человека рухнули на землю. Из башни показался ещё один, он, с трудом двигая руками, опёрся на срез люка и перевалился из него наружу. Больше никто не появился. И какими бы долгими не казались эти мгновения, но Василий инстинктом понял, что дот перестал давить всё вокруг своим огнём.

Вскочив на край воронки, Малышев заорал что было сил:

– За мной, в атаку, братва, бей гадов...

Он ещё кричал, как вокруг него, поднявшиеся в яростном броске, мчались бойцы его взвода. В раже атаки Василий едва почувствовал тяжёлый удар в плечо. Ударом его развернуло и шатнуло. Бросив взгляд налево, Малышев увидел расплывавшееся тёмное пятно по плечу и рукаву гимнастерки. И тут же обложная боль достала его до самого сердца.

Василий опустил на колени, сбросил ставшую вдруг тяжёлой каску и, сцепив зубы, зажал рукой рану. К нему подбежал Лагутин:

– Товарищ старший лейтенант, сильно зацепило?!

– Не знаю, в плечо... – Василий, сморщившись, отодвинул воротник гимнастерки.

– Ф-ю-ю! – присвистнул Лагутин, едва увидев рану. Он рванул из подсумка санитарный пакет. Опустившись на колени, он осторожно приподнял руку Малышева и перевязал рану.

– Товарищ старший лейтенант, нужно срочно в медсанбат, ключица, кажись, перебита! Давайте, я подмогну!

Оба легли на бок, спасаясь от шальных пуль и осколков, и ползком двинулись назад. Василий, крича от сильной боли, всё же глядел туда, где его рота, прорвавшись через вторую линию немецкой обороны, неудержимо наступала дальше. Дот был захвачен, и по его положим скатам бежали дальше бойцы батальона. Но в последний момент, когда тёмная пелена скрыла всё с глаз Василия, он видел чёрный корпус догоравшего танка Хома...

Когда Василий пришёл в себя, он увидел сидевшего рядом на корточках Лагутина, смолившего «козью ножку». Василий пошевелился.

– О, товарищ старший лейтенант! Очнулись! Так всё в порядке! Доктор смотрел вас и сказал, что ключица задета по

касательной, так что наскрозь ранение и через недели две он вас поставит на ноги!

– Ты-то что здесь делаешь! – с натугой выговорил Малышев. – Почему не в роте? Сдал меня – и назад, не то капитан припомнит тебе твои насмешки... пришьёт тебе самоволку – и в штрафбат!

– Ха, как бы не так! – расплылся в ухмылке Лагутин, – Я уже бегал в роту, вон, чемоданчик ваш принёс. А капитан – ему теперь не до меня, вона он сам здесь с раной в ногу! Да, кажись, разрывной угораздило!

– Ладно, – выдохнул Малышев. – Помогите сесть...

Голова отчаянно кружилась, но Василий, преодолевая тошноту, приказал Лагутину:

– Спроси у санитаров... не приносили ли... сюда раненых танкистов?

– Сей момент! – козырнул Лагутин и вскочил. – Вы пока прилягте, негоже рану бередить. Я...

– Иди... Лагутин...

Минут через пять Лагутин объявился с озабоченным лицом.

– Есть один, кажись, это тот, что со старшим лейтенантом к нам приходил. Контузия у него и нога перебита...

– Хорошо... Помогите встать.

– Да куда вы! Вас вона как шатает и лицо горит!

Василий стиснул зубы:

– Делай, что говорю...

– Есть, – нехотя буркнул Лагутин.

Обхватив Малышева за талию, он осторожно повёл его в обход лежаков и носилок, на которых лежали стонущие и бредящие люди.

– Вот он, – кивнул Лагутин.

Василий увидел лежащего на козлах танкиста. Нога его была обнажена и вдоль неё бинтами были примотаны две деревянные шины. Он подошёл ближе и узнал в лежащем танкисте Меленчука. Тот, повернув голову и увидев Малышева, с трудом произнес слова, прохрипел:

– По...гиб, коман...дир, не...т боль...ше Хомы...

– Как погиб?! Я сам видел, как вы выбирались из танка!

– Он... не усп ...ел, Са...ш...ку выт-т...олк-нул, а сам...

Малышев медленно опустился на край лежака. Он до последнего надеялся, что Хома пусть ранен, но жив. Некоторое время он собирался с силами. Поднявшись с помощью Лагутина, Василий чуть наклонился к Меленчуку и сказал:

– Выздоровливай, танкист... мы еще должны поквитаться за Хому...

Прикоснувшись к плечу Меленчука, он тихо добавил:

– Если бы не твой командир, лежать бы нам всем сегодня на том поле... Прощай, сержант...

Через неделю бригаду отвели на переформирование. Вернувшись в свой батальон, Василий сразу же получил назначение на должность командира роты. Аркадий, к тому времени уже вполне освоившийся на должности ротного, с радостными восклицаниями встретил Малышева:

– Чёрт vezучий! Мне ещё перед наступлением было видение, что быть нам с тобой ротными! Но я тебе об этом даже и не заикнулся, не то обсмеял бы меня почём зря!

– Да тебя обсмеешь, угря скользкого! Вывернешься откуда хошь!

– Ну, теперь поживём, хлеб пожуём! Так ведь, ротный?! Не убило нас тогда, будем жить и дальше!..

Василий слушал радостные восклицания друга, а сам думал: «Эх, Аркаша! Приняли нашу смерть на себя другие... сколько буду жить – столько буду помнить тебя, друже Хома...».

Алёшку с Витькой разбудили ни свет ни заря. Протирая заспанные глаза, он смотрел, как отец с матерью, бродя в молочных струях тумана, спешно собирают вещи. Увязав на багажнике последние узлы, отец сказал Алёшке:

– Помоги мне.

Алёшка вскочил на ноги:

– Чего делать, пап?

– Пройди по опушке, вон там, и нарви разных цветов, да быстрее, нам некогда.

– Сейчас принесу, я быстро...

Он не стал размышлять, зачем отцу понадобились цветочки. Ему страшно хотелось побыстрее тронуться в путь, а по голосу отца Алёшка понял, что без цветов они не поедут.

На поляне, перед рощей, Алёшка увидел целую россыпь синих, жёлтых, красновато-белых и фиолетовых цветочных островков. Он торопливо, не разбирая, что и как, рвал цветы, укладывая их на полусогнутой руке. Минут через пять у него образовалась огромная охапка разноцветного сбора. Алёшка подумал, что отец будет доволен, что он так быстро насобирав много красивых цветочков.

– Па, вот, готово!

Отец кивнул и, чуть помолчав, сказал серьёзно и тихо:

– Пошли...

Они направились к памятнику. Подойдя к стеле, отец взял цветы у Алёшки и положил их на плоскую плиту перед доской с фамилиями. Выпрямившись, отец молча положил руку на Алёшкино плечо. Алёшка чувствовал, как подрагивает горячая ладонь отца на его плече.

– Ну, сын, пора...

Первое время после отъезда Алёшка искоса посматривал на отца. Ему было удивительно видеть выражение его лица таким, каким раньше он никогда не видел. Печальные складки у губ сосредоточенное, с глубокой морщиной меж бровей на высоком лбу – лицо отца казалось ему каким-то далёким, очень похожим на виденные бронзовые скульптуры, будто на месте отца сидел не он, а его бронзовое отображение.

Алёшка задумался. Может, это так и есть, может, его отец сейчас был не с ними, а там, у этого, оставленного в степи, одинокого памятника его другу и бойцам его роты...

Жанна СВЕТЛОВА

Жанна Светлова (Светлана Ивановна Лазарева) – прозаик. С 2012 года – член Московской городской организации Союза писателей России. Писать начала в 2003 году, в 2004 году в издательстве «Олма-пресс» вышла в свет первая книга «Крис – камень, меняющий судьбу», написанная в жанре фантастики. В последующие годы было опубликовано 14 книг. Преимущественно пишет рассказы, но также работает над крупными формами – повести и романы. Важное место в творчестве занимает тема Великой Отечественной войны и блокады Ленинграда. Книги автора неоднократно награждались дипломом МГО Союза писателей России «Лучшая книга года». Имеет награды: медали имени М.Ю. Лермонтова, А.П. Чехова, А.С. Пушкина, И.А. Бунина, А.А. Блока, А.И. Куприна, С.А. Есенина, Святых Кирилла и Мефодия и др. Является победителем Всероссийского конкурса «Георгиевская лента» 2020–2021 гг.

Живёт в Москве.

БЛОКАДНЫЕ РАССКАЗЫ

НОВОГОДНЯЯ СКАЗКА, НО БЫЛЬ!

У нашей сказки есть вполне реальная, далеко не сказочная предыстория, случившаяся за пару десятилетий до начала Великой Отечественной войны в славном городе Ленинграде, которому предстояло пережить самые страшные в его истории времена, но достойно выстоять, выдержать все напасти и победить.

Но пока страна восстанавливалась после революции и гражданской войны и на её просторах вершилась новая история, основой которой стали электрификация и индустриализация.

Подвиги на трудовом фронте свершались ежедневно, ежедневно и ежеминутно. Трудовой энтузиазм захватил молодёжь новой, преобразуемой страны и сельское население сотнями тысяч устремлялось в города, на фабрики и заводы.

Этот порыв не мог обойти стороной бывшую столицу Российской Империи, ныне поменявшую царское название Петроград на имя великого вождя революции и ставшую Ленинградом.

Заволонивших индустриальный город работников, приезжавших со всех окраин некогда великой империи, следовало прежде всего обеспечить работой и жильём. Жилья, естественно, не хватало, и приходилось уплотнять «зажравшихся» в своих особняках буржуев, создавая питерские коммуналки по принципу заводских общежитий, которых тоже хронически не хватало.

В некогда просторную квартиру профессора Муравьёва, к этому времени уже перешедшего в мир иной и оставившего своё жилище семье дочери Дарьи, состоящей из трёх человек – Дарьи Афанасьевны Муравьевой, её мужа Сергея Михайловича Лаврушина и их дочери Елизаветы, трёх лет от роду, правитель-

ство города решило поместить ни много ни мало, но как минимум шесть-семь семей фабричных или заводских работников.

Квартира состояла из семи комнат: большой зал, служивший столовой и позволявший устраивать домашние музыкальные вечера, поскольку в нём помимо овального стола на двенадцать персон располагалось огромное фортепьяно, несколько кресел и диван, ломберный столик и камин; комнаты домочадцев, которые распределялись таким образом: кабинет профессора, спальня дочери, отдельные помещения для горничной и повара, а также три комнаты для гостей. Имелись ещё кухня, ванная комната и туалет.

Власти, уплотняя прогнившую буржуазию, в данном случае отобрали у хозяев все шесть комнат, заселив их рабочими семьями с машиностроительного завода. В распоряжении семьи Муравьёвых-Лаврушиных остался один большой зал, основную площадь которого занимало фортепьяно. Хотели отхватить и часть этого зала, но поскольку Дарья Афанасьевна служила в музыкальном театре, слыла известным аккомпаниатором и почти все репетиции с её участием проходили в этом зале, дирекция театра обратилась с просьбой к руководству города защитить семью Муравьёвых-Лаврушиных от дальнейшего уплотнения. И им пошли навстречу. Зал остался в распоряжении названного семейства.

Заселение новыми жильцами проводилось поэтапно. Первыми поселенцами профессорской квартиры стали три семьи старейших питерских работников предприятия, которые, надо отдать им должное, с уважением и благодарностью относились к бывшим хозяевам квартиры, справедливо считая, что им очень повезло с бывшими хозяевами, культурными и добрыми людьми, спокойно принявшими решение властей и, более того, постоянно помогавшими по мере своих возможностей своим новоприобретённым соседям.

Итак, новыми соседями старых хозяев стали: семья Петровых, пожилая пара, бездетная, трудившаяся в администрации завода уже много лет. Лидия Павловна Петрова (со временем ставшая настоящей близкой подружкой Дарье Афанасьевне,

взявшая на себя заботы по уходу за маленькой дочкой хозяев Лизонькой, что было большой помощью для Дарьи, частенько уезжавшей на гастроли с театром) и её муж Петров Дмитрий Степанович.

Инженер Герасимов Иван Васильевич был вообще одиноким человеком с очень мягким и покладистым характером. Он с удовольствием участвовал в музыкальных вечерах и, имея прекрасный голос, обладая музыкальной техникой игры на нескольких инструментах, в том числе на фортепьяно, даже сам становился певцом или аккомпаниатором в домашних концертах, а иногда и подменял кого-либо из артистов, отсутствующих по каким-либо причинам.

Семья Волошиных, служивших в больнице при заводе и состоящая из трёх человек: Аркадия Григорьевича – доктора терапевта, его жены, молоденькой Анюты и их сына Толика двух лет. Анюта была моложе своего супруга на шестнадцать лет, но любила его самозабвенно и преданно. К бывшим хозяевам квартиры относилась с уважением и трепетом, умиляясь их музыкальным способностям.

Но как неоднозначна жизнь, так и люди, заселившиеся несколько позже, на втором этапе уплотнения, являли собой совсем иной тип работников предприятия, приехавших из деревень и небольших провинциальных областей.

Это были рабочие низкой квалификации, практически безграмотные, выпивавшие и буянившие, устраивавшие скандалы и люто ненавидящие «недобитых» буржуев в лице бывших хозяев и потому пытавшиеся отвоевать у них даже ту небольшую площадь, которая осталась им после так называемого уплотнения квартиры.

Бывшая кухня в доме теперь была вечно забита хозяйками, готовившими еду, их детьми, мужьями, обедавшими здесь же на общей кухне.

Стол Муравьевых размещался в небольшой нише у огромного окна, три стола первых поселенцев, захавших раньше остальных, располагались вдоль той же стены, у окон поменьше. Среди этой части жильцов, как отмечено ранее, царили мир и согласие.

Соседи, вновь захватившие после вторичного уплотнения площади квартиры, довольствовались совсем небольшими столиками, прижатými друг к другу. Эти люди считали себя обделенными и покушались на территорию ранее захвативших, тем более на площадь «буржуев» – бывших хозяев квартиры.

Особенно агрессивно вели себя Никита Хламов, его жена Настасья и их двое сыночков, совершенно необразованных и не желавших учиться чему-либо, как и их непутевые родители.

Это семейство не хотело мириться с таким положением дел. Они частенько выпивали и начинали устраивать скандалы. Тем более, что сих борцов за права простого народа поддерживала ещё одна новая соседка – кассирша Ухабина Галина, приехавшая из глухой деревни и не имевшая никакого понятия о правилах поведения и нормальных человеческих отношениях в условиях коммунальной квартиры.

– Убивать этих сволочей надо, тогда и места для рабочих людей будет больше! – заявляла она, всячески распаляя семейство Хламовых.

На сторону «пролетариата» становился и завхоз Галушко со своей женой Мотей.

Казалось, выжить в такой обстановке просто невозможно и немислимо для воспитанных, культурных и порядочных людей, но деваться было некуда и приходилось вступать в боевые действия, призывая на помощь советскую милицию.

Уж неизвестно, каким образом удавалось Дарье Афанасьевне договариваться с представителями власти, но буянов забирали в участок, иногда задерживали на несколько суток, а однажды произошло событие, заставившее наглых пришельцев поутихнуть на какое-то время.

А случилось вот что. Изрядно выпивший Хламов уселся обедать за стол Муравьёвых и на просьбу Дарьи Афанасьевны освободить её место на кухне послал её куда подальше в самых непристойных выражениях, заявив, что отныне это место принадлежит его семейству, поскольку их четверо, а Муравьёвых-Лаврушиных трое и при этом они «недобитые буржуи», а он – честный пролетарий, и весь мир принадлежит ему и таким как

он. Мало того, что он это заявил, но и тут же начал выбрасывать из стола посуду и продукты хозяев.

Дарья с мужем и группой поддержки из трёх старых семей отправились в милицию, составили петицию о чинимых семьёй Хламова безобразиях, довели происходящие бесчинства до сведения дирекции завода.

Заводские начальники решили удовлетворить требование жильцов о немедленном выселении семейства Хламовых за неподобающее поведение, порочащее имя советского рабочего и, что самое интересное, выполнили это решение. Пришлось Хламовым переселиться в заводской барак, в малосенькую комнатушку, а в освободившуюся комнату поселили деда Кузьмина, отличного мастера-оружейника.

Дед Макар Герасимович Кузьмин встал на сторону «буржуев», и армия Дарьи Афанасьевны пополнилась, а оставшиеся два семейства противников вынуждены были приутихнуть.

Однако злым и алчным людям нелегко смириться с поражением, поэтому уже через пару месяцев семья Галушко – Тарас с Мотей – после совместного застолья с кассиршей Ухабовой налили в кастрюлю с супом, стоявшую на столе Дарьи, отраву для тараканов, в народе именуемую «дуст». И тут случилось неожиданное.

Открыв кастрюлю под смех и улюлюканье пьяной компании, Дарья, понявшая, какую мерзость эти нелюди насыпали в её кастрюлю, подошла к зачинщику, подняла его за шкурку и оттолкнула еле державшегося на ногах Тараса к его столу. Он растянулся на полу, а Дарья, вылив суп ему на спину, вышла из кухни.

Тарас, всё еще закусывавший водку рыбой, старался выкрикнуть ругательство в адрес «недорезанной буржуйки», но поперхнулся и подавился костью этой рыбы.

Подоспевшие на крики и ругань пьяных женщин муж Дарьи Сергей Михайлович и инженер Иван Васильевич подхватили за руки мычавшего что-то невразумительное Тараса и проволокли его в ванну.

Пьяная компания не обратила внимание на состояние их собутельника, потому что попросту не поняла, что случилось,

а завхоз умер возле крана с водой, под которым должен был смыть с себя кулинарный шедевр, приготовленный им собственноручно для ненавидимой ими соседки.

Пьяные женщины, поняв, что сила не на их стороне, распозлись по своим комнатам.

Когда же Лидия Ивановна, заглянувшая по своим делам в ванную комнату, обнаружила там уже окоченевшего Тараса, участницы застолья старались обвинить в его смерти Дарью Афанасьевну. Однако им это не удалось, так как причина смерти никакого отношения к умышленному убийству не имела, а имел место несчастный случай, окончившийся трагично для Тараса.

Матрёна Галушко, конечно, пыталась всему миру поведать о смерти мужа, происшедшей из-за «ведьмы» Дарьи, которая навела порчу на её мужика и тот подавился под её взглядом. Но в эту чушь никто не верил. Однако поражал многих тот факт, что Галина Ухабова, подруга семейства Галушко, ни с того, ни с сего ушла в монастырь, бросив работу и освободив комнату, которую выхлопотало себе руководство театра и практически вернуло её Дарье для организации музыкального класса.

В общем, все проблемы потихоньку рассосались. Выросла дочь Лизавета, поступила учиться в консерваторию. Там она встретила хорошего парня Андрея Трубецкого и вышла за него замуж. Через год в семье появилась девочка, доченька Алёнушка, которую бабушка Дарья и дедушка Сергей взяли под своё крыло, чтобы дать возможность Лизавете учиться дальше.

Казалось, жизнь течёт безоблачно, все счастливы и довольны, впереди прекрасное будущее.

Но началась самая страшная и кровавая война, и в одночасье на семью, как и на весь советский народ, посыпались беды и несчастья, о которых невозможно вспоминать без слёз.

Буквально в первые месяцы войны Дарья Афанасьевна и её дочь Лиза получили похоронки на своих мужей: Сергея Михайловича Лаврушина и Андрея Борисовича Трубецкого. Пришла похоронка и на мужа Аннушки Волошиной. Сын её воевал, а она лежала, уже не вставая. Смерть мужа разбила её сердце. Дарья ухаживала и за ней, и за Лидией Ивановной.

Началась блокада Ленинграда. Жизнь всех жителей города изменилась до неузнаваемости. Уже в конце октября на фронт добровольно ушла Лиза, которая не могла после смерти отца и мужа оставаться дома. Её уход на фронт стал для Дарьи страшным ударом, но она понимала чувства дочери и уверила её, что сделает всё возможное и невозможное, чтобы уберечь свою внучку, и что они непременно справятся и Лиза может не беспокоиться о них. Она должна во чтобы то ни стало сберечь себя и писать им письма как можно чаще.

Дарье хотелось, чтобы дочь, отправляясь на фронт, уехала с лёгким сердцем, хотя сама Дарья уже тяжело болела, еле пережив гибель мужа и зятя.

Кольцо блокады безжалостно сжималось всё сильнее и сильнее. В коммунальной квартире стало намного свободнее. Умер дед Макар. Погибли на фронте инженер Герасимов Иван Васильевич и муж Лидии Павловны Дмитрий Степанович Петров. Погиб и доктор Волошин. Пропала без вести Матрена Галушко. Ушла за водой и не вернулась.

Теперь на кухне стало пусто, холодно и голодно. Редко кто из полуживых постояльцев заглядывал сюда.

Ленинград погрузился во мрак страшной беды.

Ударил суровые морозы, были выведены из строя почти все коммуникации города. На жителей обрушился голод, холод, отсутствие воды и света. Постоянные бомбёжки, нерадостные вести с фронта. Как выжить в этих нечеловеческих условиях?

Наступил декабрь, и в городе почти не осталось продовольствия.

И вот перед самым Новым годом, 29 декабря 1941 года случилась удивительная история. Можно сказать, реальная сказка.

Дарья Афанасьевна в это утро очнулась от тяжёлого сна, озадаченная лишь одной мыслью: где найти хотя бы немного молочка или маслица, чтобы поддержать умирающую внучку.

Девочка просвечивалась насквозь. Казалось, что в ребёнке нет ни одной живой клеточки. Аленушка не вставала и уже не просила еды, она лежала на кровати рядом с бабушкой,

укрытая тремя одеялами, в шубке, шапочке и валенках, но от холода не чувствовала ничего. Даже глазки она открывала крайне редко.

Дарья еле-еле поднялась с постели и подошла к книжному шкафу. Уже все книги и журналы были сожжены. Со слезами на глазах она развернула последний сборник нот великих композиторов и сняла с него обложку.

Сама не понимая, что делает, женщина раскрыла ноты и медленно, еле шевеля замерзшими пальцами, стала наигрывать: «Таинственный лес» Шопена.

Ничего не получалось, что-то мешало ей услышать звук. Господи! Помоги!

Она опустила на колени и заплакала. Происходило что-то из ряда вон выходящее. В её ушах звучала не музыка, а кудахтающие курицы. Откуда оно взялось? Почему именно кудахтанье? Немой ужас охватил женщину.

– Все, это конец! Я схожу с ума! Но почему именно этот звук?!

Дарья шагнула к платяному шкафу, но зацепилась ногой за торчавший, неизвестно откуда взявшийся гвоздь, и упала. Ей хотелось оторвать от огромного шкафа дверцу, чтобы растопить камин. Но сил её не хватало. С трудом поднявшись с пола, она попыталась повиснуть на дверце шкафа, чтобы та оторвалась под её тяжестью. Но тяжести не оказалось. Дверца на её фокусы никак не реагировала.

А вот за шкафом, где-то значительно ниже пола, что-то шуршало и кудахтало. Опять кудахтанье!

Не желая это слышать, Дарья слабыми руками продолжала пытаться оторвать дверцу шкафа. Но ни сил, ни веса не хватало. Она вспомнила, что давным-давно, когда она ещё училась в школе, где-то здесь был чулан, вернее, бывшая дворницкая, так кажется её называла мама.

– Нет! – возразила она себе. – Этого просто не может быть, ведь целую комнату нельзя спрятать.

В дворницкой наверняка был топор, и можно было бы разрубить этот шкаф, затопить камин по-настоящему, не бумагой,

а дровами, согреть помещение, приготовить горячую похлёбку из оставшейся ложки муки, как суп.

Она и не допускала этой мысли о пропащей комнате, но и не переставала мечтать о несбыточном.

Собрав все свои силы, Дарья распахнула дверцу шкафа и снова повисла на ней. Никакого толку. Дверца скрипела, но на её действия не реагировала.

И Дарья снова услышала кудахтанье.

– Господи! Наваждение какое-то. Отгони от меня дьявола!

Она стала выбрасывать из шкафа вещи, пальто и костюмы мужа, какие-то старые тряпки. Их можно было снести на толкучку, но у неё не поднималась рука. Ей всё не верилось, что муж убит, и она не могла продать его вещи. Да и сил на толкучку у неё уже не хватило бы.

Когда все эти тряпки оказались на полу, Дарья с удивлением обнаружила, что в шкафу на задней стенке есть расщелина и, возможно, она сумеет оторвать доску, слегка отделившуюся от стенки. Дрожащими пальцами Дарья схватилась за неё и потянула на себя. Невероятно ужасный скрип раздался в ответ, шкаф, в прямом смысле, заходил ходуном, и от страха она потеряла сознание.

Очнувшись, Дарья поняла, что лежит на полу и голова её от ушиба после падения просто разламывается от боли. Но женщина пересилила эту боль и поднялась на ноги. Всё вокруг поплыло, и Дарья осторожно снова опустилась на пол. Через распахнутую дверцу шкафа она увидела проём в стене и ощутила страшный холод, заползающий через этот проём.

– Нужно срочно закрыть его. Но как? Чем?

Стенка и доска, за которую хваталась Дарья, исчезли. Вместо них в проёме оказались ступени, по которым она спустилась в какой-то подвал. Помещение поразило её большой площадью, но еле двигающуюся женщину больше всего потрясло другое.

В этом подвале размещалась печь, выходящая на крышу и, видимо, служившая когда-то обогревателем всего дома. Перед её глазами возникла старая женщина, которая появлялась откуда-

то с этой стороны. Кажется, «графиня» все её называли. Это было так давно! Как во сне. Да! Она, Дарья, была совсем маленькой.

Воспоминания, видения сменяли друг друга, и Дарья попробовала разглядеть комнату.

Сбоку от печки лежала поленница настоящих берёзовых дров, давно уже высохших до такого состояния, что полено само распадалось на лучины. Дарья видела её, но не могла поверить себе, потому что в это время она страдала от дикой боли в голове, которая после падения не прекращалась ни на минуту. В глазах было темно, кроме того, её сильно тошнило, и она совершенно обессилела. Однако, она точно знала, что хоть умрёт, но донесёт несколько поленьев до камина и наконец-то согреет Алёнку, перетащит к себе Лидию Ивановну и Аннушку, чего бы ей это ни стоило!

– Нужно только набраться сил!

Дарья опустила в очень старое кресло и стала внимательно осматривать помещение. Это ей удавалось с большим трудом из-за полученной контузии. Темнота в глазах не давала ей возможности рассмотреть обстановку комнаты, и она решила не спешить.

– Скорее всего, у меня сотрясение мозга и мне следует лечь, но как я могу это сделать, когда у меня умирают внучка, Лидия и Аннушка? И только я могу их спасти. Ведь Бог услышал меня и открыл мне дверь в эту часть дома не просто так, а чтобы я помогла своим близким.

Тошнило жутко, голова трещала как раскалённый шар, в глазах было темно. С невероятным усилием женщина приоткрывала их и пыталась вновь и вновь разглядеть помещение.

В какой-то момент ей это удалось, и она увидела противоположную стену, всю покрытую хозяйственными полками, на которых стояли разные железные коробки.

Она, превозмогая дурноту, поднялась и взяла одну из них. Казалось, коробка была пуста. Но открыв её, Дарья обнаружила остатки чёрного индийского чая, и он был вполне годен к употреблению.

Вторая банка сохранила что-то вроде сахара, и его оказалось в ней не меньше половины. В третьей, судя по вкусу, была соль. В ветхом мешочке, располагавшемся рядом с последней банкой, оказался горох, такой старьей, что от каждого прикосновения обращался в пыль.

– Но это не страшно, съедим и пыль!

Ещё здесь лежала пачка настоящих свечей, несколько коробков ещё царских заводских спичек. В углу оказался бак с керосином.

– Это прекрасно! Разжигать камин будет легче!

Из дворницкой открывалась дверь во двор, имевший крышу и потолок. Двор оказался даже не заснеженным, он представлял собой угол между двумя домами, один из которых выходил в него торцом, крыши соединили их в дворик, малюсенький, но имевший три липы, останки старого гамака, висевшие между ними, и скамейку у почти сгнившего стола. Тут же находилась ещё одна поленница дров.

– Нет, мне это кажется! Я уже вижу галлюцинации... Но ведь я всё это вижу!

– Как бы набраться сил, взять отсюда все необходимое для растопки камина, в карманы пальто набрать сахара и гороха... Но никому не открывать правды про этот чудо-чулан! Или дворницкую. Впрочем, какая разница! Но как донести дрова? Господи, помоги! Дай мне сил!

Дарья встала и подошла к поленнице, взяла два полена, и у неё подкосились ноги. Но женщина не сдалась. Разложив по карманам пальто свечи, спички, сахар, соль и горох, она, опираясь на кочергу, медленно поднялась в зал, закрыла шкаф на ключ и положила дрова в камин. Чтобы быстро растопить, пришлось вернуться за керосином, которого в баке оказалось немного и его она донесла без проблем.

Наконец, камин запылал, комната будто вздохнула и Алена открыла глаза. Бабушка приготовила ей сладкий чай и отварной горох. Но внучка уже есть была не в состоянии. Поэтому, напоив её чаем и перекусив сама ложкой гороха, Дарья пошла за соседками.

Лидия Ивановна была абсолютно измождена. Она лежала, не подавая никаких признаков жизни, и Дарья еле расшевелила её. С огромным трудом довела её Дарья до своего зала, уложив бедняжку на диван. Потребовалось немало сил и на то, чтобы буквально влить ей в рот несколько ложечек сладкого чая. Ослабевшая от столь трудоёмких работ вконец, Дарья отправилась за Аннушкой. Но женщина уже не могла встать.

Дарья лишь сумела влить ей в рот горячий чай, укрыть её разогретым у огня одеялом и оставить ей две ложки отваренного гороха, вернее, каши из него.

После проделанной, непосильной для её организма работы она свалилась без сил и уснула.

Проснувшись она от звука кудахчущей курицы, и ею снова овладел ужас.

– Невозможно отрицать очевидное. У меня галлюцинации! Неужели мне только почудилось всё то, что произошло вчера, или сегодня, или это был просто сон?!

Ей стало до того плохо, что от ужаса она не могла открыть глаза. Но ведь другим, ясным сознанием она понимала, что необходимо спасти внучку и своих соседок, умирающую Анюту.

Дарья откинула одеяло и почувствовала, что в зале как-то теплее. Конечно, пальто снять нельзя, но одеяло скинуть можно.

Ещё она ощутила, что у неё появились силы и она вполне в состоянии сходить в «то царство», так Дарья назвала про себя вновь открытую часть дома.

– Взять там еще немного дров и снова растопить камин.

От мыслей о дровах женщина впала в уныние. Если ей всё то явилось в видении, то они обречены.

Дарья поднялась с постели, оглядела своих домочадцев – Алёнушку и Лидию Ивановну. Они спали, поэтому у неё есть время проверить, сошла ли она с ума, или Всемогущий Бог послал им спасение, надеясь на неё.

Сдвинув вещи в шкафу в одну сторону, Дарья, к великой радости, обнаружила проход в «другой мир» (это название тоже пришло ей в голову). Женщина спустилась по ступеням в помещение, предназначенное для истопника, наверное.

Всё было, как вчера или сегодня утром. Время перепуталось в её сознании. Она наклонилась, чтобы взять два, а может, и три полена, но в этот миг прямо ей в лицо взметнулась какая-то чёрная птица с гребешком, громко кудахтая. Она задела лоб Дарьи и, поднявшись к дымоходу, влетела в него.

Дарья чуть не потеряла сознание, но удержаться на ногах не смогла и медленно боком опустилась на пол. Она внезапно разрыдалась и не могла понять, что это такое происходит, хорошее оно или плохое.

– Но видит Бог, как же она испугалась!

– Но, во-первых, она не сошла с ума, курица существует, и она здесь живёт.

Это факт и есть свидетельство того, что она не сумасшедшая!

– Во-вторых, курица – это царская еда! Но как её поймать, и вообще, возможно ли её существование здесь? Скорее всего, невозможно! Что же получается?

Думать было невероятно трудно, голова шла кругом, и Дарья приняла решение.

– Сначала натопить камин, согреть и вскипятить чай и с сахаром дать его Алёнушке, Лидии и Аннушке.

Женщина поднялась и взяла в руки одно полено, второе, третье.

– Могу дотащить и четыре! Но дрова нужно беречь! Три – это предел на день!

Голова заработала чётко, даже боль притупилась.

Когда она разожгла в камине огонь, Алёнушка тихо позвала её:

– Мама, посади меня к огню.

Это было чудом, девочка уже больше месяца не разговаривала.

Дарья взяла её на руки, но как же это было тяжело! Как в замедленном кино, она сняла с неё шубку и, завернув ребёнка в одеяло, осторожно, боясь выронить (так слабы были её руки), посадила в кресло, близко подвинув его к камину.

Пока Алёнушка смотрела на горящие поленья, Дарья приготовила сладкий чай и напоила им внучку и Лидию, которая тоже постепенно оживала.

Но у Дарьи была ещё умирающая Аннушка, и она пошла в комнату больной женщины.

Аннушка лежала в полузабытьи. Поить её было трудно, она не открывала рот, и Дарья чайной ложечкой вливала раствор сбоку, приподняв губу Аннушки. Та не открывала глаз, и бедная сиделка от бессилия и жалости к себе и к умирающей соседке сидела и плакала, даже не замечая этого. Её мучила одна мысль:

– Как перенести истощённую, почти мёртвую женщину к себе в зал, к пылающему камину.

Внезапно её осенила догадка, что вести больную можно вместе с койкой. Но для этого следовало найти верёвку и прочно закрепить её на изголовье железной кровати.

Дарья встала и пошла обратно в зал. То, что она увидела, потрясло и обрадовало женщину.

В кресле у камина сидела Лидия Ивановна, а на её коленях разместилась Алёнушка. И опять слёзы радости потекли из глаз бабули, выбившейся из сил, страшно уставшей, но совершенно счастливой. Она присела на стуле возле них и поведала о затруднении с Аннушкой.

– Можно мне ещё чая? – спросила Лидия. – Я сейчас соберусь с силами, и мы с тобой, Дарьюшка, попробуем тащить кровать вместе.

Дарья напоила и её, и Алёнушку сладким чаем, и женщины, поддерживая друг друга, попытались сдвинуть кровать с места. Ничего из их усилий не вышло, лишь Лидия Ивановна надорвалась и уже не могла даже стоять. Однако вдвоём им удалось разжать зубы Анне и влить в неё почти стакан чая. Аннушка не реагировала на их старания, и это особенно мучало их.

Помогая Лидии Ивановне вернуться в зал, Дарья и сама уже не могла двигаться. Свалившись на свои спальные места, женщины в изнеможении уснули, но ненадолго. Неожиданно Лидия Ивановна сказала:

– Я знаю, как дотащить Анну.

От звука её голоса Дарья сразу очнулась.

– Как?

– Переложить её на одеяло и тащить, как на фронте сестрички вытаскивают с поля боя раненых.

– Умница! Ну какая же вы умница, Лидия Ивановна! Вы теперь лежите, а я одна попробую.

– А если надорвётся?! Нет, мне тоже надо поучаствовать.

– Вам нельзя!

Дарья уже вышла из зала. Она решила до проведения задуманной операции навеститься в «другой мир», поискать там что-нибудь удобное для перемещения Анны. Спустилась по ступеням, она тут же услышала кудахтанье, шорох и взлёт в дымоход курицы. Мысли переключились на птицу.

– Как бы поймать её и сварить. Но как?

Женщина никогда не убивала ни одного насекомого, не то что птицу.

– Видно, в поленнице у неё гнездо. Интересно, чем она кормится?

Дарья склонилась над тем местом, откуда вылетала птица, и обнаружила там солому, валяющуюся на полу бутыл с остатками овса и – о, чудо! – три яйца.

Это не поддавалось никакому объяснению.

– Допустим, бутыл упала, зёрна из неё понемногу высыпались. Здесь в дымоходе у птицы имеется выход. Но как объяснить наличие яиц? Для них нужен по крайней мере петух!

От мыслей голова ужасно разболелась. Дарья забрала яйца, которые уже могли давно протухнуть.

– Но ведь холодно! Может, они съедобны?

Находка отвлекла её от мыслей о средствах транспортировки Анны. Сейчас яйца были важнее всего. Если они сохранились, есть шанс поднять на ноги Аленушку и Лидию Ивановну. И нужно не тянуть с этим.

Дарья поднялась в зал, сварила яичко не совсем круто, чтобы ребёнок мог проглотить, очистила его и ложечкой достала жидковатый кусочек желтка. Девочка проглотила его легко. Себе и своим подопечным Лидии, и Ане разогрела горох в бульоне из остатков муки. Получилось почти празднично.

– На Новый год устроим пир! Необходимо вернуться в кладовку и всё перевернуть вверх дном, может, ещё что найдется.

Аленушка и Лидия Ивановна всё ещё дремали.

Дарья собрала силы, выбралась на крыльцо маленького дворика. Она заметила в углу стены второго дома нанесённый сугроб снега. Здесь навес был сломан, и в одном месте осадки спокойно проникали во дворик. Подойдя ближе, женщина обнаружила заснеженный куст и, отряхнув с него снежный купол, увидела под ним ёлочку, совсем крохотную.

– Но можно устроить для Алёнушки новогоднюю ёлку!

Мысль совершенно неожиданная, но такая светлая словно влила в неё новые силы.

Дарья вернулась в помещение с печкой и, глядя на железные банки, стоявшие на второй полке, приметила и третью полку.

Однако дотянуться до неё можно было, лишь используя лестницу. Лестница в углу за печкой оказалась – как по волшебству!

Подтащив её к полкам, Дарья испугалась.

Как она, еле передвигающая ноги, сможет устоять на шаткой лесенке?

Но любопытство и желание найти ещё что-либо съедобное было столь велики, что женщина решилась на опасный эксперимент.

Лестница шаталась, голова кружилась, но цель впереди манила и звала. И Дарья преодолела преграды.

Самое обидное, что ничего особенного на третьей полке не оказалось, но всё же кое-что нашлось.

На дне большой, литра в два, бутылки оказалась жидкость, похожая на масло. Понюхав и пригубив его, Дарья поняла, что это остатки очень старого льняного масла. Оно горчило и имело какой-то неприятный привкус, но это было масло! Старое, прогорклое, но масло!

В ещё одной подобной бутылке оказались остатки ягодной наливки.

Это значило, что Новый год они встретят с шикарным угощением.

Но главная добыча потрясла исследовательницу больше всего. Коробка с ёлочными игрушками. Все игрушки, попавшие в неё, были самодельные, но многие оказались и съедобными. Завёрнутые в фольгу грецкие орехи и конфеты, каким-то чудом сохранившиеся цукаты привели её в состояние эйфории. Всё это она наденет на ёлочку, и 31 декабря они будут водить хоровод. Она будет играть на фортепьяно, у них будет праздник.

– И пусть все фрицы повесятся от зависти и ненависти!

Вернувшись в зал со своими находками, Дарья свалилась на кровать и тоже задремала. Очнулась она от странных звуков. Вздохи и рыдания! Что это?

Приподнявшись на подушке, она увидела склонённую спину Лидии Ивановны, что-то тянувшей из последних сил и рыдающей от нестерпимых болей и своего бессилия.

Дарья сползла с кровати и ползком, потому что сил встать у нее не было, доползла до Лидии и схватила за угол одеяло, на котором та тащила Аннушку.

– Отдохните, Лидия Ивановна, теперь моя очередь!

Дарья с большим трудом дотянула больную до самого камин, который уже угас и почти остыл. Но главное было сделано. Лидия уже сидела на кровати и от болей слёзы ручьем текли из её глаз.

Но это всё уже не останавливало Дарью, она знала: нужно срочно протопить камин, приготовить горячую воду, подогреть горох, напоить и накормить своих подопечных.

– Слава Богу! Они теперь все вместе!

Можно себе представить, как трудно было уставшей, истощённой женщине выполнить такой план, который она себе составила. Но Дарья, то стоя, то ползком, то лёжа, выполняла каждый пункт своего боевого плана, отдавая уходу за своим близкими последние силы. И, видимо, взирая на её мужество, сам Господь помогал ей.

Уже к вечеру тридцатого декабря внучка сама сползла с постели и, держась за руку бабушки, помогала приносить питьё для Аннушки, которая наконец открыла глаза, но пока даже сидеть ей было трудно и её подпирала подушками, вливая спа-

сительный сладкий чаёк и даже по ложечке горохового настоя.

Лидия Ивановна тоже старалась хоть немного разгрузить уставшую, но повеселевшую Дарью.

А тридцать первого числа кудесница, как Дарью теперь называла Лидия, собрала царский новогодний стол.

Она приготовила невероятные пирожные из блокадного хлеба, намазав на него гороховое пюре и посыпав это богатство половинкой искрошенного яичного желтка.

Ёлочку украшали Лидия Ивановна и Дарья, а подавала им игрушки из коробки, сидящая в кресле возле ёлки, Алёнушка. Ребёнок так радовался этому Чуду, что даже начавшаяся жуткая, можно сказать, остервенелая бомбёжка, которую фрицы устроили несдающемуся населению великого города, не расстраивала их.

В зале тепло от камина, и гороховые пирожные, сладкий чай, возможность выйти из дома прямо к украшенной ёлочке, игра на фортепьяно Дарьи и весёлые песни, которые пели Лидия, Дарья и Алёнушка, создали ощущение настоящего Новогоднего праздника.

Музыка, песни и тепло способствовали тому, что в себя пришла и Аннушка и, хотя совсем понемножку, но могла сидеть в подушках.

Женщины недоумевали, откуда могла взяться черная курица, да ещё и снести три яичка. Все прислушивались к каждому шороху, надеясь, что волшебная птица вернётся и подарит им ещё яичек.

Но курица больше никогда не появилась, и невероятное её появление так и осталось удивительным Чудом, о котором участники Новогоднего блокадного праздника рассказывали всем своим родным и знакомым, и этот рассказ как легенда до сих пор передаётся по наследству до наших дней.

И уже совсем старенькая Алёна Андреевна, поведав эту историю в очередной раз, всегда восклицает: вот и не верьте теперь, что Бог есть и Он всегда рядом!

С её слов и записана эта история. Многие считают её сказкой, но это быль!

ДВЕ МАРИИ, ИЛИ ТЯЖЕЛЫЕ БУДНИ БЛОКАДЫ

Мария Васильевна Стрельцова проснулась в своей замерзшей, как и весь блокадный город, комнате и инстинктивно пошарила под тряпьем, накрывавшим постель, своими замёрзшими и почти ничего не чувствовавшими руками. Ощувив бугорок, лежавший у неё под боком, она успокоилась, с большим трудом приподнялась над ним и склонилась к лицу маленькой девочки, приложив ухо к ее груди и стараясь уловить дыхание ребёнка. Девочка, почувствовав движение матери, открыла глаза и слабо улыбнулась. И эта слабая улыбка словно вливала силы в одеревеневшее и совершенно замёрзшее тело женщины. Она села на кровати и, свесив обутые в валенки ноги, проговорила:

– Сейчас, моё солнышко, я согрею тебе водички и дам кое-что вкусненькое, а потом мы пойдём отоваривать наши карточки, и всё у нас будет хорошо.

Однако, сказав это, женщина вспомнила о полученной три дня назад похоронке на мужа, и из её глаз пролилось несколько тут же замерзших слезинок.

Девочка тоже села на кровати, прижалась к матери и попросила:

– Только не плачь, мамочка. Вот увидишь, наш папа обязательно вернётся.

От этих слов женщина зарыдала и вновь упала на подушки, зарывшись в них головой. Дочка лишь крепче прижалась к ней и молчала, не зная, как утешить свою дорогую мамочку.

Однако Мария и сама понимала, что не имеет права так раскисать. Она поднялась с кровати и стала поправлять съехавшую на глаза дочери шапочку, разглаживать её шубку, и даже пыталась поднять Сашеньку на руки, чтобы поставить её на пол. Но руки отказывались выполнить такую непосильную для них работу. Слабость была просто тошнотворная, и девочка сама сползла на животике со своего ложа и уже стояла рядом с мамой.

Мария медленно прошла к окну, раздвинула шторы на нём. За окном, несмотря на десять часов утра, было почти темно.

Женщина взяла спички и подожгла в печурке заготовленные с вечера ветки и несколько щепок, поставив на печку ковшик с замёрзшей водой.

Она вспомнила, какой ужас они пережили с дочкой этой ночью, когда слышали стук в их дверь, как они боялись даже голос подать от страха. Но, когда двери стали почти ломать, Мария все же поднялась и, подойдя к двери, спросила, кто стучит, а Сашенька заплакала так громко, что за дверью сразу прекратились попытки её взлома.

– Патруль, откройте, в вашем районе засели бандиты, мы их ищем. К вам никто не стучал?

Маша открыла дверь, и их с Сашей ослепил свет фонаря, направленного на них, да так сильно, что им пришлось зажмуриться.

Сашенька плакала не переставая, и один из милиционеров, порывшись в кармане шинели, достал из него маленький сухарик и протянул его девочке. Но Сашенька боялась его взять, и Маша сама приняла этот щедрый подарок, поблагодарив доброго милиционера.

Гости осмотрели их маленькую комнату и наказали никому дверь не открывать. После чего ушли. И вот сейчас у Маши появился завтрак для дочери.

Разогрев водичку, она положила в неё сухарик, который был явно довоенной поры, из белого настоящего без примесей хлеба, и получилась прекрасная тюря, которой Маша и накормила девочку.

Сама она лишь выпила тёплой воды и, еле стоя на ногах, отправилась вместе с Сашенькой отоваривать свои карточки в ближайшем магазине.

На улице было не просто холодно, а стояла жуткая стужа. И мать, и дочь мгновенно превратились в две замерзшие статуи, еле передвигаясь к заветной цели, где и должны были отоваривать свои карточки, получив на них двести пятьдесят граммов чёрного блокадного хлеба. Но, пройдя несколько ша-

гов, Мария потеряла сознание и упала в подворотне соседнего дома. Сашенька закричала и тут появился страшный мужик, при виде которого девочка замолкла и с ужасом уставилась на него. Бандит зло отшвырнул ребенка, сорвал с руки Маши сумочку, достал из неё карточки и, забрав их к себе в карман, изрёк:

– Твоя мать умерла. Иди в приют.

Сказав это, он мгновенно исчез за воротами двора, а девочка, испуганная и совершенно ничего не понимающая, бросилась бежать. Сашенька никогда за свои пять лет не выходила из дома без мамы. Она не знала ни города, ни своего адреса. Девочка бежала, повинувшись чувству животного страха, куда глаза глядят. Её окружал серый, почти вымерший город. На её пути несколько раз попадались замерзшие на дороге люди, и от одного их вида ужас ещё больше охватывал незащитного ребенка. Но сил в ней было слишком мало, и вскоре девочка упала на тротуар, больно стукнувшись головой и ободрав ладошки рук до крови. Ей трудно было даже подняться с земли. Но невероятная стужа заставила ребенка приподняться, а затем сесть. Рядом был подъезд большого дома, и Сашенька поползла к нему. Дверь сама по себе раскрылась перед ребёнком, и девочка, тяжело поднявшись на свои некрепкие ножки, вошла в подъезд.

Слева от неё оказалась еще одна небольшая дверка и, дернув за её ручку, Сашенька очутилась в небольшом чуланчике, заваленном старыми тряпками и лопатами. Но неожиданная гостья была так мала и худа, что без труда просочилась между ними и, как ей показалось, спряталась от этого страшного города, от бандита, сорвавшего с мамы сумочку и сказавшего ей, что мама умерла.

Девочку всю трясло, ей внезапно стало ужасно жарко, и малышка чувствовала, как капли пота заструились по её спине. Ей захотелось раздеться, но в чулане было так тесно, что сделать это не представлялось возможным. Перед её глазами всё еще стоял страшный мужик и лежащая у его ног, неподвижная, с серым лицом и закрытыми глазами, мама. Картина происшедшего с ними разрывала маленькое сердечко, и Сашенька потеряла сознание.

Именно в это время с третьего этажа спускалась вниз женщина, которую невозможно было представить как одну из голодных и замерзающих жительниц блокадного города.

Мария Генриховна Золотницкая, двадцати семи лет от роду, бледная, но очень красивая, статная и хорошо одетая в беленькую шубку, такую же шапочку и державшая руки в муфточке из того же меха, была женой Станислава Львовича Золотницкого, недавно получившего звание генерала. Станислав Львович с первых дней войны находился на передовой линии фронта. Но с любой оказией передавал жене продовольственные посылки, постоянно умоляя Марию эвакуироваться из блокадного Ленинграда. Однако жена не хотела даже слышать об этом. На её попечении в Ленинграде была её мама и двое племянников Маши: одиннадцатилетний Андрюша и тринадцатилетний Ванечка. Их родители погибли. Брат Маши Алексей погиб на фронте в первые дни войны, а его жена попала под обстрел на Невском проспекте и умерла от полученных ран.

Маша с утра отправлялась на родительскую квартиру и занималась с детьми, потому что её далеко не здоровая мама поступила на службу в госпиталь санитаркой, чтобы выхаживать больных и помогать им чем только можно. Будучи сама инвалидом, она не могла сложа руки сидеть дома в такое трудное для страны и города время. И её дочь, Мария Генриховна, мучалась совестью, что, работая над докторской диссертацией и занимаясь семейными делами, остается как бы вне борьбы с лютым врагом. Она – преподаватель ВУЗа, ведущий доцент кафедры, не смогла уехать вместе со своими коллегами в эвакуацию, куда перебазировали их институт, именно из-за мамы и детей брата.

Понятно, что посылки генерала катастрофически не хватало, да и с каждым днем передавать их становилось всё сложнее из-за блокады города, и Маша была вынуждена несколько раз в неделю ходить на рынок, обменивая дорогие вещи на продукты. Вот и вчера она за свою горжетку из чернобурки невероятной красоты сумела получить два кило манки и килограмм гороха.

В своей прекрасной муфточке она несла родственникам два стакана манки и стакан гороха. Она знала, что если отдать

маме всё сразу, та она половину скормит подопечным больным. И Маша страшно расстраивалась, что вынуждена быть скупой и беречь каждый грамм съестного для своих племянников и мамы. Мальчишки за эти несколько месяцев блокады стали худыми, как скелеты и, глядя на них, Мария чуть не плакала от своего бессилия обеспечить детям любимого брата нормальное питание.

Уже выходя из подъезда, Маша услышала слабый стон, доносившийся из чулана. Женщина напряглась и тихо, чуть дыша, заглянула за его открытую дверку. Там было темно, но слабый, еле уловимый стон или хрип слышался снизу. Маша присела, достала маленький фонарик – подарок мужа – и осветила лопаты и тряпки, сваленные в углу. Она увидела крохотное личико ребенка и, отложив муфту в сторону, стала осторожно подтягивать лёгкое тельце к себе. Одна из лопат с грохотом упала, и из глаз ребёнка полились слёзы совершенно беззвучно, как у старушки. В его глазах застыл неопиcуемый ужас. Маша, уже не церемонясь больше, подхватила ребёнка на руки и вынесла из чулана. Это оказалась девочка, и смотрела она на Машу теперь не со страхом, а с мольбой и надеждой.

– Как тебя зовут, малышка? – спросила Мария.

Девочка молчала, она что-то пыталась сказать, но слова, казалось, застряли в ней, и никакого ответа Маша не дождалась.

– Что же мне с тобой делать, милая?

Женщина заметила, что лоб ребёнка в крови, и руки тоже. Маша была в смятении, она никак не могла принять решение, как ей следует поступить. Наконец, отбросив массу ненужных мыслей, теснившихся в голове, она решилась. Подобрав свою муфту, не опуская девочку на пол, она стала подниматься с ней к себе в квартиру.

Здесь было несколько теплее, чем в остальных помещениях дома, потому что вчера вечером Мария долго топила свою печку, и та ещё, хотя и слабо уже, но сохраняла тепло.

Она раздела девочку, ужаснулась её худобе, но постаралась взять себя в руки и, несмотря на протест ребёнка, старавшегося уклониться, поставила её в ванну и теплой водой из самовара, как могла, смыла с неё накопившуюся грязь. Затем протёрла

ребёнка спиртом, растерла её прозрачное тельце полотенцем, высушила её волосики и, одев на неё свою ночную рубашку и свитер мужа, усадила девочку к себе на колени и стала расчесывать. В волосах обнаружили и вши, и гниды. Пришлось использовать керосин. Девочка оставалась безучастной ко всем манипуляциям, проводимым над нею незнакомой женщиной. Её безразличие очень пугало Машу, но она решительно продолжала санитарную обработку ребёнка. Самое страшное заключалось в том, что девочка не разговаривала.

«Немая от рождения или последствия стресса?», – задавала себе вопрос хозяйка, не устая спрашивать и спрашивать у девчухи, где её мама, как её зовут, где она живёт???

Ответа не было, хотя ребёнок старался что-то сказать, но звук отсутствовал.

Бедная Маша провозилась с ней почти до вечера. В какой-то момент она почувствовала, что девочка очень горячая. Когда измерила температуру ребёнка, то пришла в ужас. Градусник показал 41. У Марии был неприкосновенный запас: маленькая баночка мёда.

Она напоила дите чаем с липой и мёдом, растерла ещё раз её водкой, поставила ей горчичники и завернула в шерстяное одеяло. Девочка лежала прозрачная и прекрасная, как ангелок. Маша сварила жидкую манную кашку и накормила её. И, уже не чувствуя под собой ног, прилегла рядом с ребёнком, и они обе уснули.

Но не прошло и двух часов, как громкий стук в дверь разбудил женщину.

Маша побежала открывать. На пороге стояла её мама.

– Машенька! Ты жива, родная моя? Как я испугалась!

Валентина Георгиевна буквально свалилась на диван.

Маша обняла маму и сказала:

– Прости меня, мамочка, я просто так устала с найденным ребёнком, что сама не заметила, как уснула.

– С каким найденным ребёнком, доченька? Я ничего не понимаю.

– Пойдём, покажу тебе это несчастное создание.

Валентина Георгиевна, с трудом поднявшись с дивана, пошла за дочерью в спальню. На кровати лежала прозрачная белокурая девчушка с ангельским личиком, она крепко спала.

– Где же ты подобрала это чудо?

– У нас под лестницей в чулане. Я выходила, чтобы ехать к вам, когда услышала слабый стон. Заглянула в чулан, а там за тряпками и лопатами обнаружилось вот такое маленькое несчастное существо с разбитой головой и кровоточащими ладошками. У неё высокая температура, я уже растирала её водкой, ставила горчичники. Вроде сейчас она не такая горячая, как была.

– Как её зовут, где её мама, где она живет? Ты хоть расспросила ребёнка как следует?

– Беда в том, мамочка, что девочка вообще не разговаривает. Пытается что-то сказать, но ничего не выходит. То ли глухонемая, то ли потеряла голос от страха? Её нужно к врачу вести, но там потребуют сведения о рождении, родителях и, скорее всего, отберут и отправят куда-нибудь в больницу, в эвакуацию. Я не знаю, что с ней делать. И жалко её, ведь не довезут. Мамочка, ты как думаешь?

– Я думаю, что пока пусть побудет у тебя. Я схожу к Ирине Андреевне в поликлинику, расскажу ей все и попрошу приехать сюда посмотреть ребёнка. Тогда и решим, что делать дальше.

– Родная моя, я сама к ней схожу, ты еле на ногах держишься, а от нас до её района часа два добираться. Транспорт не ходит. Ложись на диван. Сейчас я тебе манной каши дам.

– Откуда манка?

– Поменяла вчера на свою горжетку, везла вам, да вот не доехала. Ты сейчас покушаешь и ляжешь рядом с моей найдёнушкой. А я побегу, переговорю с Ириной Андреевной и зайду за нашими мальчиками. Они, наверное, совсем голодные. Сейчас замочу горох и к нашему приходу, ты нам супчика сварить. Ладно?

– Конечно, Машенька.

Маша быстро справилась с печкой и, накормив маму, отправилась за врачом, которая лечила и её, когда Маша была маленькой. «После консультации, – решила она, – зайду за племянниками».

А в это время Мария Стрельцова наконец-то пришла в себя. После полученного от падения удара женщина лежала на тротуаре, не подавая никаких признаков жизни. Но она была жива. И, видимо, Всевышний обратил на неё свое внимание, послав на помощь демобилизованного из-за полученного увечья мичмана, который на одной ноге и с костылём не прошёл мимо лежащей на земле женщины, а поняв, что она жива, каким-то чудом сумел дотащить её до своего дома, где соседка – баба Дуся, – приложив немало усилий и скормив незнакомке остаток своей похлёбки из кожуры замёрзшего картофеля, сумела привести Марию в чувства.

Очнувшись, бедная женщина стала звать свою дочь и требовать, чтобы бабуля немедленно привела к ней Сашеньку. Мичман Воскобойников, сидевший у бабули, был страшно раздосадован, понимая, что девочку либо увёл кто-то, либо она сама убежала. Пришедшая в себя Мария уверяла, что в руках у нее была сумочка с карточками на хлеб, но при ней вообще ничего и никого не было, когда Иван обнаружил её, лежащей на земле. И он, и баба Дуся не знали, что делать: говорить женщине прямо о её страшных потерях или нет. Та порывалась встать и уйти, но было очевидно, что дойти она никуда не сможет.

Мария Стрельцова и сама понимала это, посему прибывала в истерике, каждую минуту стараясь подняться, чтобы бежать искать дочь, и тут же снова падая на диван. Силы её были истощены, и женщина была настроена умереть, если её девочка не найдётся.

– Я не буду жить без Сашеньки, я повешусь. Мой Николай погиб, а я и дочь нашу не смогла сохранить! – рыдала она. – Ничтожество, я просто ничтожество. Мне нет места на земле!

Иван Воскобойников не мог больше выносить этого и, чтобы вывести женщину из состояния на грани помешательства, он дал её пощечину и приказал немедленно замолчать.

– Ты действительно ничтожество, не способна взять себя в руки и подумать, как и где искать свою дочь, а не орать здесь, как на базаре. Или тебя в психушку отправить?

Его простой метод мгновенно привел женщину в чувство, и она, поглаживая раздувающуюся от пощечины часть лица, только и смогла прошептать:

– Простите, простите меня! Я схожу с ума, у меня в голове всё перемешалось.

– Вот и займись своей головой и скажи мне, где ты живёшь. Может, девочка убежала домой?

– Нет, она никогда не выходила без меня на улицу. Она и адреса своего, наверняка, не знает.

– Хороша мать, ничему своего ребёнка не учила, видно, всё время была в истерике. Вот муж порадовался бы такому воспитанию его ребенка, если бы был жив!

Сказав это, мичман понял, что переборщил, и женщина может натворить чёрт знает что. Поэтому он, не давая ей осмыслить его оскорбительные слова, довольно грубо продолжил:

– Так, вспоминай всё, что девочка может знать, куда она может пойти. Давай думать, с чего начнем её поиски. Прежде всего, опиши мне вид, возраст и одежду твоей дочери, и я отправлюсь расспрашивать всех, кто в это время был в нашем районе на улице, кто мог быть свидетелем происшедшего. Твоя же задача за это время набраться сил, чтобы помогать мне искать твою девочку. Как я понял, зовут её Сашенькой. Фамилия?

Мария Стрельцова вспомнила и рассказала Ивану Воскобойникову всё о своей дочери. Она открыла ему медальон, который был у неё на шее, и показала ему её фотографию.

Мичман направился искать Сашеньку, а баба Дуся приготовила Марии чай из сухой морковки и каких-то трав, и измученная до предела женщина уснула на старом, давно разбитом диване в каморке бабули, которая старалась помочь бедняжке, и горе этой чужой, совершенно незнакомой женщины восприняла как своё собственное.

Между тем Мария Золотницкая встретила с давней подругой её матери, врачом-педиатром Ириной Андреевной, рассказала ей о своей «находке» и попросила совета и возможной

консультации. Больше всего её беспокоила высокая температура и отсутствие голоса у малышки.

Ирина Андреевна снабдила её микстурой, таблетками и обещала непременно заглянуть к ней завтра, чтобы осмотреть и прослушать девочку. Пока же она расписала программу её лечения в домашних условиях у Марии. Старая доктор посоветовала не задавать пока вопросов девочке.

Маша забрала племянников, поведав им о найденной малышке, и они уже вместе поехали к ней домой. На улице стало совсем темно, когда они, замерзшие и голодные, вернулись в квартиру Марии.

Валентина Георгиевна как раз успела приготовить им горохового супчика и с грустью поведала, что девочка пока так и не проснулась, но вся горит, и ей пришлось уже дважды менять её нижнее белье, так она потеет. Малышка остается абсолютно безучастной ко всему, что с ней делают.

– Прекрасно, что потеет, – сказала Мария и передала матери программу лечения от Ирины Андреевны. Мальчишки посмотрели на найденную девочку, и Андрюша очень серьёзно сказал:

– Какая хорошенькая, как куколка! Неужели она не поправится?

– Сделаем все возможное, чтобы она выжила! – пообещала Мария.

– Пора за стол, ценители женской красоты! – улыбаясь, пригласила мальчишек ужинать бабушка.

Мария обняла маму и крепко прижала к себе.

– Ты тоже постарайся сберечь себя. Для нас ты – всё!

Иван Воскобойников пробирался через сугробы небранного снега очень медленно на своём костыле. Он шёл и внимательно всматривался в каждый угол попадавшихся по пути дворов.

Недалеко от старых сараев мичман заметил двух мужиков, подвыпивших и что-то бурно обсуждавших. При этом один из них делал второму знаки, чтобы его дружок говорил потише. Иван обошёл сарай с другой стороны и услышал, как шумливый спросил дружка:

– Ну а баба-то, которая грохнулась на землю, как из себя?

– Баба как баба – тощая, одни кости, видно, с голода в обморок свалилась. Девка её в крик, ну я карточки взял, а девчонке сказал, что мать её померла, и чтобы она шла в приют.

– Слушай, Дранный, может, мать симпатичная, хоть и худая? Я толстых не люблю. Если она там и лежит, то можно воспользоваться, согреть бедняжку. Покажи, где ты их встретил.

– Отстань, Гоголь, на какой хрен она тебе нужна. Убогая! Пошли к Мурке, она нас сама пригреет.

Он подтолкнул своего пьяного дружка, и они нырнули в дыру между сараями.

Иван заскрипел зубами.

– Сволочи! Не успею я за ними.

Он вышел на дорогу. По его расчетам, если бандитам нужно пройти к баракам, где селились всякие смутные личности, не раз судимые, то они наверняка появятся на дороге. Хорошо бы выследить их и накрыть всю шайку.

«Попрошу Славу Дроздова. Он бывший мент, хоть и списанный, но Егор говорил, что Слава опять в органах. Они помогут взять это зверьё».

Он уже стал подмерзать, когда парочка негодяев появилась из-за мусорной свалки. Что-то жуя и отравляя морозный воздух сильным запахом перегара, подонки всё ещё пререкались, решая, где их лучше встретят. Они поравнялись с Иваном и сразу замолчали, обойдя его. Он пошел следом.

– Ты куда направляешься, служивый? – обернулся к нему Дранный.

– Да встречу мне здесь одна мамзель назначила, а видно, обманула. Зря мёрз.

– Ты глянь, Дранный, инвалид без ноги – и то по бабам шляется, а ты развернуться мне не даёшь! – заржал Гоголь.

Но Дранный толкнул его в спину и, помахав мичману, прошипел своему собутыльнику.

– Иди скорее, а то не только бабу не застанешь, а и водки лишишься!

После этого оба друга стали передвигаться почти бегом, и Иван отстал от них весьма существенно.

Он видел, как они приблизились к крайнему бараку и исчезли в первом от дороги подъезде.

Мишман развернулся и пошёл в другую сторону, где находилось отделение милиции.

Ему повезло, он столкнулся со Славой Дроздовым прямо у входа в отделение. Слава приятелю обрадовался, внимательно выслушал и спросил:

– Сашенька, говоришь? Я с ними знаком. Вчера вечером был в патруле и осматривал все квартиры дома, где они живут. Напугали мы их страшно. Сашенька все время плакала, и я хотел дать ей сухарик, так она не взяла, так нас боялась, хотя голодные и мать, и дочь, смотреть больно. Как два несчастных маленьких воробушка. Господи! Когда же этот кошмар кончится? Славные и несчастные они. Отец у них погиб, муж то есть Марии. Вот ведь беда какая! А мы как раз этих субчиков и искали. Ты молоток, Иван. Сейчас мы их и повяжем.

Он назвал Ивану адрес Стрельцовых, тот же, что ему дала Мария. Значит, патруль ночью был именно в их доме.

Группа тут же выехала на задержание. Накрыли целый пригон. У Драного изъяли несколько комплектов продуктовых карточек. Видимо, отнимать их у обессиленных, голодных и замерзших людей для него особого труда не составляло. При Гоголе оказалось огнестрельное оружие – пистолет. К счастью, увлекшись в этот момент любовными утехами, он не успел им воспользоваться, поскольку взяли его в пикантном положении, без штанов. Здесь оказались и другие воры, карточные шулера и проститутки. Все эти нелюди, как клопы, высасывали кровь из и так уже обескровленных жителей блокадного города. Многие из негодаев получили высшую меру наказания.

Иван же, хоть и с большим трудом, скользя и падая, почти сломав свой костыль, замёрзнув до бесчувствия, добрался до дома, где проживали мать с дочкой. Он очень надеялся, что девочка прибежит именно домой, но его постигло горькое разочарование. Девочка домой не возвращалась, и никто из соседей

не видел в этот день ни мать, ни её доченьку. Пожилая женщина, их соседка, пригласила Ивана к себе, чтобы он передохнул и закрепил костыль, угостила его тёплой водой, только что приготовленной для себя.

Бандитов взяли, но пропавшую девочку не нашли. Она как в воду канула.

Однако Иван решил во чтобы то ни стало поиски продолжать. Вернувшись домой почти под утро, он узнал от бабы Дуси, что Мария Стрельцова спит после её чая, как убитая. Иван попросил бабулю попить им ещё женщину. Он не представлял, как сообщить несчастной, что её дочь пока не найдена.

Когда у Марии Золотницкой семья ужинала, Сашенька проснулась, и внимание всех собравшихся переключилось на девочку. Ей измеряли температуру, которая немного спала до 38 градусов. Но её бил озноб, и она оставалась такой же безучастной, как и прежде.

Женщины быстро раздели, растёрли водкой её маленькое тельце, напоили чаем с мёдом и дали микстуру, присланную врачом. Потом Маша усадила её к себе на колени и стала кормить супом. Девочка глотала чисто автоматически, совершенно не ощущая вкуса пищи. Мальчики стали пытаться расшевелить её, но все их усилия были тщетны.

Её снова уложили в постель, и девочка опять уснула.

– Прямо спящая царевна! – заметил Ванечка.

– Я вот думаю, – произнес Андрюша, – может, ей нашего котёнка принести, он бы её развеселил?

– Мысль хорошая, но пока этот эксперимент проводить рано. И что делать, как ей помочь, не представляю, – чуть не плача, произнесла Мария. Она готова была на всё, лишь бы помочь ребёнку.

После осмотра девочки Ириной Андреевной такие жертвы понадобились. Врач сказала, что у ребёнка воспаление лёгких, и нужны более сильные лекарства, чем чай с мёдом, но их нигде не достать, а на рынке за них запросят такие вещи, цена которых немислима.

В течение последующих трёх дней все члены семейства думали, что они могут предложить в обмен на бесценный препарат, способный вернуть девочку к здоровой жизни.

– А давайте обменяем папин фотоаппарат на это лекарство. Жалко, конечно, память об отце, но я думаю, что наш папа сам бы произвёл такой обмен, чтобы спасти ребенка.

Эти слова Андрея покоробили его брата. И дело было не столько в самой вещи, сколько в её святости для семьи. Именно это и сказал Ваня. Воцарилось молчание, и вдруг в разговор вмешалась совершенно случайная женщина из госпиталя, зашедшая с Валентиной Георгиевной в квартиру Марии, чтобы утром отнести шприцы, которые Маша выменяла для больных госпиталя ещё неделю назад, но события, связанные с найденной девочкой, так закрутили всех членов семьи, что они только сегодня вспомнили о шприцах, которых в госпитале катастрофически не хватало.

Звали женщину Тамара, она помогала ухаживать за больными, так же, как и Валентина Георгиевна, совершенно бескорыстно. Похожа она была на цыганку, даже говорила с каким-то акцентом, но работала в госпитале, не жалея сил и времени.

И вот, поняв из разговоров, чем обеспокоено всё семейство её близкой коллеги, она, смущаясь, предложила:

– Можно, я попробую помочь малютке? Я вылечивала воспаление лёгких в нашей деревне за один сеанс. Честное слово!

Все замерли, не веря своим ушам. Как простая санитарка, товарка их бабушки, может вылечивать воспаление легких без медикаментов? Этого не могло быть!

Мария с сомнением покачала головой, но неугомонный Андрейша ответил за всех.

– А что мы, собственно, теряем, пусть попробует человек. Она же хочет помочь нам всем. Вдруг получится.

Тамара быстро протёрла руки водкой, которой растирали девочку, и села возле неё на постель.

К окружающим она повернулась спиной, и никто не мог видеть всё, что она делала полностью. А она, совершенно обнажив

спинку ребёнка, водила над ней руками, проделывая какие-то неуловимые пассы и явно что-то нашёптывала. Однако слов её никто не мог разобрать.

Мария с ужасом наблюдала эту картину, повторяя:

– Мы же её простудим.

Но женщина волевым движением руки заставила её замолчать и уверенно продолжала своё дело. Спинка девочки порозовела, ребёнок стал дышать легко и свободно, и наконец всем присутствующим было явлено не только чудо исцеления легких, но и вырвавшийся из уст ребёнка шёпот:

– Мама, мамочка.

Девочка открыла глаза, посмотрела вокруг осмысленным взглядом и сказала:

– Моя мама умерла, и бандит вырвал из её рук сумочку и забрал наши талоны. Он сказал, чтобы я шла в приют. Он хотел убить меня.

Тамара посмотрела на девочку и прошептала:

– Нет, твоя мама жива, но она очень больна.

После этого она закрыла глаза и откинулась на кровать.

– Что с ней? – спросила Мария.

– Она отдала на лечение много сил, и ей теперь нужен покой и сон, – сказала Валентина Георгиевна.

Девочка тоже поникла и, как старушка, закрыла глазки, пролепетав:

– Я очень устала.

– Эй, подожди, как же тебя звать? – начал было допрашивать её Ванечка, но бабушка взяла его за руку и повела в другую комнату, объясняя, что ребёнок ещё очень слаб и все вопросы нужно оставить на другой раз.

– Она разве не выздоровела? Вся эта сцена с её излечением – полная ерунда?

– Я думаю, – ответила бабушка, – что воспаление лёгких Тамара сняла, но сил в этом маленьком тельце почти нет. Поэтому ей сейчас необходимо больше спать и есть, чтобы набраться сил для дальнейшей жизни. И Тамаре тоже нужен отдых, пусть они поспят пока.

– Если мама девочки жива, то она, наверное, не находит себе места, не зная, что случилось с её ребенком. Тем более если она тяжело больна. Как нам сообщить ей, что девочка выздоравливает? – подала голос Мария.

– Нам главное сейчас дать девочке возможность выздороветь. Спешка может всё испортить, и тогда и дочь, и мать могут и не дожить до счастливой встречи. Давайте наберемся терпения! – высказала своё мнение Валентина Георгиевна.

Прошло два дня, и в состоянии здоровья ребёнка наступил значительный перелом, девчущка явно пошла на поправку. Было решено выспрашивать у неё все подробности её маленькой биографии постепенно, незаметно, не акцентируя внимания ребенка на драматизме ситуации.

Мальчишки принесли ей своего тощего котёнка, который только и делал, что мяукал, прося еды, и так практически не хватавшей им всем. Манка почти закончилась, хлеба тоже нет.

Мария в очередной раз сходила на базар и выменяла на сапоги мужа два килограмма муки и пачку маргарина, справедливо рассудив, что генерала без сапог не оставят, а детям нужны силы для выживания.

Из муки стали печь блины, но мука была тёмная и прогорклая, тесто разводили очень жидкое, и блины превращались в комки, которые не снимались со сковородки. Но голодные дети выскабливали их ложкой, поедая их в виде каши.

И тут случилось счастливое событие – очередная оказия от мужа Марии в виде весёлого летчика, прорвавшегося в город и притащившего целый вещмешок продуктов: три буханки хлеба, несколько банок консервов, три плитки шоколада и пять пачек киселя в брикетах, и бутылку водки, используемую в чисто лечебных целях.

В доме по этому случаю устроили пир с танцами. Мария сидела за роялем, а летчик – Михаил Скворцов – танцевал поочередно то с бабушкой, то с Сашенькой. Потом Миша поставил пластинку с песнями Клавдии Шульженко и пригласил Марию на вальс. Все залюбовались такой красивой парой. И танцевали они изумительно. Зрители бурно аплодировали.

Миша оказался человеком очень весёлым, рассказывал анекдоты, пел песни, танцевал, и покори́л всё семейство своим оптимизмом и доброжелательностью. На несколько часов, которые он провёл в доме Золотницких, хозяева забыли о блокаде, голоде и холоде.

Миша искренне восхищался Марией, посему чувствовалось, что он очарован женой своего командира. Маше это не просто льстило, а зарядило её энергией, придало сил для выживания в страшных условиях блокады. Она с мальчиками поехала проводить дорогого гостя на аэродром. И там Миша признался ей, что влюблен в неё и будет ждать её всю жизнь.

– Вы мой идеал, идеал женщины, жены, матери, подруги, соратника!

Романтическая история всколыхнула всю семью, всем хотелось жить, работать и бороться до конца. Даже Валентина Георгиевна сделала себе причёску, накрутив волосы на бигуди, одела красивое шерстяное платье, и в госпитале коллеги не могли насмотреться на внезапно помолодевшую и похорошевшую санитарку – тетю Валю, как её называли больные. На самом деле она была биологом и всю жизнь проработала в научно-исследовательском институте старшим научным сотрудником. Приятный вечер в кругу семьи вернул ей желание и в трудных условиях блокады оставаться, как всегда, очаровательной женщиной.

На этой спонтанно случившейся вечеринке подобранная Машей девочка развеселилась и даже представилась дяде Мише, объяснив, что зовут её Сашенькой, в честь дедушки, а фамилия её – Стрельцова. Но адрес свой она не знает, потому что никто ей про него ничего не рассказывал.

– Эта кроха заполучила самых интересных кавалеров! – смеясь, заметила бабушка Валя.

Действительно, и дядя Миша, и Андрюша постоянно были при ней: приглашали её, как большую, на танцы, подкладывали ей еду, рассказывали смешные истории. После вечеринки девочка пошла на стабильную поправку. Андрюша проводил с ней очень много времени. Читал ей книжки, учил её играть в шахматы, водил на прогулки. Вместе они рисовали домашнюю стенгазету.

И вот однажды бабушка Валя и Мария взяли девочку с собой в церковь, объяснив ей самые начальные азы веры и рассказав про Спасителя Иисуса Христа, про Святую Богородицу. Бабушка Валя выучила с Сашенькой две главные молитвы, объяснив, что для того, чтобы поскорее найти маму, нужно молиться Богу, и Он непременно услышит её и поможет ей и её маме встретиться. После этого девочка никогда не приставала с вопросом, скоро ли она увидит свою маму, а очень трогательно просила Боженьку помочь ей найти свою любимую мамочку.

Церковь потрясла Сашеньку красотой убранства и горящими огоньками (свечками). Ей очень понравилась икона Богородицы, и девочка, сложив ладошки, молилась, когда рядом с ней остановилась женщина, похожая на монашку. Она опустилась на колени и зарыдала, прося Бога помочь найти её дочь. И тут в церкви раздался детский крик:

– Мамочка, мамочка, моя мамочка! – и девочка бросилась к женщине.

Все обомлели. Маша Стрельцова поднялась с колен и, всё ещё рыдая, обнимала свою дочь. К ним подошел мичман с костылём вместо ноги, который сопровождал Машу, и всё еще ежедневно полдня бродил по городу, разыскивая её дочь. Мария Золотницкая и её мама представились Маше, и женщина встала перед ними на колени, благодаря их за спасение своей дочери.

Две Марии подружились и стали почти родными людьми. Их дружба продолжалась всю жизнь.

P.S. Прошло пятнадцать лет, и в этой же церкви венчались Андрей и Александра.

Константин СПАССКИЙ

Константин Николаевич Спасский – поэт, журналист, актёр театра и кино. Родился в 1963 году в Новосибирске. Служил в Советской Армии. Окончил Новосибирское театральное училище. Работал в Новосибирских драматических театрах. С 1997 г. артист московского театра Комедии, Государственного театра киноактёра. Снялся в 140 фильмах. Автор 15-ти поэтических сборников.

Лауреат международных и всероссийских премий. Отмечен государственными, ведомственными и общественными наградами, а также премиями, дипломами и медалями РТСРК, СТД РФ, СПР, МАПБиМ. Спецкор газет «Московский вестник культуры», «Кино. Театр. Телевидение. Радио», «Вестник баталистов и маринистов». Член МГО Союза писателей России. Председатель Московского отделения Российского творческого Союза работников культуры (МО РТСРК). Член Правления Международной ассоциации писателей-баталистов и маринистов. Главный специалист отдела по работе с театральными деятелями Москвы и Московской области Союза театральных деятелей России.

Живёт в Москве.

РАССКАЗЫ

СТРЕМЛЕНИЕ К ИДЕАЛУ

Может быть, она меня когда-то любила. А может быть, была просто увлечена. Или пожертвовала своими чувствами, чтобы не разрушать мою рано начавшуюся семейную жизнь. Она была максималисткой во всём. Она так мыслила. Так дышала. Так жила. Помнит ли она о своих высоких моральных требованиях к жизни сегодня? Помнит ли она мои губы?

Нам по двадцать пять лет. Фантастический возраст! Жизнь бьёт ключом. Впереди такие перспективы, что дух захватывает! Думаю о ней. Хочется всё бросить. Приехать к ней. Объясниться. Забрать с собой. Но события увлекают в свой быстрый водоворот. И самое главное – я понимаю, что не получится начать что-то новое, не разрушив прежнее.

Кто-то сделал ей предложение. Она начала свою жизнь, от которой убежать невозможно. Слишком много всего вокруг, что придётся разрушить. Или даже убить. Смогу ли после этого я быть счастливым? Сможет ли она не видеть реальности? Сможем ли мы на руинах сохранить своё счастье? Когда-то я сделал неверный шаг. Когда-то каждый делает неверный шаг.

Некоторым людям в принципе не суждено делать желанный выбор. Но мы стремились к идеалу, и сами отказались от шага так необходимого. А теперь её глаза, её сладкие губы, её тело, её слова и рассуждения о честности остались в прошлом. Она давала мне шанс, и сама сомневалась. Она робко пыталась подсказать о главном. О главном, которое было непонятно. О, Господи, как глупа молодость!

За сорок лет жизни чего только со мной не случилось. Я встречался с женщинами, мною любимыми до безумия. Потом безумие проходило. И неважно, сколько оно длилось, я трезвел, несмотря на то, что совершенно искренне любил своих

женщин и хотел с каждой из них жить вечно, и каждой хотел отдать свою жизнь. Я загорался и сгорал. Проходило время, и всё заканчивалось. И, несмотря на мои самые фантастические влюблённости, я продолжал встречаться с тобою в своих воспоминаниях. Женщины забирали меня друг у друга, иногда без моего ведома. Мне, слепцу, всегда казалось, что я охотник, но я всегда был дичью. Меня всегда брали, как трофей. Я вырывался из отношений и вновь попадал в капкан. Когда-то, двадцать лет назад, сделанный в спешке шаг отправил меня по другому пути. И сегодняшнее стремление к совершенству разбивается о прожитые годы. Наверное, можно что-то исправить! Наверное, можно.

Нам по шестьдесят. Как-то это не чувствуется. Отражение в зеркале напоминает о возрасте. Внуки, здоровье, насущное отнимают все силы. Но я думаю про неё. Думаю, что моя жизнь, как бы прекрасно она ни состоялась – не настоящая. С нею я дышал бы одним воздухом и делал бы для неё всё, что делал и делаю сейчас для других. Любила бы меня она? Кто ж это знает? Я стремлюсь к идеалу. Она стремится к идеалу. Нам по шестьдесят лет. Вполне может быть, что если бы мы были вместе, она бы любила другого. Не признавалась в этом. Мечтала о нём. И казалась счастливой. И не разрушала наши отношения, потому что не хотела бы сломать то, что есть. Но мы не вместе. Она всегда берегла на расстоянии мою жизнь и жизнь наших детей. Она тоже не убийца. Как трудно быть счастливым, не сломав чьи-то жизни. Как трудно не быть в заложниках своего стремления к идеалу. Конечно, мы любили друг друга. Но мы не знали, что эту любовь мы будем нести в своих сердцах всю жизнь. Не знали, что это чувство сегодня для нас откроет тоскливую пустоту прожитого друг без друга времени.

Мне нужно двигаться. Нужно бежать. Заниматься тяжёлой работой и не останавливаться. Нельзя оставаться одному. Нельзя смотреть на звёздное небо. Иначе я буду думать о ней. Сердце будет бешено колотиться. А я буду понимать, что ничего исправить невозможно. Она там, в своей жизни. А я здесь, в сво-

ей. Она была невероятно красива. В неё всегда влюблялись, но я не хотел знать ни про один её роман. Знаю только то, что она вышла замуж. Никто из нас не смог вырваться на свободу. Мы уступали друг другу право на ошибку. Мы боялись причинить друг другу боль. Мы боялись потревожить друг друга. Как мы глупы. Как фундаментальны и как незыблемы наши воздушные замки.

Нам уже больше восьмидесяти лет. У нас правнуки. Я понимаю, что всё прошло. Совсем прошло. Мы всё прожили по-разному. И мы уже никогда не встретимся. Никогда. Если мы доживём до девяностолетнего возраста, и нас не накроет маразм то, что мы будем чувствовать? То же самое! Как меня грела любовь к тебе! Все мои годы. Моя любовь умрёт вместе со мной.

У меня есть друг, свидетель рождения моей любви. От него я ничего не скрывал. Он всё видел, он всё знает, он тоже чувствует к своей женщине. Его женщина умерла. Очень давно. И он живёт в воспоминаниях, как и я. Как и все люди, потерявшие свою любовь. Мы делаем шаги. Верные или неверные. Об этом мы узнаём поздно. Мы живём с осознанием своих ошибок. Живём дальше. Ставим перед собой иллюзорные цели. Достигаем их. Движемся дальше. Шаг за шагом. Но все шаги ведут нас к смерти. И как будто бы смерть всех уравнивает. Нет, это только кажется. Я люблю её, как и в двадцать. И смерть меня не уравнивает ни с кем, потому что моя любовь – моя бесконечная жизнь. Слезы могут выразить моё печальное счастье.

В девяносто лет меня преследует ясность ума. Преследует ясность! Если я шучу, то всё ещё хорошо. Слава Богу, что покидают силы. И фантазии о перемене жизни стали робкими и совсем не настойчивыми. Столько лет глупых воспоминаний! В таком возрасте есть озарения. Почему я не сделал тогда шаг к своей любви? Боялся осуждений? Ну, каких осуждений? Людская молва не стоит и гроша... Вспоминается случай. Кажется, когда мне было тридцать, я заставил ещё одного своего друга гнаться по городам всей страны за его фантастически прекрасной любовью. Тогда он просто сходил с ума. А я гнал его из дома

и заставлял мчаться по её следам. Тогда закончилась всё хорошо. Пока он гнался за ней и спрашивал у всех о самой прекрасной женщине на свете, над ним смеялись. А когда он нашёл свою любовь, то увидел полное безразличие. Это было плохо и хорошо – это было быстрое печальное отрезвление и оздоровление. Почему никто меня не погнал из дома по городам страны за своей любовью?

В девяносто всё странно и удивительно. Почему я до сих пор жив? Мои ровесники начали сходить с дистанции давно. Жизнь несправедлива. Но справедливости никогда не было и не будет. Только мы всегда будем стремиться к идеалу.

Мы все давно умерли. Кто-то в 90, кто-то в 100. Умерли по-разному. Как? Совсем не имеет значения. Наверное, из-за возраста не было особого рвения узнавать, кто как уходит. Или просто не хотелось знать, что моя любимая ушла навсегда. Мы умерли, и теперь уж точно не осталось ни малейшей, даже фантастической надежды на встречу. Теперь я боюсь встретиться на небе и узнать, что она обо мне перестала думать, когда мы расстались, и просто жила своей жизнью. Я знал, что ты моя любовь на всю жизнь, но мне тогда было двадцать лет. Самонадеянность и сила распирали меня и толкали вперёд. Так было всю жизнь. И вот нас нет. Дети, случайно разглядывая старые фотографии, возродили память о наших ушедших жизнях. Наша история возникла у них в непонятном ощущении ностальгии о прошлом. Детям уже много лет. У них своя преданная или просто оставленная любовь. На мгновение они соприкоснулись с нашими жизнями и, кажется, всё поняли, как и я, когда рассматривал фотографии своих родителей. Как детям интересна своя жизнь и как неинтересна моя, тем более что история моей жизни и моей любви не оригинальна. Теперь, после смерти, я всё отчётливо вижу и всё очень хорошо понимаю. Только это всё после смерти.

Как я умер, я не знаю. Сколько лет назад? Сто? Двести? Не знаю! Тут время теряет всякие единицы измерения. Здесь нет моей любимой. Здесь вообще ничего нет. Здесь только я и моя нарастаченная любовь.

ХОРОШАЯ ЖИЗНЬ

Моя бабушка Надежда Степановна родилась в 1909 году. В 1938 году родился её первенец Вова. В марте 1941-го года родился мой отец Коля, а в июне началась война. Тогда же ушёл воевать мой дед Николай Викторович. В 1943-м в наш родной Новосибирск пришла похоронка. История моей семьи очень похожа на многие и многие истории семей того времени. В тылу работали для фронта. И выживали. Выживали, как могли. Голодали. Летом спасало то, что росло повсюду – лебеда и крапива. И можно было забить голодные желудки варёной и жареной зеленью. Война закончилась. Справились с голодом. Прошло много лет. Отец женился на нашей маме – Ане. В 63-м родился я, в 64-м моя сестра Лида. Родители работали на заводах. Деньги получали обычные. Маленькие дети, естественно, отнимали много времени. Очень выручала бабушка. Когда нам исполнилось по 4 – 5 лет наша бабушка стала забирать нас летом на садовый участок. Это шесть соток, которые тогда нарезали трудящимся в качестве поощрения. Отец выстроил на земле домик из досочек в одну комнатку – 3 на 3 метра. Бабушка хлопотала на участке, а мы с сестрой помогали, чем могли – ели малину, смородину, клубнику и всё, что поспевало к нашему приезду. Конечно, когда мы подросли, наша помощь стала существенней. Ягоду собирали в баночки, пропалывали грядки, поливали. В общем, выполняли какую-то нехитрую работу. Но это предисловие.

Бабушка варила нам суп. Самый вкусный суп на свете. В кастрюлю кидалось всё, что было привезено с собой: картошка, яичко, может быть, какие-то консервы, может быть, что-то ещё, но самое главное – крапива. С ранней весны до поздней осени её полно везде. Когда кастрюля снималась с огня, то бабушка добавляла туда немного подсолнечного масла.

Потом, когда я и Лида сами повзрослели, то варили похожий суп, угощали им уже своих детей. Но бывало это редко. Очень редко. Хорошо жить стали. Хорошо ведь!

ПИЦЦА ОТ ОЛЕГА

С Олегом Плотниковым дружим очень давно. Люблю приезжать к нему в гости. Летом сидеть на его балконе просто красотища! Шестнадцатый этаж. И свежий воздух, и вид, и настроение! И всё в цветах и зелени. Его замечательная жена Римма хозяйка хлебосольная, она выставляет на стол вкусности и всякий раз придумывает что-то новое. Мы с Олегом иной раз засиживаемся, он много чего знает и всегда готов поделиться своими знаниями. Собеседник он интересный. Разговоры ведём нешуточные, начиная с новостей личного характера и заканчивая обсуждением научных космических открытий. Ну, это уж сколько выпьем. В очередной раз, зайдя к нему в гости, застал его за приготовлением пиццы. Римма уехала к родственникам. И Олег сам занялся готовкой. На тонкий корж накладывал кусочки сыра. Потом помазал это кетчупом, потом разложил оливки, затем кусочки колбасы, грибы, снова оливки, зелень, кетчуп, другой сыр. Всего и по много, и по чуть-чуть. Конечно, что там было, я не запомнил. Всё это оказалось значительно толще самого коржа и выглядело внушительно. Когда пиццу достали из духовки и попробовали, то поняли, что вкуснее ничего быть не может. Просидели тогда долго, но обсудить все проблемы не успели. Вот такая была однажды пицца у Олега. Мы встречались часто. Римма нам готовила сама. Мы и дела обсуждали, и всякое такое дегустировали. Но, когда началась пандемия, Олег умер. Многие умерли в тот период.

ПЁС, НЮХАЮЩИЙ ВЕЧНОСТЬ

Шпиц Тедди (или Теодор Константинович, это жена дала ему отчество) любит гулять. А мы любим его. Поэтому гуляем. Когда хорошая погода, то днём гуляем часа полтора. Ходим и смотрим за его действиями, будто у нас других забот нет. Когда он всё сделает, успокаиваемся. Но бдительности не теряем.

Тедди, как настоящий доминант, всегда готов сорваться на другого доминанта, поэтому поводок всегда на контроле. Кроме того, на улице можно найти какую-нибудь еду. Не обязательно отравленную, но для домашнего пса совсем ненужную. Когда куски еды большие, то их можно вытащить из пасти, а если маленькие, то даже и не заметишь, что он проглотил. Довольная морда не всегда соответствует качеству еды. Мы уже научены горьким опытом. Было дело, наш любимый пёс начал от боли просто кричать. Опущу подробности. В ветеринарной клинике рентген показал в его пищеводе иголку. Под общим наркозом её вытащили. Мы с женой чуть не плакали, когда наш парень начал приходить в себя и лакал воду. У моего друга Никиты умерла такса Прага, съевшая на улице яду. Ветеринары не смогли её спасти, яд оказался очень сильным. С тех пор догхантеры стали для нас чем-то конкретным.

Теперь всякий раз мы смотрим, что пёс сделал. Если всё, как и положено, то и жизнь прекрасна. Его нос всё время вынюхивает следы сучек и, конечно, что-то ещё вкусное. Хотя, что может быть вкуснее? Однажды Инна, моя жена, доверилась разуму нашей кобелины и сняла его с поводка. Пробегающая мимо дворовая сучка нашего парня увела навсегда. Жизнь маленькой собаки на улице очень коротка. Прощание с любимой собакой, ощущение чего-то непоправимого, подавленность и паника, страх и недоумение от такой внезапной смерти мгновенно испортили всю нашу жизнь. Тучи среди бела дня сгустились. Жизнь дала трещину. И самоедство стало нашей карой. Но сытые уличные псы, вероятно, просто отогнали от своей подружки нашего малявку, и через несколько минут он вернулся к нам. Век живи, век учись. Кобелям доверия нет...

Нынче была замечательная летняя ночь. Мы с Тедюном гуляли около двух часов. Не то чтобы всю жизнь я мечтал шляться по ночам, но опять попал под собачье влияние и просто ходил за ним. Мною он часто командует, – всё время. Упирается и тянет поводок в свою сторону. Мы стоим и чего-то ждём. Конечно, я могу потащить его за собой, но смеюсь и иду за ним. Очень обаятельное упрямство веселит всю прогулку.

Сейчас нашему мохнатому мальчику шесть с половиной лет. И вот стал я замечать ночами, что наш пёс останавливается и начинает вглядываться в ночное небо. Не тянет никуда, а просто стоит и смотрит на ночные фонари, на деревья, на звёзды. Как-то мы проходили мимо влюблённой парочки, обсуждающей полёты спутников и падение метеоритов, и, видать, разговор он услышал и запомнил. И теперь вместе с ним я задираю голову и смотрю на то, чего не понимаю и всю жизнь пытаюсь хоть как-то осмыслить. Всё вокруг необычное и таинственное. Тедди смотрит долго. Стоит, как вкопанный, размышляет свои собачьи мысли. На морде отображается интеллект. Огромные глаза блестят.

– Что, Тедька, вот он какой космос. Там ещё ракеты летают. А за ракетами планеты и какая-то вечность и бесконечность, – начинаю я разговор.

– Извини, отец, я вообще ничего не понимаю. Но всё так притягивает и пахнет призывно, – отвечает мне Тедька, вдыхая ночное пространство. – Фонари очень красивые. – Добавляет он, не отрываясь от созерцания чёрной ночи.

– Моему разумению это тоже не подвластно, – объясняю я псу. – Вот деревья какие огромные, каждое из них ты пометил. А им до тебя нет никакого дела. Мы с тобою помрём, а они ещё стоять будут. Это природа.

– А помрём – это что? – спрашивает пёс.

– А это тебе не к чему. Нет такого. Собаки не умирают. Живи себе и живи, – отвечаю я.

Тедди продолжает смотреть в пространство и всё понимает. Его глаза стали ещё больше. Он нюхает ветер. А я смотрю на него и гадаю, что там за думы в маленькой голове. Тедди шпиц немецкий, и вроде бы понимать его я не должен, но мы преодолеваем языковой барьер.

– Значит, это вечность так вкусно пахнет? – спрашивает пёс.

– Вечность, – отвечаю я.

Вечность действительно вкусно пахнет свежестью, травой, рекой и ещё чем-то очень приятным.

– Давай ещё постоим, понюхаем?

КОНСТАНТИН СПАСКИЙ

– Давай постоим. А то может домой? – предлагаю я. – Есть будешь?

– Буду. А завтра вечность куда не денется?

– Никуда, – отвечаю я.

– Гав-гав! – Тедди услышал вдалеке шум и снова стал собакой.

А я смеюсь над нами и тяну парня в подъезд. Для ночного гуляния два часа – это слишком. Завтра так долго нюхать вечность не будем. Я стал совершенно «совой», надо прекращать работать ночами. А впрочем, ничего не надо. Ничего, потому что я скрыл от любимой собаки важную истину – все умирают. А те, которые умирают раньше, оставляют на сердцах живущих глубокие раны. И ничего с этим не сделать. Это данность. Только вот иногда раны ноют очень сильно.

– Гав-гав! – Тедди не дал углубиться в ненужное.

Помоем парню лапы и покормим. А завтра ночью опять пойдём нюхать вечность.

Антонина ШМАТКОВА

Антонина Никоновна Шматкова – поэт, прозаик. Родилась в Кемеровской области. Образование – Кемеровский горный техникум, КемТИПП. Экономист, ветеран труда. Член Союза писателей России. Поэт, прозаик. Издала семь отдельных книг. На фестивале «Играй, гармонь» исполнители песни на её стихи получили Гран-При. В Кемерово несколько лет была руководителем ЛИТО «Моя строфа» при Совете ветеранов. В Наро-Фоминске два года была членом жюри «Поэтическая акварель». Четырежды победитель литературных конкурсов. Имеет награды – четыре диплома победителя. Два из них – статуэтка «Золотая звезда» и именная статуэтка – «Серебряный крест». Награждена медалями – из них медаль МГО СПР «За мастерство и подвижничество во благо русской литературы» и орден за вклад в литературу России XXI века. Лауреат премии в честь 140-летия А. Блока.

Живёт в городе Наро-Фоминске Московской области.

ВРЕМЯ НЕОБРАТИМО

Повесть

Лёгкий ветерок покачивал ветки черемухи, отчего яркие солнечные лучи блуждали по моему лицу. Я проснулся, взглянул в окно. Единственное на селе двухэтажное здание, находящееся неподалёку от нашего дома, радовало мой взгляд. На первом этаже этого дома располагался сельмаг, а на втором находились правление, кабинет председателя сельпо, красный уголок и бухгалтерия – в ней-то и работал главным бухгалтером мой отец Емельян Титович. Его тёмный чуб послушных волос, густые чёрные брови и серые, умные глаза были привлекательны. Продавцы магазинов из деревень всей нашей округи съезжались с отчётами, и тогда работы хватало всему немногочисленному штату конторы. В те времена отец слыл грамотным и честным бухгалтером. Ещё до революции, будучи подростками, они вместе с моей будущей мамой окончили церковно-приходскую школу, а позднее, когда были созданы коллективные хозяйства, на одном из собраний отца единогласно всем селом выбрали для того, чтобы он поехал учиться на рабфак в город Томск. Был мой отец из многодетной семьи бедняков, ходил в броднях, а поэтому, чтобы поехать учиться в город, приобрести сапоги ему помогла деревня. На селе он отличался трудолюбием, слыл хорошим гармонистом и неплохо пел. Теорию бухгалтерского учёта познал, учась на рабфаке. И сегодня, накануне второго квартала и первого полугодия, отец спозаранку собрался на работу. «Вот так каждый месяц дебет с кредитом свожу, считаю до единой копейки, а иначе что за баланс», – любил повторять он. «С отчётом надо поторапливаться, время-то, оно не ждёт, не заметишь, как сенокос начнётся, тогда время вовсе в обрез!» – посмотрев на маму, сказал он озабоченно. Мои родители были для меня дорогими и любимыми, и сейчас, услышав голос отца, я порадовался его присутствию. Ещё немножко полежав, потянулся, почув-

ствовал запах жареной картошки, и мне захотелось побыстрее встать. Приспособленный в углу кухни жестяной умывальник был наполнен холодной водой. Я быстро умылся.

– Мишенька, что-то ты сегодня рано проснулся, – поставив на стол кувшин с молоком, тихо, чтобы не разбудить младшего братишку, сказала мама. – Сейчас каникулы, мог бы поспать подольше. Ишь ты у нас какой способный! Как пошёл в школу – каждый год, за каждый класс имеешь похвальные грамоты. Если дальше будешь так учиться, может, каким-нибудь учёным станешь, – подойдя ко мне и поглаживая меня по голове, с гордостью продолжила мама. Мне было хорошо от маминой похвалы, от общения с ней, и, ощущая тепло её рук, я молча смотрел в её глаза, наполненные добротой.

– Mam, а Дамку накормила? – вспомнив про собаку, спросил я.

– Нет, ещё не накормила, я провожала в стадо Манявку с тёлкой, – поправляя прядку волос, ответила мама.

Манявка – это наша корова, удивительное животное, она как-то тихо, по-особому мычала в такт человеческой речи, будто поддерживая разговор. Я взял приготовленную для собаки пищу и побежал к ней. Дамка была не одна. Её конура недавно пополнилась щенками, один из них в точь-в-точь был похож на мать: такой же чёрный, а над глазами коричневые пятнышки. Прильнув мордочками к соскам, щенята наслаждались материнским молоком. Когда я вылил пищу в собачью миску, Дамка подошла к ней и жадно стала поедать содержимое. Давая матери справиться с едой, щенята принялись играть. Я позанимался с ними и вернулся в дом. Вскоре проснулся трёхлетний братишка. «Ну вот, теперь можно и на гармошке поиграть», – с радостью подумал я. Я снял с комода отцовскую гармошку, поставил её себе на колени и стал перебирать клавиши, наигрывая «Подгорную». Звуки гармони привлекали меня с самого раннего детства, и сейчас я играл то, чему научился от отца. Виталик, так звали моего брата, ещё раздетый, крутился около. Я поставил гармошку и помог одеться Виталику. В это время мама накрыла на стол. Мы поели. За окнами, на нарезных наличниках, весело

чирикали воробьи. Поглядывая на нас и радуясь нашему дружному общению с братишкой, умиленно улыбалась мама. Вскоре она вышла за чем-то во двор, но тут же вернулась. Её лицо выдавало тревогу, и она с волнением сказала:

– Миша, что-то народ у клуба собрался, сбегай-ка, узнай.

Ещё издали я увидел в толпе нашего отца. Из собравшихся были в основном мужчины. Тогда село Колеул, как и многие деревни нашего района, не имело радио. Информация поступала сначала в районный центр, а затем к нам, но то, что на Советский Союз вероломно напала Германия и что уже идут бои – такое тяжёлое сообщение нам поступило в сельский совет по телефону. Я подошел поближе и встал рядом с отцом.

– Мужики, не горюйте! Чего бы нам ни стоило, но мы равно накостыляем этому Гитлеру! – смело высказывался наш сосед Василий Иванович Пищёлин. С самых первых минут такого страшного сообщения сибиряки были уверены, что осият врага. Здесь же стали рассуждать: кто попадёт в первую мобилизацию, а кто в последующие. В августе 1941 года пришла повестка моему отцу. В тот день из нашего села на фронт увезли несколько человек. Женские рыдания и плач детворы перемежались сдержанной мужской шуткой. Отец держал на руках Виталика, а мы с мамой стояли рядом. Затем он поцеловал Виталика, опустил его на землю. Мама, как и все провожающие, плакала. Успокаивая маму, отец поцеловал её, затем обнялись и расцеловались мы; после этого он сел на телегу, и, когда кони тронулись, мы долго махали отъезжающим вслед. Увозили призывников на фронт на подводах по два человека. Мой отец и его друг Иван Кириллович Кашин уезжали вместе, а я в свои двенадцать лет уже осознавал, что они призваны защищать нас и нашу Родину от врага.

Тоскливо стало после проводов отца, но жизнь продолжалась, а деревня жила в большом трудовом подъёме. Наша мама теперь, как и все селяне, с утра до ночи работала в колхозе. Многим колхозникам приходилось ночевать на полевом стане. Зарботки были низкие, хлеб в магазинах выдавался строго по карточкам, питание было скудным. Осенью я пошёл в школу,

в шестой класс. Однажды на уроке русского языка наша учительница Вера Николаевна говорит: «Дети, после моей команды “Раз, два, три” хором скажите самое заветное сейчас ваше желание». Будто стоворившись, мы все враз крикнули «Исть!». В голубых глазах Веры Николаевны, опущённых тёмными ресницами, появились слёзы, но она успела сказать: «Правильно будет “поесть”...» и, уже не сдерживаясь, от жалости к нам, да и к себе, заплакала.

Письма от отца приходили часто. Служить ему пришлось далеко от Западного фронта, в Приморском крае, в одной части с товарищем, с которым вместе призывались. Мы с мамой с радостью отвечали на каждое отцовское письмо и, как все в деревне, ожидали окончания войны, хотя вести с фронта были плохие.

Косить сено меня научила бабушка Авдотья (мамина мама) ещё тогда, когда мне было семь лет, и теперь сенокос мне был не в новинку. На одной большой поляне скошенная трава подсохла и уже «просилась» в стог. «Миша, ты сегодня в копны складывай, а я потом отпрошусь с работы, и мы с тобой стожок сена смечем, надо успевать, пока нет дождей», – уходя на колхозную работу, беспокоилась мама. Вскоре мы с мамой сложили то сено в стог, но, зная о том, что одного стога сена на зиму не хватит, я брал на свои хрупкие плечики косу и шёл за мельницу. От взмаха косы сочная трава ровными рядами устилала луг, с меня лил пот, зато спасала ключевая вода. Я набирал из родника эту прозрачную воду, с жадностью пил её, а чуть отдохнув, вновь брался за работу, и не были помехой мой маленький рост и моя тогдашняя худоба.

Осенью мне удавалось охотиться почти дома. За нашим огородом находилось болото. Иногда там садились дикие утки. Увидев уток, я брал отцовское ружьё, тихонько подползал поближе, клал ружьё на жерди изгороди и стрелял в уток. «Миша, сынок, ты опять с добычей!», – в таких случаях радовалась мама.

Наступила суровая сибирская зима. Дрова на зиму мы заготавливали ещё с отцом. Всю зиму я помогал маме по хозяйству. Своей любимой работой считал ту, когда давал сено Манявке

и доил её. Когда кончалось молоко и надо было прекратить доение, поворачивая ко мне голову, Манявка жалобно мычала. Мы будто понимали друг друга.

Гудит ветер над Мариинской тайгой, качает Калмацкий ельник. Калмацким ельником сельчане называли возвышенное местечко, где весной буйно цвела черёмуха, и здесь же, на этом месте, росли редкие кедры, они были просто великанами. А сколько кедровой шишки на них бывает! Залезешь на кедр: спелая шишка ближе к верхушке, бьёшь бойком, глядишь – кедровых шишек с одного кедра уже больше мешка. Крупные шишки обычно растут на больших ветвях. Ну, это будет снова к концу лета, а сейчас за окнами зимняя стужа. Снега намело в уровень дворов и тына. Я сижу, рисую игральные карты. Рисую их чернилами, а раскрашиваю красками. «Ну и здорово у тебя получается!» – глядя на нарисованные мною карты, восхищается мой одноклассник Аркаша Тюлькин. Я улыбаюсь, а он мне: «Да, в деревне все говорят, что ты здорово рисуешь карты».

Весной в наше село постучала беда. Пришли первые похоронки. Погибли Тимофей Черепко, Василий Иванович Пищёлин, но такое горькое сообщение будто прибавило селянам силы.

Шестой класс я опять окончил с почётной грамотой. Летом наша мама, как всегда, на колхозной работе с утра до позднего вечера. Я управляюсь по хозяйству. «Миша, не забывай, корми Виталика, ешьте, а то заиграетесь и про еду забудете. Молоко в кувшине в погребе стоит, не забудь, полей огурцы», – уходя на работу, давала мне наставления мама. Я с охотой выполнял все её поручения, но как только выдавалось свободное времечко да ещё из-за туч выглядывало солнышко, мы бежали на Курейку. Озеро Курья впадало в нашу реку Кию, которая углом протекала рядом с Колеулом. Слева от Курейки распростёрся нижний луг, а дальше, до Калмацкого ельника – верхний. На этих лугах косили сено для колхоза. Эти луга во время сенокоса «дышали» запахом скошенных трав, а чуть позднее на них образовывались стога сена, созданные каторжным трудом колхозников: Женщин-солдаток, вдов, стариков и подростков.

Наступила зима. Мы с мамой часто писали отцу на Восток, а его ответные письма обнадеживали нас, что победа будет за нами. «Ждите меня, и я вернусь», – писал он. Но в эту военную зиму у нас было плохо с дровами. Однажды, когда я шёл из школы, меня встретил Семён Иванович Ганьшин. На фронт его не призвали – сильно подвело зрение. Мы поздоровались, и он тут же попросил: «Миш, ты здорово рисуешь карты, нарисуй мне, а я тебе за это дров привезу». – «Годится!» – сказал я улыбаясь. Мы ещё немного поговорили, и я пошёл выполнять просьбу Семёна Ивановича. Привезённые Ганьшиным несколько стволиков берёз мы с мамой испилили, и сейчас во дворе горкой лежали берёзовые чурочки. На концах чурок кое-где кружевом свисала береста. Я взял топор и стал колоть дрова, когда выбивался из сил, топор брала мама. Таким образом, получилась отличная поленница.

Жилья своего в Колеуле у нас в то время не было. Мы жили на квартире в половине дома хозяев. И вот в это суровое время хозяйка потребовала от нас расплачиваться за квартиру хлебом, но нам самим не хватало того хлеба, который давали по карточкам за отца. Да и суровая сибирская зима поглотила те дрова, которые мы с мамой так тщательно заготавливали.

«Мишенька, ты домовничай, а завтра с утра пойду в Кирсановку к родителям, может, договоримся о жилье. Если получится договориться, то поедем жить к деду Филиппу в Кирсановку».

На дворе начало весны – март, время оттепелей, время пробуждения чудодейственной сибирской природы. Утром мама, как и говорила, отправилась в Кирсановку. Эта деревня находилась в двадцати километрах от Колеула. У деда Филиппа с бабушкой Авдотьей я гостил каждое лето. О, мои милые и добрые предки! Встречали они нас всегда приветливо.

Расположена Кирсановка ближе к Томской области. За деревней протекает изумительной прозрачности речка Чадат. По обоим её берегам располагается таёжка с пахучим ельником и пихтой. Дальше деревня Уколь, а ещё дальше, через Кию, расположена деревня Туйла. От Туйлы начинается настоящая тайга – дремучая, угрюмая, удивительно сказочной красоты.

В этой Туйле проживал дед Гариф. Уходя в тайгу на охоту, он обычно возвращался с добычей, зимняя тайга особенно манила его своими звериными тропами. Как-то осенью, ещё до войны, неподалёку от той деревни обнаружили задранную медведем корову. Селяне встревожились. Собрав компанию, на то место отправился дед Гариф. Медведь действительно оказался там, где была его добыча. При виде медведя люди разбежались. Охотник остался наедине со зверем. И вот Гариф уже под медведем. Этот царь тайги ловко подмял деда, издрав ему своей лапой лицо, и вырвал Гарифу левый глаз. Изнемогая, почти теряя сознание, Гариф не сдаётся.

Из последних сил ему удаётся вонзить в медведя кинжал, и эта рана оказалась для него смертельной. Когда, прихватив ружьё, на выручку прибежали собравшиеся толпой селяне, они увидели неподвижного медведя, а рядом, весь окровавленный, без сознания лежал дед Гариф. Даже и сейчас в Гарифе узнавалось удаль сибирского мужика. Собравшиеся осторожно перенесли его на телегу, возчик тронул коня, и вызвавшиеся трое селян отвезли его в фельдшерский пункт Колеула. Там ему сделали перевязку. На перевязки Гарифу пришлось приезжать до полного выздоровления. Он быстро поправился, но лицо его осталось перекошенным от разрыва лицевого нерва. А на месте левого глаза всю оставшуюся жизнь Гариф носил чёрную повязку.

Мартовский день подходил к концу, но мама с новыми для нас вестями ещё не вернулась. Я волновался, вспоминая об истории, происшедшей с дедом Гарифом, и разные рассказы о том, что волки нападают на людей, тревожили меня. Я залез на крышу и стал вглядываться вдаль: не покажется ли силуэт мамы, но на дороге никого не было. «Да, это не близко», – подумал я, и меня опять одолела тревога за маму. Вернулась она только на следующий день. По договорённости правление колхоза должно было прислать за нами подводу. Но на следующий день за нами никто не приехал, а нам надо было выжить в эти суровые военные годы, и мама послала в Кирсановку меня.

После уроков, надев мамины новые сапоги, я бегу по мартовской дороге, где хрустящие льдинки переходят в твёрдый настил

снега, придавленного полозьями саней. Ощущение тонкого запаха весны, тепла и чистого воздуха чаруют меня, но где-то в глубине души опять одолевает тревога: боюсь услышать вой волков. С этими мыслями я несусь по дороге, окаймлённой с обеих сторон березняком. Наконец показались крыши домов. Вскоре я подбежал к знакомой калитке. «Миша, уже поздно! Да как же ты не побоялся? Кругом лес, опасно», – встречая меня на крыльце, причитала бабушка Авдотья. Весь мокрый от пота, я был рад встрече с родными, близкими мне людьми.

На следующий день рано утром дед Филипп поспешил в контору. Как я торжествовал! Посоветовавшись, правление колхоза решило выделить нам лошадей для переезда. В тот же день мы переезжали на подводах в Кирсановку, в колхоз «VIII съезд Советов». Я ехал на коне, звали его Крючок. Удивительно умная лошадь. Мартовская дорога не из лёгких, а поэтому там, где был обрез дороги, он обходил этот обрез, создавая на снегу новые полозья. Когда мы подъезжали к деревне, уже смеркалось.

Итак, 22 марта 1943 года мы вместе с мамой стали членами колхоза. Не окончив полностью седьмой класс, я прекратил учёбу. Мне было грустно от того, что я больше не хожу в школу, потому что каждый день, проведённый в школе, открывал путь к знаниям, но я понимал, что шла война.

Как говорят, в тесноте, да не в обиде. Вместе с нами тогда у деда Филиппа жила тётка Нюра с дочерью. Её муж, мамин брат Иван Филиппович, ещё до войны и в первый год войны работал трактористом в МТС, был бригадиром, а в 1942 году дяде Ване тоже пришла повестка. Воевал он в основном на передовой. Мы за него все сильно переживали. Его письма с фронта читались вслух. Помню одно из них, где он описывал, как идут бои. И закончилось письмо обращением к тёте Нюре словами из песни: «До тебя мне дойти нелегко, а до смерти четыре шага». Ох, как нелегко началась моя трудовая жизнь! Получалось всё плохо. Я даже не умел ездить верхом на лошади. И в первые дни из-за ссадин сильно болело одно место. Из-за моего маленького роста мне трудно было надевать на лошадь

хомут. «Господи, хомут-то больше тебя!» – подходя ко мне, сетовала мама. «Мам, а Алексей Родионович, наш бригадир, такую мне лошадь дал, представь: я подхожу к ней с хомутом, становлюсь на носочки, а Сивка сам подставляет голову, и хомут уже на лошадке». Я старался, учился крестьянскому ремеслу от людей, для которых это дело было привычным, и вскоре у меня всё стало получаться.

Общеобразовательная школа в Кирсановке была только до четырёх классов, а поэтому мне, как более грамотному на селе, стали поручать ответственную работу весовщика. В осеннее время я принимал на полевом стане зерно, которое подвозилось от комбайнов. Обработывалось это зерно на веялке, а затем его на лошадях отправляли на элеватор, в Мариинск. В дальнейшем работу приходилось выполнять разную. И везде нужны ловкость, умение. «Мишенька, вот так ловчее», – поучая меня, обычно говорила мама. Однажды осенью после раскомандировки ко мне обратился бригадир: «С сегодняшнего дня ты будешь подвозить дрова к сушилке». Получив распоряжение, я быстро запряг Сивку и поехал по заданию. Остановился у берёзовой рощи. Густота деревьев склоняла к тому, что рубить можно в этом месте. Я начал рубить. Срубив одну небольшую берёзку, погрузил её на телегу, начал рубить другую. Но вдруг от сильного порывистого ветра подрубленную берёзу наклонило, и придавило меня этой берёзой к соседнему дереву. Да так придавило, что и пошевелиться нельзя, дышать невозможно. Навалился страх, но желание жить либо мамина молитва помогли. Ветер будто смилостивился надо мной, немного изменил направление, слегка выпрямил берёзу и затих. Я кое-как высвободился. Дополз до телеги. Будто чувствуя человеческую беду, Сивка вёз меня осторожно. «Матушки, что с тобой?!» – увидев еле шедшего меня, взмолилась бабушка Авдотья.

Дома она дала мне тёплого молока и помогла лечь в постель. «Вот горяшко! Скоро придёт с работы мать – расстроится!» – суетилась бабушка. Наконец пришла мама. Увидев меня лежащим, забеспокоилась: «Миша, ты чего это слёг, заболел, что ли?». Через силу я начал рассказывать о том, что со мной про-

изошло. Со страхом в глазах, покачивая головой, мама слушала меня и с мольбой в голосе, глядя на иконы, стоящие на божничке, взмолилась: «Господи! Помоги Мише поправиться!». «Лежи тихонечко, не двигайся», – приговаривала она, поглаживая меня по голове своей тёплой рукой. Недели две меня мучали боли, постепенно заживала ободранная кожа на груди, а потом всё пошло на поправку.

Далёкий сибирский район, и тайга здесь напоминала о себе. Давали о себе знать и хищники, водившиеся в ней. Однажды зимним вечером мы с мальчишками пошли в школьный двор поиграть. Вдруг послышался волчий вой. Мы тоже начали выть, как воют волки, – подражать им. Затем раздались выстрелы. Люди стали стучать о железо. Вой волков прекратился. Мы разбежались по домам. В ту пору в Кирсановке жил Ермолай Иванович. По болезни на войну его не призвали, а вот на волков он ходил. Там, где были волчьи тропы, Ермолай ставил большой капкан. Волк попадал в капкан лапой, а к капкану через цепь охотник привязывал груз килограммов на 6-8, и тогда волку с этим капканом и с этим грузом далеко не уйти. На сей раз было так же. Деревне стало известно, что охотник явился с добычей. Мы побежали смотреть. Когда подбежали, я увидел: крупный, с большую собаку, оскалив зубы, серый лежал недвижим. Я смотрел и думал: как же зайцы или другие слабые животные страдают от этих хищников! Но такой случай был особый: в 1944 году тёмной осенней ночью на окраине деревни, где была ферма, в загороженном жердями загоне, на площади около двух гектаров, волки напали на овец. Об этом на утренней разрядке сообщил бригадир Иван Фёдорович. Узнав о такой беде, я и мои друзья – Илья, Шурик и Петька Горин – побежали к загону. Собрались люди, там же была моя мама. На земле лежало несколько окровавленных овец, было много крови. Овцы были частично объедены, у некоторых виднелся позвоночник и часть рёбер. Одна из этих овец была наша. Она лежала с запрокинутой головой. У неё была рваная рана в паху. Это своеобразное ранение волком. Снаружи рана небольшая, а в глубине – обширнее. Овца была ещё живая, но нам пришлось её приколоть. Увозили

раненых овец на лошадях. «Нам не страшен серый волк», – пытался шутить Ермолай Иванович. И в самом деле, люди не падали духом. Все жили одной надеждой, одними мыслями: разгромить, победить фашиста! Ждали с фронта кто мужа, кто отца, кто брата, а кто просто односельчанина. При получении чьей-то семьёй похоронки собирались пособолезновать не только родственники, но и соседи, а то и целые коллективы – бригады колхоза. Сочувствовали, вспоминали о погибшем, вместе плакали, успокаивая тех, кто получил похоронную. Брата моего отца Чуфистова Максима Ивановича и Чернова Степана Матвеевича встречали всей деревней. Эти два друга детства после боёв попали в госпиталь и случайно одновременно вернулись в родную деревню. Многие сельчане встречали их со слезами на глазах. Степану Матвеевичу ампутировали правую голень, а Максим Иванович был ранен в бедро и ходил на костылях, но они были полны оптимизма и каждый из них повторял: «Бои тяжёлые, но победа будет за нами». Эти два фронтовика очень хорошо пели. Их фронтовые песни стала петь вся наша деревня. «Бьётся в тесной печурке огонь», «Ты ждёшь, Лизавета» и другие. Вечером собирались обычно у Степана Матвеевича, и песни не умолкали допоздна. Глядя на них, искалеченных, люди пели и плакали. А война лютовала, унося, обрывая жизни молодым горячим сердцам. «А у нас недавно на фронт забрали мужика с бельмом на глазу, а второго – хромого», – рассказывала мамина знакомая из Мариинска, тётка Наталья. – «Я-то спрашиваю: “А чё там хромой-то делать будет?”. А военком говорит: “Так он хороший сапожник, будет сапоги подбивать”. Вот как наш народ воюет», – со слезами на глазах, вздохнув, произнесла она. Но повеселев, добавила: «Сказывают, даже сами пленные утверждают, что войну они проиграли». Как-то дед Филипп дал мне почитать письмо от второго мамино брата Ковтунова Федота Филипповича. Я немного помнил крепкого весёлого дядю Федота. В 1938 году его призвали служить в Советскую Армию, а когда началась война, он вскоре попал на фронт. Мы долго хранили его последнее письмо. Он писал: «Нахожусь на фронте Северо-западного направления, под городом Новго-

родом. Сейчас пишу из военного госпиталя. Ранен, но скоро опять буду в своей части. Успехи у нас были хорошие, а сейчас не знаю. Новгород и Чудово были окружены со всех сторон и только километров пять не успели соединиться с войсками Ленинградского направления. В тылу противника действовать было трудно. 8 декабря 1941 года меня переаттестовали. Теперь я старший лейтенант. А через полтора месяца пошлют на аттестацию капитана». Мы всей семьёй часто перечитывали это письмо. А на нашем клубе у сельского Совета висел лозунг: «Всё для фронта! Всё для победы!». И люди работали. Многие ночевали на полевых станах. Нам, подросткам, хотелось искупаться и поиграть, но мы неустанно работали наравне со взрослыми. Иногда казалось, что душевные и физические силы иссякли, но молодость брала своё. После уборки урожая собирались в клубе. К этому времени в нашей деревне я стал незаменимым гармонистом. Под мою гармошку женщины наперебой пели частушки. Голосистая Дуся пела:

«Мой милёнок раненый, лежит в больнице каменной с перевязанной рукой, сулится милый мой домой». Говорят, мысли и слова материальны. И действительно её милый вскоре вернулся с фронта.

И вот снова весна! Вся природа загудела радостным шумом. Весна проникла в каждый клочок земли, пробудив всех лесных зверей, птиц и насекомых. Этой весной фронтовые сообщения стали радовать. На полях нашего колхоза шла посевная. Все подростки и женщины работали в поле. В то время моей обязанностью было подвозить воду к складам с зерном. Когда я подъехал к складу – увидел: около сельского Совета собрались люди, они ждали почтальона. И когда сообщили, что война кончилась, люди обнимались, целовались, радовались и плакали, кто за погибших на фронте, а кто от радости, что родные, близкие скоро вернуться домой. А главной радостью была победа над врагом!

Вскоре стали возвращаться демобилизованные воины. Вернулся наш дядя Ваня. А вот дядя Федот так и не вернулся. В 1943 году с Ленинградского фронта было сообщение о том,

что он пропал без вести. Одним словом, военное время оставило свой суровый след. Отец наш всё ещё служил на Востоке, там шла война с Японией. В конце войны моей дорогой, любимой маме Людмиле Филипповне удалось недорого купить дом. Рассчиталась она за него немного деньгами и своей новой меховой дошкой. Встречали мы отца с фронта уже в своём доме. Эта встреча состоялась осенью 1945 года. С поезда отец сразу зашёл к Недоспасовым. Это приятели моих родителей, жившие в Мариинске. До войны наш отец и Недоспасов вместе работали в Колеульском сельпо, а после войны Василия Ивановича назначили на должность председателя Мариинского горсовета.

Был поздний вечер. Мы с мамой вернулись с работы и уже ужинали. К нам постучали. Я выглянул в окно и узнал Недоспасову тётю Пашу, а затем увидел отца и Василия Ивановича. «Мама, Недоспасовы на лошади приехали! Нашего папу привезли!» – закричал я радостно. Мы все: мама, я и Виталик побежали к воротам. Я подбежал первым и открыл их. Мы обнимались, плакали, целовались и радовались. Моим слезам не было удержу. Я не мог оторваться от папы. Не мог сдержать слёзы, они ручьём текли из моих глаз, я всё плакал и плакал, вспоминая суровые годы войны. «Сынок, я тебе привёз подарки: книги, офицерскую шапку». Он привлёк меня к себе, надел на меня шапку. «Посмотри-ка, какой ты боец!» – весело воскликнул папа, но я всё равно плакал. Виталик уже играл привезёнными отцом игрушечными машинками, а я всё не мог успокоиться. Новость в деревне разносится быстро, а такая новость разнеслась ещё быстрее, хотя было уже поздно. Вскоре к нам пришли председатель колхоза Кирилл Васильевич и папин друг детства Адам Фёдорович, работавший бригадиром. Мама быстро накрыла на стол. «Гости, давайте садитесь за стол. Дорогой фронтовик, ты сегодня у нас самый главный гость», – с радостью в голосе обратилась мама к отцу. И тут же, вздохнув, добавила: «Мишенька плачет, оно и понятно, сколько тяжести ему пришлось вынести за эти годы!».

Недоспасовы ночевали у нас. Виталик спал, а я, кое-как справившись со слезами, слушал взрослых. Теперь уже плакали

взрослые, а с ними старшина Советской Армии – мой отец. Лампа догорала, слабо освещая комнату. Спать легли за полночь. Через несколько дней отца снова пригласили на старую работу в Колеул. Мы быстро продали дом в Кирсановке и сразу купили себе дом в Колеуле, переехав туда на постоянное место жительства. В 1946 году я устроился в Колеульское сельпо учеником счетовода. А через некоторое время, сдав экзамены в Мариинский райпотребсоюз, стал счетоводом. Возмужал, на селе был первым гармонистом. Без моей игры на гармошке ни разу не проходили танцы. Мои друзья-сверстники – эвакуированный из Ленинграда Лёня Бердик и Аркаша Тюлькин, – пока я работал в колхозе в Кирсановке, в Колеуле окончили по семь классов и поступили в офицерское артиллерийское училище. «Мои друзья учатся дальше, а что же я?» – сердце моё тосковало по учёбе. – «Нет, счетовод счетоводом, но я должен учиться дальше». И я берусь повторять весь материал с пятого по седьмой класс. «Миша, выходи, сегодня в клубе фильм, а после фильма танцы! Бери гармошку и выходи!» – доносилось до меня с улицы. Мне, конечно, хотелось быть с молодёжью, но я удалялся на чердак и там повторял немного позабытый за годы войны учебный материал. Средняя школа в Малопесчанке находилась в двадцати километрах от Колеула. Для поступления в эту школу надо было принести свидетельство за семь классов. И директор нашей Колеульской неполной средней школы, зная о том, что я отличник, пишет мне справку за семь классов. На основании этой справки меня приняли в восьмой класс в Малопесчанскую среднюю школу.

«Я снова учусь!» – радовался я. В Малопесчанке мне пришлось жить у маминой двоюродной сестры. А в нашей семье после войны прибыло. Наша мама родила нам девочку. Назвали мы её Надей. Мы, колеульские, преодолевая двадцать пять километров, домой, на выходные дни, добирались пешком. И вот когда подходили к деревне, Надя ещё издали узнавала меня и, разведя свои детские ручонки, бежала нам навстречу. Соскучившись за неделю, я очень радовался встрече с родными. В этой школе я тоже учился на отлично. Особенно любил литературу.

Учителем по этому предмету у нас был осуждённый по 58-й статье Кисарий Емельянович Андрейчук. Мариинск – это издревле край ссылок. И наш учитель отбывал в Мариинском районе годы поражения (так тогда называли). Учил он нас с восьмого по девятый класс, а в десятом классе его от преподавания в старших классах отстранили как осуждённого по 58-й статье. В последующие годы он мог учить только младшие классы. Позднее, когда его реабилитировали, наши ребята Вася Худяков, уже в чине офицера, и его жена Зоя Григорьева навестили Кисария Емельяновича на Украине. А математику и физику нам преподавал доцент Владимир Яковлевич Цунин, ранее работавший в Московском университете на кафедре физики. Этот человек также был осуждён по 58-й статье и 11 лет отбывал на Севере, на Колыме, а после – в Мариинском районе. На мой взгляд, это скромный, очень умный, требовательный к себе человек. Его интересные уроки проходили незаметно, и не было такого, чтобы он на кого-то повысил голос. Новый материал объяснял тем, кто его слушал. Однажды Цунин принёс на почту посылку, в которой был отрез – материал на платье. Этот подарок он хотел отправить на день рождения своей дочери в Москву, но на почте посылку не приняли, ссылаясь на статью, по которой он отбывал. Людям, конечно, было жаль учителя. Я и сейчас думаю: мне посчастливилось учиться у такого заслуживающего уважение человека. Иногда мы приходили к нему домой поиграть в шахматы. В первом полугодии, когда я учился в девятом классе, из Мариинска приехали на двух лошадях и забрали Владимира Яковлевича. Отправили его на север Красноярского края. Уже в пятидесятые годы мы узнали, что он живёт там и работает директором школы.

Сегодня был экзамен по математике. Эта точная наука меня тоже увлекала. Всё-таки удивительное время летних экзаменов – на дворе теплынь! Шелест берёзовой листвы, цветут огоньки, кукует кукушка, то там, то здесь вспорхнёт птица, а в гнёздах галдят птенцы. Мы подходим к Колеулу. Вдали виднеется силуэтик как всегда встречающей меня сестрёнки Наденьки. Я беру её за ручку, и мы подходим к дому. На крылечке дома нас

встречает мама. «Миша, ну как? Какая оценка?» – «Пятёрка!» И мы оба радостно улыбаемся.

Каждый раз, возвращаясь из Малопесчанки домой, мы проходили Ахоров лог. Это местечко, где мы с мамой набирали полные корзины грибов, особенно груздей. А сколько на пригорке лога лесной клубники, в низине же черёмуха, калина, смородина чёрная и красная. Такие изумительной красоты места остаются в памяти навсегда, и не бывает в человеческой памяти такого, чтобы их, эти места, можно было когда-то забыть.

И вот последний экзамен. Мы, как всегда, возвращаемся домой и уже подходим к Ахорову логу. «Слушай, ты куда намерен поступить учиться дальше?» – толкая легонько в бок Аркадия Баженова, обращаюсь я к нему. «Мы с Васей Худяковым решили в Томское высшее артиллерийское училище, – приподняв гордо голову, уверенно ответил Аркаша. – А ты куда?» – «Мне советуют в строительный, но я решил в мединститут. Хочу стать врачом. Помогать людям бороться с недугами. Сейчас, после войны, как никогда нужны врачи. Ты посмотри, сколько покалеченных вернулось с фронта! Возьми в одном только нашем районе, а по всей стране?» – «Да, ты прав», – соглашается Аркадий.

Итак, Малопесчанскую среднюю школу я окончил с золотой медалью и в этом же году поступил на лечебно-профилактический факультет Иркутского медицинского института. В Иркутске мне пришлось жить у маминой родной сестры – тёти Гани. Вся сложность была в том, что жила она в посёлке между I и II Иркутском. До института мне приходилось добираться около двух часов в один конец. На обратный путь времени уходило столько же. Денег часто не хватало, и поэтому иногда я брал лопату, шёл на угольные склады и разгружал там уголь. В каникулы, как и прежде, рвался домой, в родные места, в свой Колеул. Дома меня ждали не только как сына и брата, но и как помощника. «Сынок, да ты устал, сегодня столько дров заготовили, на всю зиму хватит», – говорила мама. Она брала в руки подойник, направляясь к стайке. Увидев маму, корова протягивала морду к маминой руке, в которой был кусок хлеба,

приготовленный для этого славного животного с наполненным молоком выменем. Особой усталости я тогда не чувствовал и, не дожидаясь ужина, перекусив, брал в руки гармошку и спешил в клуб, где вечерами собиралась молодёжь. Так шло время. И вот, окончив второй курс, я снова в своей родной деревне. Сначала счёл необходимым зайти в сельпо. «О! Хорошо, что ты зашёл!» – улыбаясь, ко мне подошёл шофёр Николай Козлов. Поравнявшись со мной, он протянул мне руку. Мы поздоровались. Все эти дни Николай ожидал меня, а потому сразу начал: «Я на днях из района медичку привёз. Поселили её у Косинцевых. Думаю: и скромна, и красивая, а косы... Нет! Эта девушка должна быть только твоей». – «Спасибо за заботу! Два медика на селе – это уже кое-что», – шучу я. В этот день мне хотелось, чтобы побыстрее наступил вечер. Вечером, как всегда, я взял гармошку и пошёл в клуб, но этой девушки там не было. И только к концу каникул Косинцевы пригласили меня к себе на день рождения. Вот там-то мы и познакомились. Звали её Людой. В тот вечер мы долго гуляли. После сидели около дома на скамеечке, наслаждаясь ночной прохладой. Воздух ласкал сознание запахом душистых трав, а в кустах беспрестанно слышалось перепёлочьё «Спать пора!». Когда я вернулся в институт, в первую очередь поспешил написать Люде письмо. Она мне понравилась, и первое моё письмо к ней получилось романтическим. Ответ от неё получил вскоре. Весь третий курс мы переписывались. А затем снова летняя сессия. После окончания сессии я, как всегда, спешу домой. И это лето можно назвать летом моей первой любви. Когда подошёл купальный сезон, мы стали ходить на Кию – чистейшую сибирскую гордость-реку. На другом её берегу был песок. Это местечко мы так и называли – «Песчаный берег». Переплыв на ту сторону, загорали, наслаждаясь солнечными лучами, прохладной водой Кии, нашей молодостью и поцелуями. Палящее солнца, оно ненадоедливо и словно ласкает после долгой сибирской зимы. Песок в этот раз особенно горячий. Я перемешиваю его с нижним слоем, и он становится тёплым. Люда в своём новом закрытом купальнике рядышком со мной. Я с наслаждением

смотрю на её голые плечи, открытые грудь и спину. Её упругие стройные ноги немного погрузились в песок. Я наклоняюсь и тяну её за руку. «Людочка, ложись на песок, здесь уже не горячо», – не отрывая от неё своего любящего взгляда, обращаюсь к ней. Мы оба ложимся, оба смотрим в небо, а оно настолько голубое, абсолютно безоблачное, и мир растворяется... Лёгкий тёплый ветерок чуть колышет листочки рядом растущей ивы, а на душе так хорошо... Так и хочется сказать: «Время, остановись!» Я слышу приглушённый голос Люды. Она негромко напевает: «Ты на прощанье мне сказал “До завтра”, я помахала вслед тебе рукой. Если б ты знал, как трудно ждать до завтра, ты бы весь день сегодня был со мной». В ответ я жму ей руку. От нежных прикосновений обнажённых рук и ног моё сердце начинает биться чаще, но только и всего. В те годы девушки до замужества не позволяли с парнями близости. А ребята таких девушек берегли. «Миша, посмотри! Катер! Какая полноводная ваша Кия!», – увидев подплывающий катер, прищутив свои чёрные глаза, звонко, счастливо и громко кричит Люда. «Да, у нас здесь и лес сплавают, и катера ходят», – гордился я своей родной Кией, этой чистой полноводной рекой, богатой рыбой. Теперь я всё чаще стал задумываться о наших с Людой отношениях и решил: как только окончу институт, сразу сделаю Людмиле предложение. Моей женой должна стать Люда.

Но иногда жизнь преподносит нам такие неожиданные события и повороты, что после мы говорим «Это судьба» либо «Это не судьба». На шестом курсе я дежурил в одной из больниц Иркутска. Там же проходила специализацию девушка из большой семьи, звали её Аня. Была она на год младше меня. Её мать умерла, и Аня, как старшая в семье, по сути дела, своим сестрёнкам и братишкам являлась мамой. У неё уже был год врачебной практики, и мне хотелось побыстрее перенять у Ани опыт врача. Далее мы с ней так подружились, что решили сходить в кино-театр, затем зашли в гости к моим родственникам и после этого уже не разлучались. В одну из наших встреч Аня была особенно молчалива, а потом, посмотрев мне в глаза, сказала: «Миша, я беременна». В первые дни нашего знакомства Аня рассказыва-

ла мне, что у неё был парень – горный инженер, но брак их не состоялся, и беременность ей тогда пришлось прервать. Сейчас от сказанных ею слов я будто вмиг прозрел и сразу принял решение. Если ребёнок мой, значит, у этого ребёнка должны быть мать и отец. «Анечка, это хорошо! Некоторые студенты на первых курсах женятся, а у меня, считай, диплом уже в кармане! Так что не переживай, всё будет нормально», – обняв её за талию, радостным голосом произнёс я тогда. Мне показалось, что её глаза наполнились слезами радости, и она тоже заулыбалась. Подав заявление в загс, мы вскоре зарегистрировались, а в положенный срок у нас родилась девочка, назвали её Ириной. Когда я приехал в Колеул, мне рассказали, что, узнав о моей женитьбе, Люда рассчиталась с работы и уехала.

После окончания института меня направили работать в Осинскую районную больницу. Это районный центр Бурятского национального округа. Здесь почти сразу мне предложили место заведующего райздравотделом, но меня это не устраивало. Ещё до Осинской больницы мне подыскивали место в Мариинск. Во второй горбольнице Мариинска я работаю участковым врачом, а Аня – акушером-гинекологом. Как молодым специалистам, нам предоставили жильё – маленькую комнату. Здесь пригодились не только знания врача. На вызов в отдалённые районы города мне приходилось ездить на лошади, и я её умело запрягал. Аня была единственным врачом-акушером, ей же приходилось заведовать гинекологическим отделением. Текущая работа, частые дежурства, вызовы по ночам отнимали у нас личное время, но мы и дома оставались врачами, обсуждая тот или иной случай на работе. К этому времени у нас уже подросла дочка и нам была предоставлена отдельная жилплощадь, вполнину больше прежней. Если есть нянька, значит, нужна лялька, и мы с Аней решаемся родить второго ребёнка. Она на последнем месяце беременности. На дворе уже по-весеннему пригревает солнце. Ещё утром Аню стали беспокоить боли – признак родовых схваток. «Анечка, потерпи», – я помогаю ей одеться, подбадриваю её, шучу. – «Мы же идём к тебе на работу, в твой роддом, ты же там начальник!» – «Миша, там же сегодня дежурит акушерка,

которая может недоглядеть за ходом родов, она у нас такая», – Аня поморщилась от боли, набрала воздух и добавила: – «Такое у неё случается». – «Всё будет хорошо», – уверенно говорю я. Моя уверенность будто передалась ей. Аня замолчала. Вот и больница, здесь же роддом. Аня снова застонала. Я помог ей раздеться и проводил в родильную комнату.

Сегодня с утра я должен был заседать на ВКК, куда и поспешил. Периодически акушерка сообщала мне, как протекают роды. Но вот открылась дверь: «Мальчик родился!» – послышался радостный голос акушерки. Я поторопился увидеть всё своими глазами. Бледная и уставшая, Аня всё ещё лежала на родильном столе. Я подошёл, поцеловал её в щёчку, взял за руку. Несколько секунд мы смотрели друг на друга, и я тут же поспешил в комнату новорождённых. Среди других сразу узнал своего сына. Передо мной лежал крупный мальчик. Он был похож на мою дочь, свою сестрёнку. «Вот он – продолжатель рода Чуфистовых!», – подумал я. Нашего сына мы назвали Володей.

Через некоторое время меня посылают на первичную специализацию по оториноларингологии в Сталинский (ныне Новокузнецкий) институт усовершенствования врачей. Для повышения квалификации в него съезжались врачи не только Сибири, но и других регионов Советского Союза. Особенно хорошую подготовку врачи получали на кафедре уха, горла, носа, и я считаю, мне в этом повезло. «Вот это моё!», – неоднократно думал я. Специализация длилась пять месяцев, а по возвращении в Мариинск я уже квалифицированно оперирую больных. Операции делаю пока несложные. В то время в Мариинске для сложных больных, которым требовалось стационарное лечение, было лоротделения. Горздрав этим обеспокоен, и меня снова направляют, но уже в клинику ординатуры на два года. В той клинике я дневал и ночевал. Усовершенствование велось как в теоретическом, так и в практическом, хирургическом плане. Клиникой заведовал прекрасный хирург доцент Александр Яковлевич Чеботарёв, у которого можно было набраться врачебного, не побоюсь сказать, волшебства. И я считаю: там я прошёл блестящую хирургическую подготовку. В эту Новокузнецкую

клинику с диагнозом «рак гортани» пациенты поступали, начиная от Урала до Владивостока.

По возвращении домой я открываю отделение на двадцать коек. Заведующим этим лоротделением назначают меня. К тому времени власти города выделяют нам двухкомнатную квартиру, и жизнь моя идёт своим чередом. Любимая работа, семья и опять работа, работа.

Теперь я периодически бываю на съездах врачей-оториноларингологов, где каждый раз обсуждается и проблема тугоухости. Чаще это встречается у женщин при отосклерозе, когда возникает неподвижность стремечка в овальном окне среднего уха. Такой вопрос меня волнует, я очень заинтересован. Восстанавливающие слух операции делают в Америке. О разработках американского профессора Розена докладывают на съездах лор-врачей. Разработанные Розеном инструменты для таких операций публикуются в наших отечественных журналах. «Ага, – думаю я, – если это делают в Америке, почему бы такие операции не делать у нас?». И по возвращении домой беру журнал, где опубликованы статьи о тугоухости с чертежами, рисунками, и с трепетом в душе иду к своему приятелю – механику Борису Фёдоровичу. Рассказываю ему о своём замысле. Вместе мы смотрим журнал, внимательно изучая рисунки изящного инструмента. «По-моему, я смогу тебе помочь! – Борис Фёдорович раздумчиво защёлкал пальцами по столу. – Есть здесь один слесарь, такой умелец, что блоху подкуёт! Ему только чертежи дай!» – «Тогда надо действовать, неужто сделает?!» – радуюсь я. «Будем надеяться!» – последовал ответ моего приятеля-механика. И через некоторое время желаемое оказалось действительным. Блестяще сделанный инструмент соответствовал тому размеру, который предлагался на рисунке. Но чтобы сделать операцию при отосклерозе, надо было ещё иметь протезик, замещающий неподвижное стремечко в овальном окне. Тогда это было только на рисунках в отечественных журналах, а поэтому я беру скальпель и вырезаю (мастерю) протезик из кусочка тефлона (пластмассы). Оперативного микроскопа тоже не было. Вместо микроскопа приспособляю обычные плюсо-

вые очки. И вот моя тогда первая операция. Помню женщину. У неё выраженное понижение слуха. Операцию делаю под местной анестезией. И когда операция была закончена, женщина с радостью воскликнула: «Я слышу! Я слышу!». После этого я оперирую ещё нескольких больных с такой же патологией слуха. Прооперированные пациенты стали посылать обо мне статьи в областную газету «Кузбасс». Это поднимало мой авторитет. Так тогда пришла ко мне слава. Учитывая всё это, меня приглашают в больницу для личного состава МВД и предлагают место главного врача. Помимо административной работы, я также работаю с пациентами, оперирую.

Однажды ради интереса мне захотелось посетить тюремные камеры. Моим компаньоном оказался местный фельдшер. Как я был удивлён толщине стен! Камеры предварительного заключения были сильно переполнены. Затем мы посетили камеру, где находились две женщины, одна из них была с грудным ребёнком. В камере была натянута верёвка, на которой висели постиранные пелёнки. Женщина, что постарше, была осуждена за аморальный образ жизни. Она ругала всех и всё. Другая, что помладше, – молчала. Работая в магазине, она допустила раскрату и за это отбывала наказание. Лицо молодой было очень печальным. Уходя, я пожелал им скорейшего освобождения.

Вскоре меня приглашают на областную конференцию по оториноларингологии в Кемерово, где я должен был сделать доклад о слухоулучшающих операциях при тугоухости. А в начале лета в Мариинск приезжает доцент кафедры лор-болезней Кемеровского мединститута Илья Моисеевич Раков. Его приезд внёс в мою жизнь большие перемены.

Я находился на работе. Вошёл Раков. Я поприветствовал его, предложил раздеться, и тут же ко мне в больницу на скорой в тяжелейшем состоянии привезли девочку с подозрением на клещевой энцефалит. «Илья Моисеевич, вы будете осматривать больную?» – обратился я к доценту. «Нет, я поручаю это сделать вам и хочу услышать Ваше мнение», – сказал Раков. Я посмотрел карточку больной. Девочка страдала хроническим гнойным отитом. Сейчас мне необходимо было отдифференцировать

клещевой энцефалит от отогенного менингита. Я осмотрел девочку. «Илья Моисеевич, у больной отогенный менингит. Её необходимо срочно оперировать», – доложил я. «Ну а теперь мне позвольте», – сказал Раков. И он тоже начал осматривать девочку. В результате наши заключения совпали. Девочку готовили к операции. Мы вошли в операционную. Я снова обратился к доценту: «Илья Моисеевич, оперировать будете вы?» – «Нет, оперируйте вы, а я наблюдаю». Закончив операцию, в результате которой подтвердился отогенный менингит, я позвонил Ане, сообщил ей, что домой приду с кемеровским гостем, и попросил, чтобы она приготовила что-нибудь из рыбы. Немного отдохнув, мы поехали ко мне домой. Неподальёку от дома протекала река Кия. Раков не отрываясь смотрел на Кию, любясь её водами. «Говорят, в этой чистой северной реке Кузбасса много рыбы водится?» – «Да, конечно, рыба здесь есть, ну и рыбаков хватает», – улыбаюсь я. Аня приготовила уху, на тарелке отдельно стопочкой лежали обжаренные среднего размера окуни, стол украшали домашние салаты. Когда стол был накрыт, Аня скомандовала: «Дорогие мужчины, добро пожаловать за стол! Рыба из нашей Кии». Мы сели за стол. Беседа за ужином не прекращалась. Аню иногда отвлекали дети, особенно сынок Вова, он был ещё мал и бегал из одной комнаты в другую, играя самосвалом. «А что, щука-то в Кие водится?» Раков очень любил рыбу, особенно щуку. «Конечно! Щуку я стал ловить, когда ещё учился в начальных классах. Приеду к деду Филиппу на летние каникулы в Кирсановку и в Чадате рыбащу. Первую рыбку поймал, когда мне было пять лет», – торжествовал я. Я чувствовал, что Илье Моисеевичу этот разговор был интересен, и продолжал дальше: «Через Чадат, приток Кии, был построен мост, а рядом с мостом – мельница. Вот там водилась рыба, особенно много небольших щурят (так мы называли маленькую щуку). На мельницу бегали с моим родственником Илюхой и Шуркой. Убили Сашу на войне, на передовой погиб», – вздохнул я. – «Шурка был старше меня. Он-то и научил нас ловить с берега. Брал из конского хвоста волос, делал из него петельку, привязывал к чернобыльнику. Длина чернобыльника должна

быть немного больше метра. Идёшь по берегу, смотришь в воду, а она такая прозрачная – это же чистейший Чадат! И как только увидишь рыбёшку, – чаще это были щурята, ну сантиметров по двадцать, – тогда осторожно подводишь петлю и, как только головка оказывается в петле, мигом дёрнешь чернобыльник, петля затягивается, тут-то и вытягиваешь на берег. Вот так мы тогда рыбачили». Мне нравился этот человек, кандидат медицинских наук, внимательно слушавший меня. «Да, хорошо, что наша память уносит нас в наше далёкое прошлое, – Раков помолчал, но тут же добавил: – Цель моего приезда – увезти вас в большой промышленный город, в Кемеровский медицинский институт. Вам известно, что я заведую там кафедрой уха, горла, носа и нам очень нужен грамотный, толковый ассистент». Такое сообщение тогда для меня оказалось большой неожиданностью. В первые секунды на слова, произнесённые Ильёй Моисеевичем, я почти не реагировал. В тот момент я больше думал о девочке, которой была сделана операция. «Илья Моисеевич, извините, я позволю в больницу, поинтересуюсь, как там наша больная». – «Да, да», – спохватился Раков. Я набрал номер телефона больницы. «Послеоперационный период проходит нормально», – услышал я голос дежурного врача. После такого ответа мы оба почувствовали удовлетворение. Приятно было, что мы, врачи, помогли этой девочке-подростку, человеку, страдающему тяжелейшим заболеванием. Одним словом, мы спасли ей жизнь. Было заметно, что Раков был доволен мной, моей работой, и продолжал: «Я почувствовал вашу преданность и тягу к медицинской науке и считаю: работать нам вместе». Была полночь, но мы всё ещё говорили о делах в медицине, периодически затрагивая и другие темы. На следующий день Раков уехал. Но с переездом мы всё-таки не спешили, колебались. В одну из проходивших в Кемерове конференций я был приглашён к ректору КГМИ. Тогда-то меня окончательно убедили в необходимости переезда, пообещав квартиру. Работая ассистентом, я около года жил в общежитии, а затем получил трёхкомнатную квартиру.

Итак, столица Кузбасса со своими дымящими трубами встретила нас приветливо. Я стал работать ассистентом на кафедре

болезней уха, горла, носа Кемеровского медицинского института, которая находилась в областной клинической больнице. Учитывая наш опыт, в клинику поступали больные, страдающие тугоухостью и другими лор-заболеваниями. Больные были не только из нашей области, но и из соседних областей. Сделанные им операции давали положительный результат. В то время в других регионах ещё не было такого инструмента, какой я привёз с собой из Мариинска. И только года через три такой инструмент появился в медтехники Сибири. «Если есть при клинике кафедра, значит, там должна царить научная работа», – думал я. И я вскоре берусь за науку. Экология в областном центре оставляла желать лучшего, и, вполне возможно, поэтому много больных обращалось по поводу рака гортани. Им приходилось производить резекцию гортани, а в запущенных случаях – удалять гортань. Так шёл опыт накопления производимых мною операций. Всё это даёт толчок работе над диссертацией. Тема диссертации «Раннее распознавание злокачественной опухоли и метастазов опухолей в регионарные лимфатические узлы». Раков в то время тоже занимался своей докторской диссертацией. Часть материала к диссертации мне пришлось выполнять в одной из клиник Москвы, где я находился не один месяц. Там я делаю радиоизотопное скинирование нескольким больным с раком гортани. Эти исследования легли в основу докторской диссертации Ракова и моей кандидатской. Защитив диссертацию, Раков стал профессором, я – доцентом, в 1975 году меня утвердили в учёном звании доцента на кафедре болезней уха, горла, носа. В девяностые годы наш Раков засобирился в Америку, и в 1992 году, после его отъезда, на учёном совете меня утвердили на должности заведующего кафедрой оториноларингологии КГМИ.

Время, время, оно постоянно спешит, и часто наша жизнь предстаёт перед нами какими-то отрезками. Съезды врачей, конференции, повседневная работа поглощали полностью.

Это утро обласкало меня своей свежестью. Я, как обычно, спешил на работу. После сложной операции, которая прошла успешно, ближе к обеду мне сообщили, что меня ожидают в

санпропускнике. С мыслями, кто бы это мог быть, я вошёл в санпропускник. Передо мной стояла женщина. «Какими судьбами?» – узнав в ней Люду, обрадованно воскликнул я. Мы обнялись. «Как ты узнала, что я здесь?» – пытаюсь скрыть волнение, спросил я. «Во-первых, о тебе в газетах пишут, да я ещё переписываюсь с одной приятельницей из Мариинска», – не сводя с меня глаз, улыбалась Люда. «Ты подожди меня здесь, я сейчас, мигом», – заторопился я. Сняв врачебный халат, снова оказался рядом с Людой.

Мы вышли на улицу. Незаметно зашли в парк. «Муж у меня хороший человек, две дочери. А приехала я сюда из-за мамы. Хочу забрать её из Ленинска-Кузнецкого к себе в Новосибирск. У нас там хорошая полнометражная квартира», – посвящала меня в своё сокровенное Люда. В её голосе угадывалась грусть по нашей первой любви. В разговоре, возможно, в оправдание нас обоих, прозвучало: «А может, не судьба». Вскоре мы с Людой расстались. Я отвёз её на своей «Волге» на вокзал. Мне подумалось: «Поскольку Люда забирает к себе маму, то это, пожалуй, её последний приезд в Кемерово». Над городом спускались сумерки. Я поставил в гараж машину и не спеша пошёл домой. Шёл и думал: любил ли я тогда по-настоящему Люду? Я и сейчас себе на этот вопрос не могу ответить. Возможно, это было время любить? Возможно, нас тогда разлучило расстояние? А ещё помню: однажды, когда я был на каникулах в Колеуле, зашёл за Людой и мы пошли с ней в кино. В клубе сидели рядом, а с другой стороны, рядом с ней, сидел парень, отсидевший срок. Почему-то тот парень был мне неприятен, но Люда с ним оживлённо разговаривала, они смеялись. Я счёл, что они мешают смотреть фильм. Почему-то молча я ушёл на другое место. Это было незадолго до моей встречи с Аней.

Сейчас я шёл и думал, что у порога меня встретит Аня. С ней у нас наши милые, родные дети, которым нужна наша забота и поддержка. У порога меня действительно встретила Аня. «Что-то ты сегодня задержался. Что, сложный больной?» – «Да нет, в гараж заходил, с машиной повозился». Почему-то ответ мой был таким. «Не надо её беспокоить», – подумал я. «А нам пись-

мо, – продолжала Аня, – Из Америки, от Ильи Моисеевича». – «О! Поужинаем и вместе почитаем». – «Да-да», – торопясь на кухню, чтобы накрыть стол, сказала Аня. Четырёхкомнатная хрущёвка находилась недалеко от областной больницы, где я проводил теоретические занятия со студентами мединститута. Позади остался трудный день. Я разобрал постель, к этому времени Аня помыла посуду. Мы лежали в кровати и читали письмо от Ракова. Письмо от 14 марта 1995 года. «Дорогие друзья, – писал Илья Моисеевич, – вот уже почти два с половиной года мы в Америке. Что сказать? Страна встретила нас приветливо. А к своему пенсионному положению постепенно привыкаем, да и время бежит незаметно. Четыре раза в неделю хожу учить язык, читаю нашу литературу, мастерю. Очень часто вспоминаю вас, нашу совместную работу. О делах в России имею постоянную информацию по радио и телевидению из Москвы, из газет, от людей, которые приезжают сюда жить или в гости. Конечно, весёлого мало. Жизнь напоминает постоянную борьбу за существование. Хочется знать, как у вас дела, как работаете? Правда ли, что в институте сократили приём студентов? Не вызовет ли это сокращение штата на кафедре? Наша жизнь очень простая. Ничего запасать не нужно, всё есть. В любом виде, в любой упаковке. Стал разбираться в рекламах. Тут тоже много врут, рекламируя товары, услуги. Нужно разбираться во всём. Люди тут живут долго. Отличный климат, хорошее питание. Здесь одно время года – лето. Всё цветёт. Даже на деревьях растут цветы. Что нового вы делаете? Я иногда смотрю больных, которые обращаются за помощью. Тут ведь, если не имеешь страховки, или “медикора” – это выдают такую карточку эмигрантам, – лечение дорогое. Показать лор-врачу – 80-100 долларов, а за лечение – особая плата. Вот и приходится выручать людей, которые не имеют этих благ. Лечат при острых заболеваниях здесь антибиотиками, очень сильными. Четыре-пять дней попринимать – и всё. Хирурги здесь виртуозы, а терапевты – ничего особенного. После операции по пересадке коронарных сосудов на четвертый – пятый день выписывают домой!». Дальше Раков пишет о внуках: «Юля и Илюша свободно болтают по-английски.

Дочь с зятем тоже разбираются, а мы с Анной Соломоновной тянемся в обозе – трудно усваиваем, плохо запоминаем слова. Язык дурной, хотя в нашем районе можно обойтись и русским, но через три с половиной года нужно сдавать экзамен на гражданство – так что учить язык надо. Очень рад буду получить от вас письмо. Напишите, как вы, как дети, внуки. Обнимаю вас, мои дорогие. Ваш Илья Моисеевич». Письмо произвело глубокое впечатление, но была полночь, которая торопила нас ко сну. Письма Раков обычно пересылал с кем-нибудь из наших, кто посещал Америку. До этого письма от него мы получили ещё два, одно из них было написано 1 мая 1994 года. Он писал: «Без работы скучаю. Так-то всё благополучно, правда, по ТВ без конца показывают убийства, и изнасилования и т. п. Весело, не правда ли? Ездили на три дня в Лас-Вегас. Это за триста километров от Лос-Анджелеса. Город – игорный дом. Там фантастические картины, извержение вулкана, говорящие статуи, морские бои с потоплением кораблей. Вечерняя иллюминация. Сделано всё, чтобы люди играли на автоматах и... проигрывались. 9 мая идём на банкет, посвящённый Дню Победы. Отмечают этот день только россияне. Американцам он безразличен. Вообще интеллектуальный уровень большинства американцев, на мой взгляд, очень низок. Почти не читают, мало что знают. Это их образ жизни. Мы пользуемся здесь библиотеками, но русских книг мало». Дальше в этом письме он пишет о своей семье. А вот письмо от 11 августа 1994 года. Здесь он благодарит меня за моё подробное письмо к нему. «Я как бы очутился среди вас, – пишет он. – У нас последние две недели стоит страшная жара, температура доходит до 35-40 градусов. Дождей не было несколько месяцев, но всё зелено. На деревьях растут какие-то невообразимые цветы. Зеленеют деревья и трава. Город находится на побережье Тихого океана, а поэтому, говорят, всё это питается влагой из воздуха. Мы вживаемся в американскую жизнь трудно. Язык даётся трудно. Побывали на нескольких экскурсиях: по городу, в музее Поля Гетти. Город Лос-Анджелес – это собрание нескольких городов. Живут люди общинами. Побывали в мексиканской, китайской общинах,

в Голливуде. Музей Поля Гетти – это дворец, откопанный в Помпее (засыпанный пеплом при извержении Везувия много веков назад). Этот дворец разобрали в Италии и привезли сюда, воссоздав в первоначальном виде. А всё же по работе я скучаю. Тут мне рассказывали об оториноларингологе, работающем в восточном Голливуде: надменный, с большими груб, а назначает всем антибиотики, парацетезов, тонзилэктомий не делает и т. п. Здесь хорошая хирургия, а остальное очень посредственное. Оснащение – блестящее». И далее: «Обнимаю вас. Ваш Илья Моисеевич, а по-здешнему просто Илья».

Прошло несколько лет. В 2003 году в моей жизни опять происходят большие перемены. Этот Новый год мы с Анной Васильевной встретили в последний раз. Она тяжело заболела. Мы с сыном везём её в диагностический центр. Диагностика показала страшное: опухоль лёгкого с метастазами в головной мозг. Её госпитализируют. В нейрохирургическом отделении областной клинической больницы ей проводят операцию на головном мозге. Семья наша – династия врачей. Поддержать маму и помочь мне из Санкт-Петербурга приезжает наша дочка Ирочка. Она тоже, как и мы с сыном, лор-врач. Её муж – офицер. Так они оказались в Санкт-Петербурге. Живут они там на Васильевском острове. По приезде сюда больше месяца Ира находится в нейрохирургическом отделении, ухаживая за мамой. Дальше мы на семейном совете решаем везти Анну Васильевну в Санкт-Петербург, к Ирочке. И вот мы с сыном Володей провозжаем Аню на самолёте до Москвы. Я был удивлён, до сих пор не могу объяснить, что это: невесомость? Либо её собравшиеся последние жизненные силы? Дело в том, что в самолёте Аня чувствовала себя, как здоровая. Она поела, мы разговаривали, и я радовался её жизненному тону. В Москве, в аэропорту, нас встретили на машине. Мы с сыном вернулись в Кемерово, а Аню дочка с зятем повезли в Санкт-Петербург. В машине Ане снова стало плохо. А в конце июня этого же года Ира позвонила и горестным, уставшим голосом произнесла: «Папа, маме совсем плохо, приезжай». Я ещё работал. Пишу заявление на отпуск и лечу в Питер. За мою долгую врачебную практику мне при-

ходило видеть сотни тяжелобольных, но передо мной тогда лежала моя Аня. Поникшая от горя дочка сказала: «Мама, папа приехал». Аня вскинула руки, произнесла моё имя, и было очевидно, что эта страшная болезнь уже отняла у неё силы и вот-вот отнимет жизнь. Но жизнь со смертью боролась. У постели Анны Васильевны я находился ещё около трёх недель. Умерла она у меня на руках. Я погладил её по голове. Дыхание было тяжёлое и становилось всё реже. Похоронили мы её в Санкт-Петербурге на Волковском кладбище. Ещё некоторое время мы с сыном находились у Ирочки. Теперь я часто ходил на Финский залив Васильевского острова. Волны залива гребнем накатывались на берег и возвращались назад. Прохаживаясь по берегу этого чудесного местечка, я думал: как же так? Огромен мир... Мы, врачи всего мира, не можем одолеть такую болезнь, которая каждый день уносит, вырывает из жизни наших родных, близких, соотечественников и людей всего Земного шара. Надо искать, искать и снова искать пути победы над этой коварной болезнью. Сердце моё было опустошённым, сознание путалось, но я с трудом стал привыкать к новому для меня положению, к слову «вдовец». Отведя девять дней после похорон, мы с сыном возвращались домой. В аэропорту Кемерова наш самолёт совершил мягкую посадку. Через некоторое время я был в своей квартире, где меня никто не ожидал. Привычные вещи, окна, стены, двери, мой кабинет, где мне много пришлось работать над диссертацией, моя настольная лампа, при которой мне часто приходилось проверять студенческие работы, – всё это ушло куда-то на задний план, всё стало безразлично. Я посмотрел на портрет Ани, снял его со стены, нашёл чёрную ленту, окаймил ею портрет и пошёл за цветами. В течение многих дней я менял цветы на свежие, ставил на стол вазу с цветами, а рядом стоял портрет моей Ани. Через несколько дней я уехал в санаторий, а пройдя там курс лечения, вернулся домой. Уже в возрасте, за 70 лет, я всё ещё не мог расстаться с моей любимой работой и утром, как всегда, спешил на работу по зову сердца. Обход больных. Практические работы – операции, лекции студентам. Так шло время.

Однажды осенью я находился с приятелем в нашем гаражном кооперативе.

Моя «Волга» стояла неподалёку, а я в своём гараже протирал запылившиеся запчасти к ней. Потом услышал голос. Мой сосед по гаражу Николай Иванович, мастер на все руки, с кем-то разговаривал. Я прислушался: он разговаривал с незнакомой мне женщиной. Она шла мимо и решила узнать, какие цены на гаражи. Потом к их разговору присоединился и я. Так мы познакомились. Эта женщина оказалась тоже вдовой. Её дом находился совсем неподалёку от моего. Звали её Полина Андреевна. В дальнейшем, как друзья по несчастью, мы стали перезваниваться. Осенью она помогла мне заготовить на зиму квашеную капусту, а на следующее лето я пригласил её съездить со мной на мою малую и милую родину. Она охотно согласилась. Раннее утро сулило погожий день, создавая особое настроение. Мы ехали по гладкому асфальту. «Мне очень нравится твой автомобиль. Я совершенно равнодушна к иномаркам. Эту нашу отечественную марку я полюбила издавна. И название-то её “Волга” – будто мощь нашей реки заложена в “сердце” этого автомобиля», – поправляя причёску, несколько нарушенную дуновением летнего ветерка, врывававшегося в опущенное стекло, повернув голову, обратилась ко мне Полина. Совсем недавно Полина Андреевна стала обращаться ко мне на «ты». «Да, Полиночка, я сам дорожу этим автомобилем», – не снижая внимания, поддерживая разговор, сказал я. Дорога из областного центра в мой родной край состоит в основном из крутых подъёмов и затяжных возвышенностей. «Ой, какая красота!» – увидев остроконечные ели, восхищается Полина Андреевна. – «А вот кедрач, – кивая головой, опять удивляется она. – «Да... Вот что значит тайга! А в нашем районе кедрача нет, да и ель редко встретишь. Но какие у нас берёзовые рощи! А из хвойных деревьев в основном сосна». Мы снова едем по равнине, и совершенно неожиданно появляется тучка, и даже не тёмная, будто светло-дымовитая, но дождь льёт, обливая «Волгу». Я приостановился. Моя спутница сидела молча, а я молил бога о том, чтобы побыстрее прошёл дождь. Обмыв «Вол-

гу», дождь действительно перестал. Вдали виднелась радуга, сверкая оттенками разнообразных красок. «Ну, как в сказке! – восторгалась Полина Андреевна. – Какая небесная красота!» Ещё при выезде я решил заехать к Толе Кашину в Усманку Чебулинского района. Это сын того Кашина-старшего, с которым в войну на военную службу призывался мой отец. Наши отцы после войны постоянно поддерживали дружеские отношения, и это передалось нам. Не один раз мне приходилось оказывать медицинскую помощь не только Анатолию, но и его семье. И вот сегодня мы опять встретились. Как всегда, наша встреча была радостной. Я познакомил Анатолия и его жену Валю с Полиной Андреевной. Как всегда, Валя хлопотала, накрывая стол для обеда на веранде. Веранда красиво и аккуратно была отделана деревом. На веранде, в доме, во дворе – везде царил порядок, поддерживаемый хозяевами. Вторая часть ограды, за домом, была предназначена для животных и птиц. Здесь среди многочисленных куриц «царствовал» голосистый петух. Его красивый, ладно лежащий гребень и яркие перья были великолепны. Здесь слышалось бляение овец, мычание крупнорогатых. «Какой сытый боров!» – обратилась Полина к Вале. «А это у нас сало на зиму ходит, – улыбается Валя. – Дети-то у нас в городе живут, помогаем им, сюда приезжают. А внучка со снохой и сейчас здесь, ещё спят». Вскоре подошла девочка. Её светлые завитушки волос ещё не были причёсаны, и это придавало им особенно привлекательный вид. «А мои сын и дочь живут в другом городе, отсюда далеко», – с тоской в голосе сказала Полина Андреевна. – «Валечка, да это же настоящее счастье! Вы живёте в сельской местности, а ваши дети вас из города навещают. Ваши с Анатолием дети, ваши внуки – это же настоящая земная радость!». Я подошёл к женщинам: «Смотрю на вас, вы будто всю жизнь подругами были, всё говорите, говорите, не перестаёте». – «Идёмте за стол, соловья баснями не кормят», – послышался голос Анатолия. Валя быстро указала на стулья, и мы разместились за столом. Споткнувшись о стекло, солнечные лучи ярко освещали веранду. Обед был отменный: всё было свежее и очень вкусное, приготовленное из натуральных дере-

венских продуктов. «Толя, ну как насчёт черники?», – нарушив молчание, обратился я к Анатолию. «Да, черника поспела, но в тайгу ехать – далеко, да и гнус сейчас там одолевает. Поедемте-ка в бор». – «А что, бор намного ближе?» – присоединилась к разговору Полина. «Я довезу вас на своей “Ниве” до определённого места, а там с полкилометра надо пройти пешком», – не то предложил, не то конкретно сказал Анатолий. Лёгкая на подъём Валя уже беспокоилась о том, кого во что одеть. «Там есть болотистое место, повсюду кочки, это место перейдём, а в бору-то хорошо, – суежилась Валя. – Вот, Полина, сапоги резиновые – тебе подойдут. Я смотрю, у нас с тобой один размер». – «Толя, идём во двор, пусть женщины переоденутся», – командовал я.

Вскоре мы выехали за деревню. Дальше дорога, будто лента, вилась посреди хлебного поля. По обе стороны дороги росла пшеница. Её колосья уже наливались спеющим зерном. «От-радно видеть такие колосья пшеницы», – вглядываясь в даль пшеничного поля, с радостью заметил я. «Да, хлеба в нашем районе лучше, чем в других, вот и в газете недавно об этом писали». – «Но я заметил, что у вас коровники пустые, а в некоторых местах даже развалились». – «С животноводством у нас плохо. Многие селяне перестали держать коров», – переключая скорость, вздохнул Анатолий. Вскоре мы подъехали к болотистому месту. «Ну, я вас оставлю здесь, а мне ещё на работу надо. Собирайте чернику, а я как освобожусь, так приеду за вами». – «Толя, не волнуйся, дорогу в бор я знаю хорошо», – прикоснувшись рукой к плечу мужа, улыбнулась Валя. Анатолий сделал разворот и уехал, а мы, переступая с кочки на кочку, отправились в бор. Вот и он. Ровное место, но кое-где с небольшими ложбинками. «Вот они – вековые сосны! Какая свежесть! Да это ж абсолютная стерильность воздуха!» – радуется Полина Андреевна. Она склонилась за черникой, но на её кустиках ягод было совсем мало. Кое-где попадались кустики брусники, но она ещё не доспела. «А в нашем районе черника и брусника не растут. У вас же здесь севернее и местность болотистее. Зато в наших берёзовых рощах и на лесных полянах много клубники, а если урожайный год, то клубники бывает столько,

что ягодушки обычно возвращаются с полными ведрами». Чтобы не затеряться в бору, Полина старалась держаться поближе к Вале. «На наших полях тоже клубника есть, но это надо ехать в другое место. Да... на чернику в этом году неурожай», – будто оправдываясь, поправляя косынку, легко облегающую голову, монотонно произнесла Валя. «Миша, посмотри, какое светлое, чистое небо», – запрокинув голову, оживлённо произносит Полина. – «Часто небо создаёт нам настроение. Небо светлое – и нам хорошо. Небо голубое – и нам весело. Если бы небо было пасмурное, и в тайге бы было тоже пасмурно, а так красота-то какая!» – подходя ко мне, опять восхищается Полина. «Да, Полиночка, здесь и дышится хорошо!», – отвечаю я, заглядывая к ней в бидончик, в котором черника только что скрыла дно. – «В этом году на чернику действительно неурожай, – сокрушаюсь я и, повысив голос, объявляю: – Скоро приедет Анатолий, надо поворачивать назад». Мы собрались в кружок, заглянули в свои ёмкости: Валя вздохнула, а Полина, чуть отступив назад, собирала с кустиков черники листочки. «А в листьях те же витамины и микроэлементы, что и в ягоде. Я на чай собираю этот полезный природный дар», – торопилась она, складывая листочки в отдельный пакетик. Вскоре мы стали спускаться к тропинке, по которой шли в бор. Толя действительно уже был на месте и ожидал нас.

Я первым подхожу к Толе: «Как незаметно прошло время!» – «Да, на природе, а тем более когда собираешь ягоду, время вообще летит!, – заглядывая ко мне в маленькое ведёрко, говорит Толя. – Этого и надо было ожидать. Ничего, зато на природе побыли, главное, в бору побывали!». Поговорив немного на разные темы, мы дружненько уселись в «Ниву» и снова поехали к Кашиным.

Погожий день клонился к вечеру, когда мы возвращались в Кемерово. Мне было приятно, что со мной ехала Полина Андреевна. Вечером трасса была свободной, мы ехали не спеша и разговаривали. «Полина, я уже тебе говорил, что родом я из Мариинского района». – «А я в молодости в Мариинске была в служебной командировке, – непринуждённо поддержала

разговор Полина Андреевна. – Я работала в топливной промышленности по сбыту угля. Наш отдел распределял уголь по всему Советскому Союзу. В каждом районе нашей области были гортопсбыты. И Мариинский гортопсбыт тогда по всем показателям занял первое место. Вот тогда-то мне было поручено поехать в Мариинск для вручения переходящего знамени. Я приехала. Прошла торжественная часть, на неофициальной части я поприсутствовала совсем немножко, так как мне очень хотелось домой. Дома были муж и двое детей-школьников, для меня самых дорогих на свете. Поезд в областной центр отправлялся ночью, а последний автобус уже ушёл. И я попросила, если это возможно, побыстрее отвезти меня на любом автомобиле. Меня отправили на “Москвиче”. Шофёром оказался уже не молодой, скромный мужчина. Он подвёз меня к подъезду. Поблагодарив водителя, я побежала к себе домой. Как давно это было! – со вздохом произнесла Полина Андреевна и продолжала: – На следующий день на работу звонят мариинцы и говорят: “Ваша экономист в рубашке родилась”. Оказывается, когда шофёр возвращался в Мариинск, при подъёме на гору Успенка не справился с управлением и перевернулся, но, слава богу, обошлось всё более-менее благополучно, только незначительно помялось правое крыло “Москвича”. – «Да, было время, на Успенке и буксовали, и перевёртывались. А ты заметила, когда мы сюда ехали, теперь тот подъём остался слева. А эта новая дорога гораздо лучше. За ней под контролем областной администрации следят дорожные службы. Вот так-то, – кивнул головой я. – Да, Мариинск – один из старейших городов Кузбасса. Это край ссылок и тюрем, но судьба его, я бы сказал, привлекает внимание. Этот город недавно отметил своё трёхсотлетие. А в XIX веке это было ещё село с названием Кийское. Когда я учился в старших классах в Малопесчанке, со мной в школе, классом ниже, учился Серёга Копылов. Я был председателем учкома, а он – комсоргом школы. Затем он окончил Томский университет. Работал научным сотрудником краеведческого музея в Мариинске. Так вот, они со своим приятелем Ф.С. Лапкиным стали авторами книги о Мариинске. Да эта книга со

мной, она на заднем сидении. Посмотри там, справа». Повернувшись, Полина Андреевна протянула руку и взяла книгу. «Какая добротная твёрдая обложка. А какое на обложке красивое сочетание красок! – сказала она и начала листать книгу. – Ты смотри, о чём говорит этот исторический документ, – и она начала читать вслух документ от 1897 года: – ...“Доношу Вашему превосходительству, что в районе Мариинского горного округа театров, цирков, увеселительных садов, клубов и тому подобных учреждений не существует. Подпись: главный исправник Мариинского округа Иванов, 18 марта 1897 года № 256”. А уже в 1909 году в Мариинске стал выходить рукописный литературно-художественный журнал “ОкрошкА” – первая литературная ласточка. В первом его номере читаем: “Однообразна, тосклива, скучна жизнь города Мариинска. Тяжёлым гнётом она ложится и давит душу и мысль человека”, – Полина полистала страницы. – “...а всё ж отрадно: город растёт”. Слушай, вот опять пишут: “Благодаря императрице Марии Александровне, по новому плану в Мариинске была открыта прогимназия, а в 1910 году была преобразована в гимназию”». – «Да, я тоже в этой книге прочёл: “Омытый слезами кандалный путь врезался в плоть Сибири. Этот путь проходил через Мариинск и уезд, но он-то и приносил на окраину цвет русской мысли и творчества. Через Мариинский уезд проезжали и останавливались выдающиеся писатели, учёные, деятели культуры России. И, конечно, они не могли не влиять на развитие культуры Сибири и в том числе Мариинска”». – «Да, Миша, вот об этом как раз здесь пишут, – и Полина опять начала читать: – “В 1791 году Радищев был отправлен в ссылку в Сибирь. 22 сентября того года он пишет: “От Кии до Ачинска места прекраснейшие, поляны для хлебопашества и скотоводства удобные”. Конечно, благодаря таким людям в Сибири тоже развивается культура. И до революции самым развитым “культурным гнездом на территории Кузбасса был Мариинск”». – «Я тоже об этом читал, – добавляю я. – Молодцы ребята, что создали такую книгу, там и о памятниках старины интересно написано. Серёга “выложилсЯ” в этой книге. Мне его бесконечно жаль. В прошлом году его не стало. Из

жизни его вырвала страшная болезнь, которая прервала жизнь и моей Ани».

Мы подъезжали к городу, который окутали ночные сумерки, но вдали виднелись огни. И чем ближе становился город, тем ярче светили огни окон домов и фонари, освещавшие улицы.

Эта весна в моей жизни опять сделала значимый поворот. Чтобы сгладить одиночество, мы с Полиной решили заключить гражданский союз, и теперь она жила у меня. Надвигался сезон садоводческих работ. На подоконниках моей четырёхкомнатной квартиры красовались цветы и рассада помидоров, выращиваемая Полиной Андреевной. Дачу мы содержали вместе с моим сыном Володей. Его дочь Настенька, моя внучка, иногда навещает нас. С Настенькой Полина быстро нашла общий язык, и это меня радует. Взрослый сын Володи Андрей живёт в Новокузнецке. Я сожалею, что высшее образование он получил строителя, а не врача, но это его выбор, жить ему, ему работать.

И вот опять впереди красное лето! Моё самое любимое время года. Мне, как и раньше, снова и снова хочется съездить в свои родные места. Там похоронены мои родители. В иной мир они ушли от нас один за другим через два года. Папаша, так я его иногда называл, умер раньше. А мама после его смерти жила у Виталия. Умерла она тихо, как говорят, на ногах. Утром приготовила завтрак, а немного позднее сказала: «Ой, что-то мне нехорошо». После этих слов тут же повалилась. Виталик находился рядом, подхватил её на руки, донёс до кровати, но положить на кровать не успел. Она умерла. Похоронены наши родители рядом, и мы с братом, ежегодно навещая и ухаживая за могилками, приносим каждый раз цветы. Но на этот раз я планирую навестить не только усопших родителей, но и встретиться с юностью, о чём я долго мечтал. Я звоню брату, сообщаю о нашем приезде, обращаюсь к Полине Андреевне, и мы снова собираемся в путь Кемерово – Мариинск. Как и в прошлую нашу поездку, своей погожестью радует день. «Ну что ж, к Толе заезжать не будем, сразу едем к Виталику в Мариинск?» – «Да мне всё равно, хотя будет удобный случай познакомиться с твоим братом», – оживлённо отозвалась Полина. Обзор лобового

и бокового стёкол позволял ей созерцать мир природного дара. Вот они, мелькающие с обеих сторон дороги, сосны, ели, кедрач, то вдруг промелькнут будто посаженные рядочками либо отдельными кругами таёжные цветы. То справа, то слева остаются деревеньки со своими короткими улочками или отдельными сиротливыми домами.

Вскоре нас встретила Лида – жена Виталия. «Ну-ка, ну-ка, кто здесь у нас приехал?» – она приподняла поля шляпки, немало прикрывавшие лицо Полины. – «Вижу, хорошенькая, и вижу, что помоложе Михаила. Да проходите же», – приветливо пригласила она. Я поспешил к Виталию в гараж, а Лида с Полиной продолжали знакомство. После ванной комнаты Полина подошла к балкону: «Какой же у вас с балкона красивый вид! Это и есть река Кия?» – «Да, Кия – это наша гордость», – торпливо накрывая на стол, сказала Лида.

Мы с братом поставили мою «Волгу» в его гараж (Виталий, ожидая нас, свою «Ниву» поставил в другое место). И вот все мы в квартире хозяев. Виталий знакомится с Полиной, Лида хлопчет у стола. Вскоре приходит их дочь Оля. Живёт она со своей семьёй неподалёку, в доме наших родителей. Этот родительский дом молодые планируют перестроить. А вот появляется с гармошкой и мой давний друг-мариинец Толя Журавлёв. Мы веселимся. Оля вышла на круг: поёт частушки и пляшет. Мы с Толей по очереди играем на гармошке. Чуть заметно улыбается и обращается ко мне Полина: «Какая у тебя чудесная племянница!» – «А у них есть ещё сын, но он со своей семьёй живёт в городе Красноярского края, работает стоматологом, периодически навещает их», – отвечаю я. Потом я приглашаю Полину на вальс, и мы танцуем. «Как хорошо ты танцуешь, будто всю жизнь вальс кружил». – «А вот знай наших», – шучу я. Разошлись гости ближе к полуночи. А на следующий день мы втроём на машине Виталика отправились на встречу с моей молодостью. Мне захотелось проехать и посмотреть, как и чем живёт моя деревня теперь. Мы подъехали к Колеулу. От радости такой встречи моё сердце трепетало. Подъезжая к центру села, я не увидел того двухэтажного здания, в котором располагалось

правление потребительского общества (сельпо). Всё кануло, и та наша бухгалтерия, в которой мы с отцом когда-то работали. Не стало общеобразовательной школы, в которой я когда-то учился. Не было и большого дома, в котором располагался клуб и сельская библиотека. Все эти исчезнувшие дома когда-то были построены из огромных брёвен лиственных пород. Так же не было дома, в котором находились два магазина, один из которых дежурный. Не было и пожарного здания с высокой каланчой. Раньше здесь находилась пожарная служба. Все эти строения располагались неподалёку друг от друга. Не обнаружили мы и кузницы. Я с болью в сердце созерцал представший передо мной большой пустырь. А когда-то это был центр Колеула. И только на окраине села были построены четыре добротных дома нынешних фермеров. Затем мы подъехали к реке – это совсем на окраине села. И что же я опять там увидел? Моя любимая река Кия и тот песчаный берег, где мы когда-то купались и загорали, – это тоже всё исчезло. Теперь здесь образовалась старица. На берегу старицы растёт тальник и мелкий осинник. А Кия, пробив себе другой путь, вправо, покинула Колеул. Из Колеула мы поехали в Кирсановку. Здесь моё впечатление тоже оказалось удручающим. В оставшихся деревенских избах люди жили только через дом, а то и того дальше. Многие дома стояли пустыми, а то и вовсе были разрушены. С трепетом я вошёл во двор нашего деда Филиппа, туда, где мы все жили во время войны. Двор, огород – всё заросло крапивой и лебедой. Не было бани, не стало стайки. Мои глаза стали влажными, по лицу капались слёзы. Я поднялся на крыльцо, но меня как будто что-то остановило. Я просто не смог войти в эту, теперь пустую избу, когда-то наполненную жившими в ней родными и близкими мне людьми. Вздохнув глубоко и скорбно, я вышел из калитки. На обочине дороги стояла «Нива», в которой меня ожидали Полина и Виталий. Я дал им знак, чтобы они ещё подождали, и пошёл в дом напротив. Стучу в окно. К окну подошла пожилая женщина. Она спросила: «Что вам надо?». Это была Маша, с которой мы в годы войны вместе работали в колхозе и ещё находили время – собирались по вечерам. Я сказал, что я Миша Людкин. Так тогда

звали по матери детей, у кого не было отцов, а они в основном были все на фронте. Забыв свой возраст (восемьдесят лет), она выбежала на улицу, обняла меня, из её когда-то красивых глаз катились слёзы. Она без конца повторяла: «Миша, Миша». Из машины вышел Виталик. Полина оставалась в машине, очевидно, не хотела мешать нашей столь трепетной встрече. Мы говорили и говорили, но Маша поспешила сказать, что Катя тоже жива и живёт в доме напротив. Катя – это тоже подруга наших юных военных лет. Маша подошла к Виталию, а я направился в дом, где жила Катя Маркидонова. Снова стучу в окно. И снова старушка без единого зуба спрашивает: «Кто там?». Я назвал себя. Катя вышла на крыльцо. Мы бросились друг к другу и обнимались и плакали. Мне больно было смотреть на когда-то очень красивое лицо Кати, на котором глубокими морщинками легли отпечатки долгой и нелёгкой жизни.

«Катя, куда делась твоя красота?» – не удержался я от не совсем корректного вопроса. Наперебой мы задавали друг другу вопросы: о прожитой жизни, где дети, как они живут, вспоминали военные годы. Простившись с Катей, я пошёл к машине. У машины Маша с Виталиком тоже беседовали на житейские темы. «Миша, какой ты молодец! Нашёл время, попроведовал нас, мы о тебе частенько вспоминали. Ты же у нас учёный, врач!». Машины глаза опять наполнились слезами. Ещё немного пообщавшись и простившись, возможно, навсегда, мы направились к кладбищу, где похоронены мои дедушка Филипп и бабушка Авдотья. Через гущу кустарников и редких берёз косые лучи солнца кое-где пробирались, будто лаская кресты и памятники. Постояв у могилы, мы сели в «Ниву» и поехали к Виталию в Мариинск.

Когда мы возвращались в Кемерово, тоска будто тяжёлым узлом связала моё сердце, и я повторял: «Жизнь – это миг. И как жаль, что время необратимо. Даже сейчас я задумываюсь: в чём же суть жизни? Самое главное – не оторваться от главного потока жизни. Смысл жизни – это когда любишь, веришь и надеешься. Вера в счастливое будущее. Суть и смысл жизни – это продолжение рода. И люди обязаны посеять хорошие, добрые

семена, которые дадут хорошие всходы». – «Да, о сути жизни Василий Фёдоров сказал: “По главной сути жизнь проста: её уста, его уста”», – немного прищунив глаза от света фар встречных машин, сказала Полина. – «А ты знаешь этого замечательного, талантливейшего писателя?» – продолжала она. «Да! Это наш современник, земляк. Его родина – Марьевка Яйского района. И по праву наша областная библиотека названа именем Василия Фёдорова», – охотно ответил я. «Молодец! Всё-то ты знаешь!» – поправляя волосы, нараспев протянула Полина.

Мы были уже на полпути, когда солнце спряталось за горизонт и его последние лучи озаряли край небосвода. Полина молчала, затем обратилась ко мне: «Мне очень понравился вид на Кию из квартиры Виталия. Это настоящая, красивая панорама». – «Да, Кия – это гордость Мариинска, – не уставал повторять я. – А ты не слышала легенду о Кие и почему эту реку назвали Кия? Не знаешь?» – «Нет, не знаю, это любопытно», – отозвалась Полина. «Тогда слушай. Когда-то давным-давно на берегу этой реки жило сильное племя. Непроходимые дебри со всех сторон окружали племя, и это было хорошо, потому что лес кормил, одевал и спасал их от других племён. Жил в этом племени Олар, и была у них дочь Кия. Природа словно собрала своё богатство и наградила девушку. Все парни этого племени были влюблены в Кию. Многие из них посылали сватов к родителям красавицы, но она их всех отвергала. Сватался к ней и один Мурза из племени степняков, но только осрамился. Хвалился степняк своим богатством, знатностью. Обещал за неё много золота и парчи. Услышала Кия хвастовство Мурзы и говорит ему: “Хорошо, Мурза, я согласна быть твоей женой, только сначала побори меня”. Кия была очень сильной и верила в свою силу. Степняк усмехнулся. Весь базар сбежался смотреть на этот поединок. Схватились. Степняк хотел поднять девушку и осторожно положить на землю, но даже с места её не сдвинул. Собрал все силы свои, но результат был тот же. Вдруг Кия неожиданно для всех подняла Мурзу и положила его на землю. Замуж Кия вышла неожиданно для всех. Как-то, бродя в лесу, наткнулась она на медвежью берлогу. Там были медвежата. Кия

собрала их в корзину, но тут пожаловали хозяева и набросились на девушку. Не выйти бы ей живой из этой схватки, если бы не молодой охотник Вандол, который проходил неподалёку. Одолели они зверей вдвоём, и с этого момента полюбили друг друга. Оба красивые и сильные, вскоре они стали мужем и женой. Тяжёлыми были те годы для племени. С юга на них двигались племена степняков. Поля родного племени располагались за рекой. Там было мало лесов. Там-то молодожёны и начали выжигать себе участок, корчевали пни. Однажды утром Вандол и Кия направились на свой участок. Едва они вошли в лес, как на них неожиданно набросились степняки. Один схватил Кию, но через несколько секунд лежал с проломленным черепом. Женщина бросилась помогать мужу. Но силы были неравны. На помощь врагам спешил целый отряд степняков, который скрывался в лесу». – «Неужели убьют их? – не удержалась Полина. – Как же это интересно! Да ты так подробно рассказываешь, как будто выучил наизусть». – «Да я эту легенду знаю с давних времён, ещё с тех пор, когда работал в Мариинске, был начинающим врачом. Серёга Копылов тогда работал там директором школы. Он-то тогда мне впервые рассказал эту легенду. Ну а мне пришлось много-много раз пересказывать другим людям. Это же интересно, когда с людьми общаешься». – «Ты так увлечённо рассказываешь, а я и легенду слушаю, и за тебя волнуюсь, ты ж за рулём». – «Во-первых, я снизил скорость, во-вторых, такое время, что мало встречных машин. Да я этот путь и зажмурившись на машине проеду. За все годы, что живу, мне очень часто приходилось ездить в эти места. Ну, что? Легенду дальше слушать будешь?» – «О, конечно!» – нетерпеливо воскликнула Полина. «Завязался неравный бой. Вандол кричит Кии, чтобы она бежала к своим за помощью. Но Кия не хотела оставлять Вандола одного. Вандол снова крикнул ей, что обоим им не спастись, нужна помощь. Послушалась мужа Кия, помчалась. Ветви деревьев цеплялись за платье, рвали её тело. Кровь и слёзы струились по лицу. Заметив её, всадники пустились за ней. Приближался лес, скоро река, а погоня совсем близко. Кия бежит и кричит: “Оставляйте дома! Враги идут, бегите!” Вот уже

и река. На том берегу их родное племя, но не успела женщина переплыть реку. Монголы нагнали Кию на самом обрыве и набросились на неё. «Оставляйте дома, бегите!» – кричала она, отбиваясь от врагов. Гонимая степняками, она бросилась вместе с врагами с обрыва в реку, в волнах которой исчезла. С тех пор эта река стала называться Кия, такая же красивая, могучая и чистая, как та женщина». – «Да, образно! Какое наслаждение от такой легенды! Только сильно жаль молодую, любящую друг друга пару. Что этим степнякам – земли не хватало? Их погубили и сами погибли. Зло порождает зло. Зло порождает горе», – тяжело вздохнув, сказала Полина и замолчала.

Когда мы приехали в Кемерово и поставили машину в гараж, ночные сумерки уже совсем окутали город.

Наступила осень того же года. Я уже давно хотел познакомиться Полину Андреевну с моим ещё одним хорошим приятелем. «Полиночка, я смотрю, и ты присматривайся: как на прилавках рынка появятся опята, так говори мне, и мы организуем поездку за опятами». И вот Полина говорит, что маленькие свеженькие опята уже есть в продаже. Я тут же звоню Молоканову. Виктор Михайлович Молоканов – это мой друг, тоже мариинец. С ним мы вместе учились в Малопесчанской школе, только, в отличие от меня, он в то время учился в младших классах. Позже мы встретились в Кемерово, и по сей день дружба наша только крепнет. Я набираю номер телефона Молоканова, и он даёт добро. Мы с Полиной одеваемся как подобает грибникам, и ближе к окончанию рабочего дня на своей «Ниве» за нами подъехал Виктор Михайлович. Посоветовавшись, решили поехать в тайгу Барзаса. Время, проведённое вместе на природе, для многих время, когда лес сказочных чудес скрепляет и без того дружеские отношения. Это незабываемые чувства добра, любви к природе и людям остаются в памяти навсегда.

Опята выросли, а поэтому домой мы возвращались с полными корзинами. По дороге Виктор Михайлович пригласил нас заехать к нему. Семья Молокановых дружная и крепкая. У них два сына. Оба получили высшее образование. Оба работают, обеспечивая свои семьи. Сам Виктор Михайлович руководит Зелен-

строем. Однажды мне пришлось побывать у него на планёрке. Я видел, как, проникнув во все проблемы своей работы, человек словно горел. Тогда я подумал: «На его месте руководить так, как он, никто бы не смог. Вот уж человек на своём месте!». Когда возвращались к себе домой, Полина заметила: «Какие хорошие люди, какая сплочённая, организованная семья! Мне очень понравилась и его жена Лида. Какой добрый пример трудолюбивых родителей для воспитания своих детей и внуков. Всё в меру, всё на месте. А как Виктор Михайлович быстро ориентируется в тайге! Не будь его, мы бы могли заблудиться. Грибные места часто уводят в глубь тайги, и не окажись рядом внимательного и бдительного человека, в тайге можно заблудиться. Он быстро скомандовал, куда выходить и где стоит машина». – «Какая ты, Полиночка, наблюдательная, – отозвался я на этот приятный для меня разговор. – Да, Молоканов – человек дела, добра и очень работоспособный, таких в России немало».

Вот и подошло время ЭПИЛОГА. Передо мной лежат письма Аркадия Баженова и его жены Нины с Украины, из Житомира. Переписываюсь я с ними по сей день. А вот несколько писем от Ильи Моисеевича Ракова из Америки. От него письма шли регулярно, но потом прекратились. Умер Илья Моисеевич на чужбине. Нет! Себе бы я такого не пожелал. Для меня Родина – наряду с главным смыслом жизни. А чего стоит малая Родина! Тот песчаный берег, тот шум Калмацкого ельника, наш сибирский простор! Для меня Родина – это святое! Вот мои письма из Москвы к Ане. Это когда я работал над диссертацией и несколько месяцев один жил в Москве. Тогда меня агитировали остаться там, в Москве. Предлагали работу с предоставлением через некоторое время квартиры, но я скучал по своему Кузбассу, где жила моя семья, а поэтому от такого предложения отказался. Лежат передо мной потемневшие от времени письма нашего дяди Федота, так и не вернувшегося с фронта – погиб за Отечество. В 1992 году я обращался в редколлегию «Книги памяти», но положительного ответа не последовало. Где же, в каком месте приняла его земля? Мы так и не знаем. Лёня Бедрик и Аркаша Тюлькин служили офицерами, но где они? Живы ли – не знаю.

Я пенсионер и уже давно не заведую кафедрой. Сейчас для меня каждый новый день как день воскресный. Я всё ещё удивляюсь, что мне не надо спешить рано утром на работу, но меня ещё нередко вызывают к тяжелобольным на консультации. И такая работа мне ещё под силу. Сестрёнка Наденька часто звонит. Живёт она с семьёй в Тюмени. В эти весенние дни (я Овен) Надя поздравила меня с днём рождения. Ах! Как жаль, уже перевалило на девятый десяток, но я всё повторяю: жизнь – это миг. Напрягаю память: а что я ещё не успел рассказать читателю о своём житье-бытье, о людях, с которыми была связана моя судьба? Пожалуй, читателя я посвятил только в какую-то часть своей долгой жизни, но о самых дорогих и близких мне людях и о самом главном в этой повести я успел рассказать.

Живём мы сейчас в другой формации. При таком строе, как сейчас, надо иметь немалые финансовые и материальные блага, а поэтому я и в таком возрасте думаю о своих детях. Моя квартира, капитальные гаражи, которые я приобрёл, останутся в наследство моим детям и внукам. У Ирочки в Питере тоже двое взрослых детей. Внучка Леночка – врач-стоматолог, как и её муж. Я озабочен: живут они уже несколько лет, а почему-то не спешат подарить мне правнуков. Внук Миша окончил в Санкт-Петербурге горный институт. Ещё не женат. Работает в ФСБ. К дню 65-летия Победы в Великой Отечественной войне, как и многим труженикам тыла, наш губернатор Аман Гумирович Тулеев вручил мне юбилейную медаль. Да, любая медаль и внимание всегда радуют. Но какой же тяжкий труд выпал в годы войны на нас, подростков! В моей памяти опять всплывает эпизод. Помню мужчину, эвакуированного в нашу деревню из Ленинграда. Он был одинокий, очень худой и болезненный. Работать не мог. Изредка, чтобы не умереть с голоду, ходил по домам: кто-то покормит, кто-то даст что-нибудь из еды. Его жена в блокадном Ленинграде умерла от голода. Два сына погибли на фронте. Однажды этот мужчина переходил дорогу, и вдруг посреди дороги упал. Улица пустынная, но эту беду всё-таки кто-то заметил, а когда люди подбежали, он уже был мёртв. Нам, пацанам, жутко было смотреть на всё это.

И сейчас, после такой суровой войны, досадно и горько видеть разрушительную силу зла. Её всплески наблюдаются то в одной, то в другой части света. Горько видеть людей неимущих и хочется, чтобы человек человеку стал опорой, другом, братом. К этому должно стремиться всё человечество. На нашей прекрасной земле, на нашей земле-кормилице должен царить МИР! Скучаю о своём автомобиле «Волга». Я его продал. Сейчас летней порой мы с Полиной Андреевной иногда выезжаем на свободной иномарке сына по его доверенности.

Недавно у Полины Андреевны был день рождения. Она давно мечтала иметь бусы из жемчуга. Иногда повторяла: «Как я хочу белоснежную нить камней!». А в этот раз я купил и подарил ей эту белоснежную нить из жемчуга.

На этом, мой дорогой читатель, моя повесть заканчивается.

Светлана ГЛАДЫШ

Светлана Дмитриевна Гладыш – прозаик. Член СП России с 1997 г., состоит на учёте в Московской городской организации Союза писателей России.

Родилась 1 мая 1940 г. в Москве. В 1965 г. окончила факультет журналистики МГУ им. М.В. Ломоносова. Работала в газетах «Литературная Россия», «Неделя» («Известия»), «Вечерний клуб», «Алфавит».

Документальные книги: «Дети большой беды», «Гражданская специальность – актриса», «Собаки на фронтах Великой Отечественной».

Лауреат литературно-общественной премии «Золотая осень» им. С.А. Есенина (2012 г.).

Живёт в Москве.

КРАСНОАРМЕЕЦ ИЗ СЕЛА БУЮК-МУСКОМИЯ

Очерк

Шёл третий год войны.

Июньское утро, наполненное обманчивой тишиной прифронтовой полосы, обещало день солнечный и безветренный. Пёстрая четвероногая компания, устроившись на травке с всевозможным удобством, от души наслаждалась нежаркими ещё лучами солнца. Крутолобый с висячими ушами пёс спал, положив голову на передние лапы. Его звали Моряк. Поодаль жемчужно-серебристая лайка Серый лежал на боку, с удовольствием вытянув мощные лапы, упираясь в бок остроухого черныша по имени Жук. Крупная чёрно-подпалая овчарка Пират, перевернувшись, зацепила Жука с другого бока за шлейку, тот заворчал и уполз подальше от беспокойных соседей.

Рядом с Пиратом среди ромашек вытянулся на спине красноармеец. Заложив руки за голову, он наблюдал за безмятежным небом. Назим Нафеев – вожатый санитарно-ездовой упряжки, отсыпался вместе со своей командой, накануне возвратившейся из боя. Приподнявшись, одобрил окружающий пейзаж. Хотя вот ромашки – наши покрупнее, стебелёк повыше...

До недавнего времени им владела одна единственная мысль: «Как там, дома, в Крыму, где хозяйничают немцы? Живы?» И зажимал сердце в кулак, запрещая себе думать о страшном: слишком много он повидал за три года войны. Теперь Крым опять свободен. И его Буюк-Мускомия посреди гор, Байдарской долины... Всё в цвету... Абрикосы уже спели.

– Ты не представляешь, Пира, какие у нас абрикосы, – Назим ласково потрепал овчарку за ухом. Пират ушами дёрнул, повернулся, моргнул и снова погрузился в сон.

– Отдыхайте, солдаты.

На войне Нафеев с первых месяцев – воевал на Крымском фронте, сражался на Северо-Кавказском. А осенью сорок тре-

тьего был откомандирован на курсы вожатых санитарно-ездовых упряжек в Центральную военно-техническую школу. И это было совершенно незнакомое ему, непредставимо захватывающее состояние, возникшее в процессе обучения... Да, следовало выучить команды «Ко мне!», «Лежать!» и другие, уметь составлять упряжку, изучить строение тележки и овладеть навыками первой помощи раненому, если поблизости нет санитаря. Но главное открытие – это возможность общения с собакой и постижение её интеллектуальных способностей. Наконец, радость осознания, что рядом – твой будущий боевой напарник, взаимопонимание с которым в бою определяет всё. Начальник Центральной Школы генерал-майор Медведев всегда знакомился с пополнением, ему понравился этот высокий красивый фронтовик, который стремился видеть в собаках не просто живую технику, а нечто большее. В действующую армию вожатые санитарно-ездовых упряжек отправились вместе с четвероногими солдатами, с которыми вместе проходили курс обучения.

Назим не просто любил своих напарников, – он глубоко уважал их, восхищаясь умением понимать вожатого, способностью работать в зоне огня. Санитарные упряжки шли в боевых порядках, которые простреливались артиллерийским и минометным огнём. И везде досаждали короткими налётами проклятые «мессеры». Последний пробег оказался особенно опасным – если вообще бывает что-то безопасное на войне. Назим чувствовал – ранение рыженького старшины серьёзное, везти надо и быстро, и бережно. Только погрузил: «Держись, парень», – очередной «мессер» просвистел. Вожатый, согнувшись, прикрыл раненого, кинулись бегом до кустарничка... Пронесло. Но собаки начали уставать. Это был пятый раненый за день, а еще они подвозили на передовую боеприпасы. Назим подхватил лямку и стал тянуть вместе с упряжкой. Впятером подкатили к полковому медпункту. Рыженький старшина всё пытался дотянуться до собачьих голов – погладить, пока его с носилок забирали.

Через полчаса вышел покурить врач:

– Вовремя твои собачки подросли, еще бы полчаса, и... Запечуете у нас?

– Нет. Отдыхимся у себя.

В июне командир 3 роты служебных собак капитан Мельников представил вожатого санитарно-ездовой упряжки 1 комбинированного взвода 1 учебного батальона Центральной военно-технической школы дрессировщиков РККА красноармейца Назима Нафеева к награждению орденом «Красной звезды». В наградном листе значилось:

«Тов Нафеев Н., работая вожатым санитарно-ездовой упряжки по вывозу тяжело раненых и по подвозке боеприпасов на боевые позиции 151 и 153 гвард. стр. полков 52 гвард. стр. ордена Ленина дивизии за период с 28 мая по 15 июня 1944 вывез на своей упряжке под обстрелом противника 26 человек тяжелораненых, доставив их до ПМП.

За этот же период т. Нафеев Н. подвёз различных боеприпасов и инженерного имущества на передний край обороны для обеспечения укрепления переднего края обороны – 3340 кг.

Полвозка груза и вывозка тяжело раненых с переднего края обороны происходила под обстрелом противника. Только высокая выучка собак санитарно-ездовой упряжки и лично проявленная храбрость т. Нафеева Н. обеспечили выполнение боевого задания командования по подвозке боеприпасов и вывозке тяжело раненых с переднего края обороны в условиях, где не мог быть использован другой вид транспорта».

Представление санкционировал и командир 151 стрелкового полка, однако командир дивизии представил Нафеева к награждению медалью “За отвагу”. Командование 12 стрелкового корпуса вынесло резолюцию о награждении медалью “За отвагу”. И вместо заслуженного ордена Нафеев был награжден медалью.

Хотя в соответствии с Приказом Народного комиссара обороны Союза ССР № 281 от 23 августа 1941 г “О порядке представления к правительственной награде военных санитаров и носильщиков за хорошую работу” чётко значилось, какие вводятся представления о награждении. Пункт 2 утверждал: “за вынос с поля боя 25 раненых с их винтовками или ручными пулемётами

представлять к правительственной награде ордену “Красная Звезда” каждого санитара и носильщика”.

Командирам и комиссарам дивизий надлежало «представлять в Наркомат обороны военных санитаров и носильщиков к представленным наградам в соответствии с этим приказом.

Приказ ввести в действие по телеграфу.

Народный комиссар обороны И. Сталин».

Почему же высшее командование изменило статус награды? Мы можем лишь предполагать, что могло тогда повлиять на решение. С одной стороны, Нафеев, вне всякого сомнения, ордена «Красная звезда» достоин. С другой – принадлежит к депортированному народу. Лишить награды вообще? Такое тогда случилось. Но люди, которым предстояло принять решение, так поступить не могли. И не желали – слишком хорошо знали эти боевые генералы, чем оплачены подвиги вожатых санитарных упряжек. И пришли вот такому компромиссу, требовавшему, судя по всему, в то время определённого мужества.

Многие вожатые получили награды, радовались за товарищей, от души поздравляли Назима. Его в отряде любили за открытость и прямоту, отзывчивость, за желание помочь. И ещё за улыбку.

И снова вперёд. На запад, как всегда в боевых порядках, от ПМП на поле боя и обратно. В августе, когда начали громить немцев в Прибалтике, его задело пулей. От госпиталя категорически отказался: «Ничего серьезного. Долечусь у наших батальонных врачей». Он страшно боялся, что потом его не вернут на фронт. Армия слухами полнилась, но что произошло с крымскими татарами, в газетах не сообщалось, хотя разговоры о депортации среди солдат всё же ходили... И действительно встречались случаи, когда крымских татар отправляли с фронта «для воссоединения семей». Назим стремился оставаться в строю, чтобы Победа насупила как можно скорее, и тогда, надеялся он, в мирное время наверху обязаны будут спокойно разобраться, исправить, изменить...

Рижская наступательная операция отмечалась проливными дождями и бездорожьем. Немцы вели периодический артиллерийский огонь по нашим боевым порядкам. Дрались фрицы от-

чаянно. Вообще боеспособность немецких войск в Прибалтике была намного выше, чем в других группах. Солдатам Третьего рейха внушали, что именно здесь, выдержав сопротивление противника, Германия немедленно перейдёт в наступление. Почти каждая высота на подступах просматривалась и простреливалась. Артиллерийский и ружейный огонь велись прямой наводкой. Каждая пядь отвоёванной земли оплачивалось кровью наших солдат и офицеров. За сутки можно было потерять девять человек убитыми и одиннадцать ранеными. Санитарные упряжки проявляли сверхъестественные усилия, на пределе возможностей вывозили раненых из-под огня. Погибали вожатые. Погибали собаки. Самоотверженность вожатых, на всех фронтах, рискуя жизнью, выполнявших задания, вошла в историю. Пройдет время, и подсчитают, что за весь период Великой Отечественной войны всеми подразделениями ездовых собак эвакуировано с поля боя под огнём противника свыше 700 000 раненых с их личным оружием и подвезено на передний край более 5000 тонн боеприпасов, продуктов питания и других грузов. Но всё это будет потом, а пока наша армия продолжала наступать, уверенно продвигаясь к Берлину.

Закончилась Рижская операция. Пришла передышка, разумеется, временная. Отлёживались слегка похудевшие собаки: упряжки шли своим ходом, сопровождая наступающие войска и беспрерывно двигались за ними. Несколько дней отдыха, и всё приходило в норму.

На четвероногих санитаров буквально молились на всех фронтах. Особенно – в стрелковых частях. Именно в этих подразделениях внимательно следили за тем, как кормят четвероногих солдат. Известны случаи, когда возникали проблемы с питанием, «командиры своим приказом зачисляли собак на красноармейский котёл». И было за что!

Вожатые осматривали лапы – не стерлись ли подушечки, чинили упряжки, готовились к зиме – переходить с тележек-носилков на лодочки-волокуши.

Однажды Нафеев услышал: «Назим! Принимай крестника!» В пристроечку, где обосновалась команда Нафеева, вошёл не-

знакомый старшина. Улыбка до ушей, голос радостный: «Узнаете?» Гость стянул пилотку, и Назим вспомнил рыженского майского раненого, который, заглушая боль, стремился погладить косматую остроухую голову Жука... «Вы же меня тогда в самое то успели привезти, – захлебывался гость, – я жене написал, она велела – “Вернётся в часть, поклонись вожатому и собакам от нас обоих”». Попросил: «Можно погладить?», Назим кивнул. Старшина, недолго думая, уселся на настил и начал по очереди обниматься с собаками.

Такое бывало нередко, когда боец или офицер, вывезенные с поля боя санитарными упряжками, возвращаясь из госпиталя в подразделение, в первую очередь искали своих спасителей. За время службы на этом фронте – с мая по декабрь 1944 года – Нафеев вывез с поля боя 270 раненых и подвез на передний край 9 тонн боеприпасов.

Победу Назим Нафеев встретил уже в составе Курляндской группы и в конце мая вернулся в Центральную военно-техническую Школу. Возвращались из армии сапёры, вожатые, связисты. Возвращались вместе с собаками уходившие с ними отсюда на фронт. Счастливые лица, приподнятое настроение и волнительное ожидание Парада Победы. Центральная Школа для участия в параде была включена в состав войск Московского гарнизона. В боевой расчёт Школы входил 301 человек. Личный состав набирали из курсантов и офицеров школы и людей, специально вызванных из войск. Отбирали кандидатов строго – в список участников включали имеющих награды и рост не ниже 175 сантиметров. Значилось среди утвержденных кандидатов и имя вожатого Назима Нафеева. И начались изнурительные ежедневные семичасовые тренировки. Казалось бы, чего там, всю войну прошагали... Ан нет. Например, вожатым пришлось учиться заново ходить строевым шагом, вместе с собакой, держа поводок левой руке. А поскольку Школа представляла колонну миноискателей, то полагалось ещё нести на спине спец прибор, в правой руке – миноискатель, а за плечами – винтовку. Почти месяц выгапывали фронтовики Старый Владимирской тракт и футбольное поле. Отрабатывали «сохранение в движении, со-

хранение интервалов, дистанций и равнения». Тяжко давалась фронтовикам наука ходить парадным строем. Заводя после тренировки измученного Пирата в вольер, Нафеев утешал боевого товарища: «Терпи! Это тебе не в упряжке под пулями бежать». А потом отправлялся в казарму, мечтая упасть на койку.

Наступил долгожданный день – 24 июня 1945 года. Участники погрузились на станции Новогиреево на поезд до Москвы. Далее пешим строем по маршруту: Чкаловская улица – улица Обуха – Солянка – площадь Ногина – проезд Серова – площадь Дзержинского – Театральный проезд – площадь Свердлова – площадь Революции. В 9.40 сводный полк прибыл на место назначения секунда в секунду. И – построение у Красной Площади в ожидании начала Парада.

9 часов 55 минут. На трибуну Мавзолея поднимается Сталин и руководители партии и правительства. 10.00. Командующий парадом маршал Рокоссовский рапортует принимающему маршалу Жукову о готовности войск к параду. Жуков поднимается на Мавзолей, благодарит советский народ за Победу и поздравляет с Победой. Впереди сводных полков гордо и красиво несёт Знамя Победы подполковник Варенников. За ним полки 10 фронтов, колонны военных флотов. И вдруг музыка замолкает. Двести красноармейцев, в руках которых поверженные знамена фашистской армии, подходят к трибунам и под барабанную дробь бросают знамена к подножию Мавзолея. Первым летит оземь штандарт Гитлера.

Парад продолжается. Звучит марш Чернецкого «Салют Москвы». С равнением на Мавзолей проходит сводный полк Центральной военно-технической Школы дрессировщиков. Ведет колонну генерал-майор Григорий Пантелеймонович Медведев. Знаменосец – подполковник Михаил Гавриш. Ассистенты у знамени – капитан Виктор Преснов и подполковник Сергей Тараскин.

Центральная Школа не удостоилась внимания комментаторов, и зрители на трибунах провожали её с некоторым удивлением. В силу особой секретности ряда служб (Школа находилась в постоянном взаимодействии с отделом спецподраз-

делений Генерального Штаба СССР) о том, какова была роль военных собак и их вклад в Победу, тогда почти ничего не знали. Прошло время, открылись архивы, и страна узнала – участие в Параде Победы воины с четвероногими солдатами заслужили. И стоит теперь на Поклонной горе в Москве памятник Фронтовой собаке.

А тогда через несколько дней после Парада Победы появился вот такой документ.

«НКО СССР
Командующий войсками
Московского военного округа
Начальник гарнизона г. Москвы
30 июня 1945 г.

Начальнику Центральной военно-технической
школы дрессировщиков
Красной Армии генерал-майору войск связи
Тов. Г.П. Медведеву

Приказом Верховного Главнокомандующего, генералиссимуса Советского Союза товарища Сталина. От 26 июня 1945 г. вам и всему личному составу вверенной вам школы – участникам парада Победы, за хорошую организованность, слаженность и строевую выучку личного состава школы объявлена благодарность. Благодарность Верховного Главнокомандующего занести в личное дело каждого участника парада Победы.

Командующий войсками МВО
Начальник гарнизона г. Москвы
Генерал-полковник
(Артемьев.)»

Все участники Парада Победы первыми в вооружённых силах, начиная с 10 июня, были награждены медалью «За Победу над Германией в Великой Отечественной войне».

КРАСНОАРМЕЕЦ ИЗ СЕЛА БУЮК-МУСКОМИЯ

В мае 1946 года в связи с всеобщей демобилизацией Назим Нафеев был отчислен из Ордена «Красной Звезды» Центральной военно-технической Школы дрессировщиков. Прощаясь с Назимом, однополчане не говорили «счастливого пути домой», просто крепко-накрепко обнимали на дороге.

Он оставлял Москву участником Парада Победы, с боевыми наградами – медалями «За Отвагу», «За боевые заслуги», «За оборону Кавказа», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне» и орденом «Отечественной войны 1 степени». В его личном деле была записана Благодарность Верховного Главнокомандующего, а в кармане гимнастёрки находилось предписание явиться в далёкий, незнакомый, чужой город Янгиюль в качестве спецпоселенца.

На родину в Буюк-Мускомия вернуться Назиму Нафееву было не суждено.

Диана АСНИНА

Диана Наумовна Аснина – прозаик. Преподаватель теоретических дисциплин в музыкальной школе. В данный момент не работает.

Автор пяти книг-зарисовок. Публикуюсь в альманахах «Притяжение», «Новое слово», «Поиск».

Член МО СП России. Почётный работник культуры г. Москвы.

Живёт в Москве.

РАССКАЗЫ

МАМЕ ВИДНЕЕ

Никогда не могла понять: почему так много анекдотов про тещу. Чем она не угодила? Ведь ни одна мать не желает зла своей дочери, и даже если ей не нравится зять – она никогда не покажет этого, чтобы не навредить дочери, её счастью.

– Какие претензии я могу предъявлять зятю? – говорила моя мама. – Я его не родила. Это выбор дочери. Ей с ним хорошо, значит, и мне хорошо.

Мама всегда старалась сглаживать острые углы.

– Что вы хотите от своих мужей? – говорила она нам с сестрой. – Без недостатков людей не бывает. У вас их тоже предостаточно. Пришел муж с работы – покорми его, дай отдохнуть, а потом уже тихо, мирно решайте свои проблемы.

– Почему ты всегда его защищаешь, всегда на его стороне – ведь я же твоя дочь? – возмутилась я. – Ты должна меня поддерживать!

– Этим я и поддерживаю тебя, – ответила она. – Я хочу, чтобы в твоём доме были мир и покой, чтобы ты была счастлива.

Муж обожал мою маму. Он называл её: «Теща № 1».

Я стараюсь не мешать дочери жить так, как ей нравится. Знакомаясь с будущим зятем, я сказала ему: «Вмешиваться в вашу жизнь не буду, советы давать не буду, только если попросите. Приезжать буду (благо, у зятя есть квартира), если позовёте, и то – через раз».

И однажды я услышала от дочери:

– Спасибо тебе, мамочка, что ты не мешала мне жить так, как я хочу. Да, я делала ошибки, но это были мои ошибки. Говорят, умный учится на чужих ошибках, а дурак на своих. Но зато я не могу никого в этом винить, только себя.

Но оказывается, бывают и другие тещи.

Встречаю свою старую знакомую Наташу (мы с ней не виделись много лет), и она начинает мне жаловаться на дочь:

– У Инны был молодой человек – красавец, актёр. Почему они расстались – не знаю. Но это был хороший вариант. У неё была бы интересная жизнь. А теперь вот у Инны этот Саша. Он хороший мальчик, но простоват. Да и семья у него..., – скривилась Наташа, – неплохие люди, но... провинция. Саша, конечно, достоин уважения, он сумел подняться над своей средой – окончил университет, у него хорошая работа. Инну он любит, пылинки с неё сдувает, смотрит на неё, как на икону. Дай Бог, конечно, чтобы они жили в любви и согласии, но... не пара они, – заявляет Наташа. – Инна избалована, упряма. Она у нас никогда ни в чём не имела отказа, вела бурную жизнь – театры, концерты, рестораны, встречи с интересными людьми, путешествия... Саша постарался поскорее сделать ей ребёнка, думая, что этим удержит Инну, – продолжила возмущаться Наташа. – Боюсь, Инне скоро все это надоест: горшки, кастрюли, пелёнки.... «Как Вы думаете, если я к рождению сына подарю ей бриллиантовые серьги?» – спрашивает меня Саша. «У нас другие ценности. Кому эти побрякушки нужны? Подари ей лучше поездку в Рим, Париж или на Мальдивы, – говорю я ему. – Ведь самое большое богатство – богатство впечатлений».

– Путешествие с грудным ребёнком на руках... Как ты это себе представляешь? – удивилась я.

– А я на что? – отвечает Наташа.

– Кормить грудью ребёнка ты не можешь. Да и после родов Инне потребуется месяц-другой, чтобы прийти в себя.

– У моей мамы не было молока, у меня его не было, и у Инны не будет, – уверенно сказала Наташа.

– Ну, это не факт, – ответила я ей. – Но сейчас главное, чтобы роды прошли успешно, чтобы родился здоровый малыш, и чтобы дочь твоя побыстрее восстановилась после родов.

– Это так, но зачем так рано надо было выходить замуж – Инне ведь только двадцать два года? – возмущается Наташа. – И с ребёнком можно было повременить.

– Они тебя не спросили, – подумала я.

– И ещё УЗИ показало, что должен родиться мальчик, – скривилась Наташа. – Я бы предпочла девочку.

– Ну, это от нас не зависит, это как Господь распорядился. Главное, чтобы ребёнок родился здоровым.

Как же мы, родители, из самых лучших побуждений портим жизнь своим детям!

– Наташа, зачем ты вмешиваешься в жизнь дочери? – говорю я ей. – Ты не боишься, что если у Инны жизнь с мужем не заладится, она упрекнёт тебя в этом?

– Я мама, я опытнее, я умнее её, я не могу молча смотреть, как она своими руками портит свою жизнь. Я делаю то, что должна сделать. А там – будь, что будет! – заявляет Наташа.

– А ты не боишься своим постоянным вмешательством разрушить брак дочери?

– Подумаешь! На Саше что, свет клином сошёлся? Мужчин предостаточно. Инна молодая, красивая. Одна не останется. Ребёнок... ребёнок еще никому не мешал. И потом у Инны есть я – мама. Я еще не старая, мне всего лишь пятьдесят четыре года. Вырастим ребёнка.

Я вспомнила, как теща моего двоюродного брата во время ссоры с ним кричала дочери:

– Ты красивая, ты одна не останешься! Гони этого придурка вон!

«Придурок» – преподаватель университета, профессор, собрал свои вещи и ушёл. Сыном брат много занимался, но... Жена его потом всю жизнь локти кусала, что не последовала за ним, но он был непреклонен.

– Ты знаешь, Наташа, мой дядя тоже считал, что его зять не пара дочери. Интересная, талантливая, искусствовед – и

мальчик из рабочей среды. Мальчик умный, любознательный, окончил какой-то технический ВУЗ, руки у него золотые, любит его дочь, с уважением относится к родителям, добрый, отзывчивый. Что еще надо? Ну, плохо разбирается в живописи, классической музыке, так помогите ему добрать то, чего он не дополучил в детстве. Ведь не это главное. Главное, чтобы человек был надёжный, на которого можно опереться в трудную минуту, который ночью встанет к ребёнку, который будет предан тебе и ни на кого тебя не променяет, – говорю я ей. – Артист, красавец, любимец публики... Перед ним надо прыгать на задних лапках и бояться, что его уведут.

– Это всё так. Но зато какое окружение, какая интересная жизнь! – возразила мне Наташа.

Что тут скажешь... Я думала, Наташа умнее.

– У меня перед глазами пример моих родителей, – продолжает Наташа. – Оба врачи. Общие интересы, круг общения. Папа обожал маму. Ему ничего для неё не было жалко – цветы, французские духи, драгоценности, театры, концерты, музеи... Они объездили весь мир. Да и у меня с мужем было всё замечательно: он обеспечивал меня от и до, ни в чём мне не отказывал. Он был очень эрудированным человеком, просто ходячая энциклопедия. Жаль, рано ушёл из жизни. К сожалению, по-настоящему оценить, какой это был чудесный человек, любящий муж, хороший отец, я смогла только, когда его не стало, – грустно сказала Наташа.

– Наташа, тебе повезло, что у тебя с твоими родителями было взаимопонимание, что они не вмешивались в вашу жизнь – благо, вы с мужем жили не с ними, – пытаюсь я урезонить Наташу. – Пойми: наши дети – это не мы, это другое поколение, они не будут жить так, как нам бы хотелось, у них своя жизнь. Не мешай им. Ведь ты сама сказала, что Саша хороший парень, любит твою дочь. Да и Инна, судя по тому, что ты о ней рассказываешь, девочка неглупая, с характером, просто так, без любви, ради штампа в паспорте, она замуж не пойдёт. А «с милым рай и в шалаше».

* * *

Вскоре Наташа мне позвонила и радостно сообщила, что, наконец-то, стала бабушкой:

– Я сама себя не понимаю: я так не хотела мальчика, а сейчас... Он такой маленький, сладенький... Я так привязалась к нему! Если день его не вижу, я уже скучаю. Я так его люблю!

РАБОЧАЯ ЛОШАДЬ

Человек произошел от обезьяны? Может быть. Обезьяна любознательна, деятельна, внешне похожа на людей. Говорят, «труд сделал из обезьяны человека». Слава труду!

С детства меня приучали к работе – убери, принеси, помоги, сделай то-то и то-то... Я хорошо училась в школе. «Учёба – это твоя работа», – говорили мне. Вот я и старалась добросовестно её выполнять. В институте тоже серьёзно занималась. Но я что-то не припомню, чтобы при устройстве на работу кто-то заглянул во вкладыш с оценками. Кстати, наши троичники устроились в жизни не хуже, а может быть, и лучше нас, отличников: один из них стал зав. кафедрой в нашем институте, другой начальником Управления.

Выходит, кто не умеет работать, тот руководит. Я же, и мне подобные, умеем только трудиться. Вот я и работаю, работаю, а руководят мною троичники. Отдыхать я не умею, не научили. Дома я все время что-то тру, убираю, готовлю. На отдыхе я изнываю от безделья. Хорошо, если подобралась хорошая компания, с которой можно всё вокруг объездить, осмотреть. А так вот лежать на пляже и ничего не делать я не могу. Вот даже, приезжаю к друзьям на дачу. Меня хватает на несколько дней. Ну, погуляли в лесу, пообщались, попарились в баньке, посидели у самовара – а дальше что? Сидеть на грядке, как это делает подруга, я не могу – гипертония, остеохондроз, да и городская я – далека от земли. «Если надумаю вам помочь, – говорю я,

смеясь, – привяжите меня к забору, а то я что-то не то вырву». К кухне меня не подпускают – полежи в гамаке, подыши свежим воздухом. И на меня такая тоска находит! Скорей бы уже отпуск окончился, и я занялась бы делом. Но самое интересное, когда я на работе – хочу домой. Но вот только подхожу к дому – окна чёрные, никто меня не ждёт, и идти домой не хочется. Когда же я дома – мне не хватает работы. ...

– Мама, сколько ты еще будешь вкалывать? – спрашивает дочь. – Не пора ли оставить работу?

– А что я буду делать дома? – отвечаю я ей. – Ну, убралась в квартире, приготовила обед, а дальше что?

– Почитай книгу, сходи на выставку, в гости – ты же это любишь, просто погуляй, – говорит она.

– Просто гулять я не умею, отдых не для меня, я трудоголик.

– Трудоголик, – усмехнулась дочь. – А жить-то ты когда начнёшь?

– По-твоему, жизнь – это ничегонеделанье. Милая моя, знаешь ли ты, какое счастье заниматься любимым делом, видеть результаты своего труда?

– Но отдыхать-то тоже нужно? А ты, как рабочая лошадь, не можешь остановиться.

Рабочая лошадь...

– Ты знаешь, дочь, я бы памятник поставила рабочей лошади. О ней незаслуженно забыли. Ведь недаром мы говорим: этот двигатель в столько-то лошадиных сил. Этим все сказано. Быть рабочей лошадью – большая честь, без неё не было бы прогресса. Безделье ещё никакой пользы не принесло людям.

– Да? – усмехнулась дочь. – А как же Ньютон? Сидел себе под деревом, отдыхал или, как ты говоришь, бездельничал, сверху ему на голову упало яблоко, и он открыл свой закон.

– Ньютон не бездельничал, а размышлял, занимался умственным трудом. Это серьёзная работа.

– Слава труду! – воскликнула дочь. – Труд из обезьяны сделал человека, а затем превратил его в лошадь.

«УЖ ЗАМУЖ НЕВТЕРПЁЖ...»

Почему многие мужчины считают, что все женщины мечтают о замужестве, что они готовы выскочить практически за первого, кто сделает им предложение, лишь бы получить заветный штамп в паспорте и официальный статус «жена»?

Это не так. Нормальная женщина хочет любви, уважения близкого человека, с которым ей будет надёжно и комфортно. «Замуж», как таковое, никогда не является её целью.

– Такая женщина, как ты, не должна быть одна, – заявил мне приятель. – Я тебя обязательно выдам замуж!

– Вот уж чего мне совсем не надо. В моем возрасте... Какой-то старик...

– Почему старик, почему старик? Ты молодо выглядишь. Твоих лет тебе не дать. Если бы я не был женат, обязательно бы на тебе женился...

– Спасибо за комплимент, – улыбнулась я, – но...

– Никаких «но...» Мы тебе найдём мужа молодого и богатого, – не успокаивается он.

– А я ему зачем? Он себе помоложе найдёт. А мне его деньги не нужны. Мне хватает своей пенсии.

– Он много денег будет тебе давать, много! – поразился моей тупости друг.

– А что я должна буду за это отдавать? Прыгать перед ним? Обслуживать его? Он покупает прислугу? Я независимый человек, самодостаточный.

– Женщина должна быть замужем – за мужем, – подчеркнул он. – Муж добытчик, защитник её.

– От кого он должен меня защищать? Я не продаюсь ни за какие деньги. Одиночество вдвоём... Что может быть хуже? И деньги тут не помогут, не спасут.

– Он тебя любить будет.

– Это уже другой разговор. Но только любовь не продаётся и не покупается. Она приходит, если приходит. Это чувство не каждому удаётся испытать, и деньги здесь ни при чём.

Я вспомнила разговор, который много лет тому назад произошёл у меня с одной коллегой.

– Вы думаете: «с милым рай в шалаше»? Нет, в шалаше не рай. Я вот продалась за богатство и живу, как королева, в высотке. Трачу деньги налево и направо, объездила всё, что было возможно. Любовь... Кому она нужна эта ваша любовь? От неё одни страдания. Нужно иметь семью с надёжным, порядочным человеком, который бы обеспечивал тебя, заботился о тебе.

Ольга Игоревна была замужем дважды. Первый муж погиб в автокатастрофе. Второй её брак был по расчёту. Муж – бизнесмен. Он был намного старше её. Добрый, хороший, порядочный человек. Но одна только фраза Ольги Игоревны: «Продалась за богатство» – говорит о многом.

«Уж, замуж, невтерпёж...» Как же мы, девчонки-пятиклассницы, смеялись, запоминая правописание этих слов-исключений! И как смеялись мальчишки над теми, кто постоянно говорит про мечты о замужестве! Мы представляли себе идеальный брак как встречу родственных душ. Мы ведь ещё не знали жизни...

Каждому человеку важно иметь семью, свой дом. Семья – это опора и поддержка, защита от жестокого мира. Ведь дома нас окружают родные люди, которые нас любят, понимают, те люди, которые всегда готовы прийти на помощь. «Мой дом – моя крепость».

Как важно не ошибиться с выбором спутника жизни! И нельзя руководствоваться только эмоциями: любит – не любит... Голову надо тоже включать. Даже моя восьмилетняя внучка это понимает. Девочка рано начала читать. Её любимая книга «Евгений Онегин». Рано, конечно, но... Шкафы у нас не запираются – читай, что хочешь. Девочка очень переживает, что Татьяна полюбила Онегина, а не Ленского: «Он такой хороший!» Я ей как-то задала вопрос: «Как ты считаешь, должна ли была Татьяна писать письмо Онегину?» Девочка на минуту задумалась, а потом ответила: «Сначала надо было изучить, что он за человек, и уже потом писать или не писать».

Интересно, что она скажет, когда пройдёт лет десять, и она по-настоящему влюбится?

ВСЁ-ТАКИ ОН МЕНЯ ЛЮБИЛ

Какие же мы, бабы, дуры!

Прихожу к подруге. Она сидит над письмами своего бывшего бой-френда со слезами на глазах.

– Всё-таки он меня любил, – говорит она. – Не может человек, если у него нет чувств, такие письма писать!

Любил... Себя он любил. Соблазнил студентку и бросил её беременную. И вся жизнь Лины пошла наперекосяк.

В Вадима (Вадима Михайловича) были влюблены все студентки и педагоги. Молодой, красивый, как бог, талантливый и, к тому же, неженатый. Но он «положил глаз» на Лину – юная, неопытная, хорошенькая, умненькая, из профессорской семьи... Лине завидовали все. Как красиво ухаживал Вадим за ней: цветы, конфеты, подарки, билеты в театры, на концерты, выставки... Помогал ей писать курсовые работы. (Даже мне подсказал, как выполнить задание – чтобы я поскорее «убралась» из дома и оставила их вдвоём). А какие письма он ей писал, когда был в отъезде! (Это сейчас общаются по скайпу, шлют SMS-ки, а раньше...) Мы зачитывались ими: «Моя любимая, единственная! Жду не дождусь, когда смогу снова прижать тебя к груди. Я закрываю глаза, и ты со мной. Осыпаю всю тебя, моя радость, моя любовь, нежными поцелуями. Какое счастье, что ты есть у меня!». Было от чего потерять голову.

Родители Лины были в отъезде. И в один из дней Вадим перебрался к ней. Девочка была на седьмом небе от счастья. Она вся светилась, глаза сияли, она парила, ничего не замечая вокруг.

И вдруг случайно я узнаю, что, оказывается, у Вадима недавно родился малыш. Коллеги собирают деньги ему на подарок. Выходит, всё это время он обманывал Лину.

Когда Лина дала понять Вадиму, что ей стало известно, что он женат и что у него родился сын, Вадим ответил, что да, формально он женат, но де-факто – свободен. Ребёнок? Он не уверен, что это его сын. После окончания учёбы он по распределению поехал работать на Дальний Восток. Один, никому не нужный, мальчик-сирота (родители его погибли в автокатастрофе, когда ему было пять лет, вырос он в детдоме) познакомился с женщиной, намного старше него, которая сумела женить его на себе, воспользовавшись неопытностью одинокого парня. Он не любил её, но она угрожала покончить собой и убить неродившегося ребёнка – и его всю жизнь будет мучить вина. Но он встретил Лину и полюбил. Да, он скрыл, что женат, но он обязательно разведётся. (По закону это можно сделать, когда малышу исполнится год). И тогда они с Линой смогут оформить отношения. Он сделает ДНК, и если ребёнок его, он заберёт сына от «этой женщины».

Лина была согласна на всё. И мы с подружкой помчались в «Детский мир» покупать приданное малышу.

Родителям Лины, вернувшимся из поездки, Вадим сказал, что он любит их дочь и никуда из этого дома не уйдёт. А его прошлая жизнь – несчастный случай. Родителям пришлось смириться. Вскоре они снова должны были на полгода уехать по работе из Москвы, оставив дочь на Вадима.

Мы давно не виделись с Линой. Папе дали квартиру от работы, и мы переехали в другой район. Институт позади. Началась работа. У меня тоже стала налаживаться личная жизнь. И вдруг раздаётся звонок ко мне на работу:

– Приезжай скорее. Я места себе не нахожу. Вадим пропал! Всё было хорошо. Утром мы позавтракали. Он, как всегда, нежно поцеловал меня и ушёл на работу. Мы должны были вечером пойти в гости к его другу. Но... ни звонка, ни Вадима. Уже темно, а его всё нет и нет. Я не знаю, о чём и думать...

В голосе Лины было столько отчаяния, что я тут же помчалась к подружке. Всю ночь она, как безумная, просидела у телефона. Куда мы только не звонили: и в морг, и в скорую помощь, и в милицию! Безрезультатно. А на следующий день мы узнали,

что, оказывается, Вадим был на работе, а потом они с одним преподавателем куда-то отправились. Почему же Вадим не предупредил Лину, что планы изменились? Почему он не отвечает на её звонки? Как всё это понимать?

Наверно, он вернулся к жене – решили мы с Линой. Ведь ребёнок же у них! Лина была в таком состоянии, что я боялась за её психическое состояние. Только бы она ничего с собой не сделала!

Вскоре Лина поняла, что ждёт ребёнка. В отчаянии она помчалась к Вадиму на работу. Вадим был холоден. Сказал, что разлюбил её. Ребёнок...

– Делай, как знаешь, – безразличным голосом сказал он. – Ты девочка взрослая. И больше сюда не приходи.

Как не потерять веру в людей?

Задумавшись, расстроенная Лина переходила улицу. Откуда-то выскочила машина и... К счастью, Лина отделалась сотрясением мозга и переломами, но ребёнка потеряла...

У меня на работе был суматошный день. Некогда было даже перекусить, и я зашла в близлежащее кафе. Вижу: за соседним столиком сидит Вадим с какой-то девицей, внешне похожей на Лину. Очевидно, ему такой тип женщин нравился. Увидев меня, он улыбнулся, и стал демонстративно ухаживать за своей дамой. Я быстро проглотила свой кофе и постаралась поскорее уйти. Мне было противно.

Прошёл год. И вдруг звонок. Лина:

– Я выхожу замуж. Хочу, чтобы ты была свидетелем на моей свадьбе.

– Поздравляю, – обрадовалась я за подругу. – Как я за тебя рада!

Но радовалась я напрасно. Лина «наступила на те же грабли» – красивый, эгоистичный, Нарцисс. Всё должно крутиться вокруг него, любимого. А Лина... – главное, чтобы она не мешала ему наслаждаться жизнью. Естественно, брак вскоре распался.

– А что вы хотите от слова «брак». Брак он и есть брак, дефект, – сказал один знакомый.

Лина осталась одна с маленьким ребёнком.

– Она хотела ребёнка, она его и получила, – заявил экс-муж. – Мне эти пелёнки-распашонки не нужны.

Обидно.

А жизнь продолжается.

Лина нравилась мужчинам. Но она уже никому не верила. Невольно, она всех молодых людей сравнивала с Вадимом. И, естественно, никто не шёл ни в какие с ним сравнения.

Прошло много лет... И вот Лина, немолодая и большая женщина, сидит и плачет над письмами своего бывшего возлюбленного. Ей не хочется верить, что её обманули, использовали как вещь. Для неё любовь – смысл жизни, самая большая радость. Не может быть, чтобы этого смысла её жизни просто не было. Представить, что её чувствами играл некий проходимец, она не может. Ведь если всех остальных мужчин она сравнивала с Вадимом, значит, продолжала, вопреки всякой логике, его любить.

И не она одна плачет над старыми письмами, не ей одной кажется, что её все-таки любили, пусть и ненадолго. Не зря Купидон, который стреляет из лука, изображен с завязанными глазами. Это правда: любовь – слепа. И пока мы молоды, мы можем исправить эти «ошибки», но к старости нам только и остается, что уговаривать себя: «А всё-таки он меня любил»...

КАЖДОЙ ТВАРИ ПО ПАРЕ

Спасая во время Потопа жизнь на Земле, Бог велел Ною взять в Ковчег «каждой твари по паре». Но где она ходит, эта твоя пара? И как понять: твоя ли эта половина?

Существует гипотеза, что древнегреческий философ Диоген жил в деревянной бочке, стоявшей посреди афинской площади, и размышлял о смысле жизни. В свободное от трудов время он

любил сидеть на берегу реки, связывая нити – простую с простой, простую с золотой, золотую с простой и, крайне редко, золотую с золотой – и пускал их плыть по течению. Так он соединял пары.

Может быть, поэтому в жизни так мало людей, счастливых в браке? Почему, как когда-то заметила одна моя знакомая: «На каждую приличную девушку всегда находится какой-нибудь мерзавец, и как только видишь хорошего парня, его тут же охмуряет какая-то стерва»? И, может быть, те пары, которые кажутся счастливыми, не так уж и счастливы? Ведь недаром говорят: «Под каждой крышей свои мыши».

И кто виноват во всём? Выходит, Диоген. А может быть, это происходит по закону противоположностей, который мы изучали в школе на уроках физики – противоположности притягиваются, как плюс и минус? В природе должен же сохраняться баланс!

Наша судьба во многом зависит от того, что в нас заложили в детстве. Родители старались дать нам всё, что только можно было. Нас учили добру, приучали к труду, чтению книг. Всё начиналось со сказок. В сказках Иванушка-дурачок очаровывает принцессу и женится на ней, Иван-царевич женится на лягушке, в Золушку влюбляется принц. Скажите, чем очаровать мог Иванушка-дурачок принцессу, лентяй Емеля, который все время лежал на печи, царевну? Они что, много читали, много знали, умели, с ними было интересно? Или Золушка... Да, красивая, трудолюбивая, добрая... Вот и выходи замуж за такого же простого работающего парня. Так нет же, принца ей подавай. Что общего у них с принцем? О какой духовной близости может идти речь?

Вот поэтому сказки всегда заканчиваются свадьбой. А о том, что было потом, умалчивается. Потому что потом начинается жизнь со всеми её «прелестями».

«Сказка – ложь, да в ней намёк, добрым молодцам урок». Вот и делай вывод.

– Если в жизни нет удовольствия, – говорил Диоген, – то в ней должен быть хоть какой-нибудь смысл.

Ответ мы получаем из Ветхого Завета. Господь благословил Адама и Еву и сказал им:

– Плодитесь и размножайтесь.

Но Бог не учел, что этот процесс нельзя пускать на самотёк, и доверил такое серьёзное дело Диогену. И получилось то, что получилось.

ПАПИНА ЛЮБОВЬ

Эдуард Владимирович был уже немолод, когда Господь послал ему доченьку. Малышка была прехорошенькая: светловолосая, голубоглазая, пухленькая. Она казалась ему самой красивой, самой смышлёной девочкой.

– Почему никто не подходит ко мне на улице во время прогулок и не говорит: «Какой очаровательный у вас ребёнок!» – удивлялся он.

Мне кажется, ни один отец не уделял столько внимания своему ребёнку, сколько Эдуард Владимирович. Он был ей больше мамой, чем сама мать: кормил, гулял, купал, играл, читал книжки, пел песни, учил всему, чему только мог. Когда он все это успевал? (Эдуард Владимирович был начальником конструкторского бюро большого завода).

Девчушка была живая, умненькая, рано начала читать, очень любила петь и рисовать.

– Как хорошо Леночка поёт! А как она рисует! – восторгался Эдуард Владимирович, показывая всем её рисунки. – Она у нас будет художницей.

А когда Леночка ещё и стихи начала писать, его восторгу не было предела.

– Какая талантливая девочка, как щедро её одарила природа! – с гордостью восклицал он.

Как же он любил Леночку! Всё для неё, всё, что ни пожелает, лишь бы она была довольна. Он готов был полюбить весь мир, который признавал и любил его дочь.

Эдуард Владимирович мог позвонить мне в час ночи:

– Послушайте, что написала моя Леночка!

И я слушала, у меня язык не поворачивался сказать ему:

– Я уже сплю, мне утром рано вставать, давайте вы мне Леночкины стихи читаете завтра.

Леночкины картины выставлялись на вернисажах, Леночкины стихи и рассказы были опубликованы в разных журналах. Эдуард Владимирович сделал всё, чтобы вышла книга Леночкиных стихов. Он жил жизнью дочери.

И вот, Леночка – студентка факультета журналистики МГУ. Эдуард Владимирович был счастлив.

– Куда только смотрят молодые люди? Такая Леночка! – недоумевал он.

Ему казалось, что все без исключения должны быть влюблены в его доченьку.

И вдруг:

– Вы представляете: моя Леночка встречалась со своим сокурсником. Наступило лето. Ребята решили поехать на родину молодого человека – он из Казахстана, а потом отдохнуть в Крыму. Так его родители не захотели принять Леночку, – возмутился Эдуард Владимирович. – Парень из тьмутаракани, на ногах еще не стоит. Ну, какой из него муж? Но девочка влюблена. И мы готовы взять его к себе на всё готовое. А они даже не видели Леночку, и уже настроены против. У меня нет слов от возмущения!

– Эдуард Владимирович, успокойтесь! Подумайте сами: семья против этого брака. Пойти наперекор семье не каждый сможет. А тут еще и национальные проблемы. Да вы и сами считаете, что Леночка заслуживает лучшего.

– Это-то да. Вот и жена говорит, что ангел-хранитель отвёл от Леночки беду. Да парень и не нравился супруге. Но, – всё никак не может прийти в себя Эдуард Владимирович, – такая Леночка, умница, красавица, отличница, москвичка. Да они должны были быть счастливы, что их сына полюбила такая девушка!

– Леночка, наверно, очень переживает?

– Я бы не сказал. Она с подружкой отдыхает сейчас в Крыму в молодёжном лагере. Очень довольна. Говорит, хорошая компания подобралась.

– Ну, вот, видите, а вы волнуетесь. Всё у Леночки будет хорошо. Мы еще погуляем на её свадьбе.

– Хорошо бы, – с надеждой улыбнулся Эдуард Владимирович.

Но, говорят, «человек предполагает, а Бог располагает». Жизнь никого не щадит. Смерть всегда неожиданна. Потерять такого отца, друга, каким был Эдуард Владимирович, лишиться его невероятной любви... Кто теперь защитит Леночку и её маму? Девочка в одночасье повзрослела. Нелегко, ой, как нелегко! Но Леночка – дочь своего отца. От него она унаследовала отношение к миру, людям. Леночка такая же энергичная, деловая, ответственная, как отец. Папина безоглядная любовь не испортила, как это часто бывает, её. Стипендии и маминой пенсии явно не хватает, и Леночка пошла работать. Она полностью взяла на себя заботу о больной маме. И дай Бог, чтобы она, наконец, встретила своего единственного.

РАБОТА И ХОББИ

Большую часть своей жизни человек проводит на работе. Работа нас кормит, одевает, позволяет отдыхать, обустроить дом, помогает чувствовать себя сильным, уверенным... Хорошо бы, чтоб работа не только приносила деньги, но и доставляла удовольствие. Каждому хочется заниматься любимым делом, но не у каждого есть такая возможность.

К сожалению, многие люди совершенно не получают удовольствия от своей работы – из года в год они вынуждены идти на работу, которую ненавидят лютой ненавистью, мысль о завтрашнем рабочем дне настолько их угнетает, что не хочется просыпаться утром. И это печально. Хорошо, когда работа – это хобби, которое доставляет тебе радость.

– Я никак не могу с этим согласиться, – сказал мне приятель. – Работа, даже любимая, не может быть хобби, так же как и хобби не может быть работой. Работа и хобби – это как жена и любовница – вещи абсолютно разные по своей природе, и все четыре входят в джентльменский набор: жена, работа, любовница, друзья и хобби.

– Жена и любовница – две одинаково несчастные женщины, которые безуспешно пытаются поделить одного мужчину. Но какое это имеет отношение к работе? – удивилась я. – И почему ты считаешь, что хобби и работа несовместимы?

– А ты никогда не задумывалась, что слова РАБОТА и РАБ одного корня? Видимо, в рабовладельческом обществе обязанность работать ложилась главным образом на плечи подневольной части населения.

– Выходит, ничего в мире не меняется: хотим или не хотим, мы подневольные, мы РАБЫ РАБОТЫ, – рассмеялась я. – Деньги – это жизненная необходимость. Но всё же хочется, чтобы работа была в радость.

Мне жаль людей, которые занимаются нелюбимым делом.

Мой сосед по образованию экономист. Работу свою не любит, ходит на неё, как на каторгу. Он всю жизнь увлекался кино. Ему бы во ВГИК на киноведческое отделение, но...

Сестра моя с Красным дипломом окончила МИХМ (Московская академия химического машиностроения). Но вскоре поняла, что это не её. Сестра неплохо пела, танцевала, хорошо играла на пианино и гитаре, любила выступать. «Мне надо было учиться в театральном институте на отделении музыкальной комедии, – говорила она. – Работа должна быть в радость». Зачем тогда поступала в технический ВУЗ? – За компанию с молодым человеком, чтобы, как она говорила, быть к нему поближе.

Но ведь «учиться никогда не поздно», и получив новую, интересную профессию, можно было бы заниматься любимым делом, с удовольствием ходить на работу, чувствовать себя счастливыми. Что и сделала моя сестра.

После рождения ребёнка она пошла работать в детский сад музыкальным работником. Если бы вы только знали, какие чудесные праздники она устраивала детям!

Есть люди, которые обожают животных и всё свое время посвящают им, любимым. Мой племянник по настоянию родителей поступил в МИРЭА (Российский технологический университет). Прочувшись там некоторое время, понял, что хочет совсем другим заниматься, бросил университет и поступил в Ветеринарную академию. И он счастлив.

Задумывались ли вы над тем, что хобби может стать не только делом для души, но и приносить реальные доходы? Вы думаете, что хобби и работа несовместимы? А вот и нет.

Например: женщины, которые вяжут, получают такое наслаждение, что время пролетает незаметно, а вместе с ним рождаются настоящие шедевры – свитера, кофты, шапки и другие нужные вещи. Замечательное хобби, дающее радость и тем, кто вяжет, и тем, кто носит эту одежду. И одновременно даёт неплохой заработок.

Очень популярное хобби – мыловарение. Многие домохозяйки и работающие женщины вкладывают время и средства в развитие этого увлекательного дела.

Другие же не могут представить своей жизни без такого хобби, как компьютер. Интернет – это часть их жизни. Они готовы часами и ночами сидеть в сети и изучать новую информацию.

Подруга моя любит разводить цветы. А с каким вкусом она собирает букеты! Работа флориста доставляет ей огромное наслаждение.

Одна моя знакомая – филолог по образованию, в студенческие годы пела в оперной студии МГУ. Она часто выступает перед разной аудиторией с лекциями-концертами, посвящёнными истории русского романса.

– Я где-то читала, что слово РАБОТА произошло от слияния двух слов: древний бог РА – Бог Солнца, доставляющий

Свет, Радость в Души людей. (Солнечное воплощение Духа Рарога в образе Жар-Птицы) и БОТА – разговор, т. е. РАБОТА – это РАЗГОВОР С БОГОМ. Бота – это не просто жаргонное выражение, так выражались в Нижнем Новгороде, и это слово есть на берестяных грамотах. Отсюда и пошло слово РАБ – РА БОТАТЬ – разговаривающий с Богом.

«Родился я с любовью к искусству, трудился, не замечая труда – по призванию; а засим – счастье, счастье... Зачем скрывать: душа у меня самая чернорабочая, я готов всякий, самый торжественный момент моего личного торжества променять на часы уединенного труда своего в излюбленном искусстве... и в 70 лет я чувствую, как опять кровь кипит молодо...» – отметил великий русский художник И.Е. Репин на своем 70-летию в 1914 году.

– Это счастье, когда ты делаешь то, что тебе нравится, доставляет удовольствие!

– А тебе за это еще и деньги платят, – смеётся приятель.

СИЛЬНАЯ ЖЕНЩИНА

Говорят, у хорошего мужчины женщина счастливая, а у остальных – сильная.

Если женщина счастлива, это нельзя не заметить. Её глаза будут сиять, блеснуть и буквально излучать счастье. Окружённая заботой, вниманием, любовью мужчины, женщина чувствует себя защищённой. Она спокойна, уверена в себе.

А что понимать под понятием «сильная женщина»? Если ту, которая тянет на себе семью, мужа-пьяницу, кучу детей, работает на трёх работах – это позор мужчины. Если женщина самодостаточна, умна, образованна, ухожена, способна заработать и не зависеть от мужа, даже обеспеченного – тогда это заслуга самой женщины. И если мужчина не мешает ей реализовать себя – это счастье.

– Когда я встретила Бориса, – поделилась со мной подруга, – я сразу почувствовала, что он надёжный, защитник. Мы женаты уже тридцать лет. Конечно, как в любой семье, были и ссоры, и обиды, но и я ни разу не пожалела, что вышла за него замуж. Любовь, понимание и уважение – вот то главное, что я получила от него. Борис хорошо зарабатывает, я вообще могла бы не работать, но он, хорошо зная меня, понимает, что я не могу заниматься только домом, мне необходимо реализовать себя. Он поддерживает меня во всем.

Иветта сильная женщина – личность, и в то же время она счастливая женщина. Она нашла в лице мужа и интересного человека, и советчика, и друга, на которого можно опереться.

Счастье женщины не всегда зависит от того, как муж её обеспечивает.

Муж Алины – крупный бизнесмен. Он обеспечивает семью от и до. Отдыхают они на лучших курортах, объездили весь мир. Алина может вообще не работать. Салон красоты, фитнес-клуб... Но счастья нет. Всё должно крутиться вокруг него, любимого – приготовить, подать, убрать, не задавать «лишних» вопросов.

– Ты почему на похороны пришла в таком затрапезном виде?! – рассердился он на жену. На Алине было надето дорогое модное пальто чёрного цвета и изящная чёрная шляпка, – почему не в новой норковой шубе и не в бриллиантах? Что обо мне подумают люди? Ведь обо мне и моём положению судят по тому, как выглядит жена, как она одета.

Что тут скажешь?

У Алины затравленный вид – уголки губ опущены, на лице натянутая улыбка.

Несчастливая женщина – позор мужчины.

Родители мои поженились во время войны, оба работали на военном заводе. Жили мы в маленькой комнатухе. Все удобства на улице. Родилась я, через пару лет сестра. Мама сидела дома, она не могла ни на минуту оставить больную бабушку,

к которой ежедневно приезжала скорая помощь. Да и дети маленькие. Папа работал на двух работах, чтобы прокормить семью. Но как он радовался, если маме удавалось выкроить какие-то копейки и что-то себе купить. Ему ничего для неё не было жалко. Часто в воскресенье папа вставал с утра пораньше и, пока мама спала, начинал чистить картошку.

– Вот Рая проснется, а её ждет жареная картошка или дра-ники. Она так их любит! – говорил он.

– У мамы болит голова. Чтоб вы ходили на цыпочках! – стро-го говорил он нам с сестрой.

– Мама из-за вас нервничает, – ругал он нас, – не смейте ее волновать!

– Мама волнуется! Почему ты её не предупредила, что за-держишься? – выговаривал он мне.

Мама же, если папа приходил с работы чем-то расстроенный, старалась всячески его успокоить. Она оберегала его от неприят-ностей, волнений.

То, с какой любовью и уважением относились мои родители друг к другу, было для меня образцом отношений между муж-чиной и женщиной.

Мама не была слабой женщиной. Но даже сильной женщине порой хочется быть не замужем, а за мужем.

Я же почувствовала себя человеком, когда рассталась с мужем. Он не пил, не курил, не волочился за женщинами. Он коллекционировал. Коллекционировал всё подряд – марки, значки, открытки, монеты, книги, пластинки, забывая о том, что у него есть семья и обязанности перед ней. Даже ребёнка оставить на него было невозможно, он мог попросить любую бабуку во дворе присмотреть за малышом и уйти менять «шило на мыло». А ещё он был заядлым киношником. Во время ки-нофестиваля или декады какого-то кино он брал за свой счёт две недели и смотрел по восемь-десять фильмов в день. Это уже патология.

– Вот закончится фестиваль, и «блудный сын» вернется в семью, – смеясь, говорил он.

Такое отношение к жене, ребёнку – позор.

Слава Богу, я нашла в себе силы положить конец такому «счастью». Послать мужика куда подальше – большого ума не надо. Кстати, женщины, как правило, сначала находят замену мужу, а потом уже уходят. Я же уходила в никуда. Но тем самым я сохранила себя и ребёнка.

– Ты сильная, – говорили мне.

Нет, я не сильная, я вынуждена быть сильной.

У многих не хватает воли положить конец вот такой «счастливой жизни»: пьёт, бьёт, изменяет. А она всё терпит, пытается сохранить видимость семьи, как моя соседка Ольга. Сколько раз она зимой, раздетая, в одном халате и тапочках на босу ногу забегала ко мне с ребёнком на руках и отсиживалась, пока любимый муженёк утихомирится. А на следующий день с фингалом под глазом, под ручку, улыбаясь, шла с ним, демонстрируя всем, как она счастлива. Как говорят, бьёт – значит, любит. Ну что ж, нравится такая жизнь – терпи. Сильная ли она? Нет, конечно. Но муж её – позор женщины.

А вот моя умная подруга Мила сумела из выпивохи и бабника сделать на старости лет для себя настоящего мужа, преданного, заботливого. «Я тебя слепила из того что было». Вот это сильная женщина!

«Сила женщины в её слабости»... А я бы сказала, в её гибкости. Умная женщина всегда руководит мужчиной так, что он этого и не замечает.

– Вот придёт САМ и решит, как нам быть, – как-то услышала я.

Да не САМ решит, а женщина уже давно всё за него решила. Ведь недаром говорят: «Муж голова, а жена – шея. Куда хочет, туда и повернёт». Но зато он-то САМ.

В большинстве своем наша российская женщина «сильная» – «коня на скаку остановит, в горящую избу войдёт». А что

ей еще остаётся? Она вынуждена быть таковой. А не виновата ли сама женщина в этом? Мы же сами не даём мужчине почувствовать себя сильным, мужественным, защитником, «героем», взваливая на себя всё.

Сильная женщина... Сильная женщина – позор мужчины.

«Я С ЖЕНЩИНОЙ РАЗГОВАРИВАЮ...»

– Куда ты прёшь, бабка? – кричит разъярённый водитель автомобиля.

Почему «бабка»? Я, конечно, не молодая женщина, но «бабка», да ещё «прёшь» – звучит оскорбительно. Кстати, я перехожу улицу на «зебре», где машины должны пропускать пешеходов. А вот откуда ты, хам, выскочил и куда несёшься – вопрос.

Как же много у нас хамов развелось! И мы к этому привыкли. И когда встречаешь нормальное человеческое отношение, воспринимаешь его как что-то особенное.

При выходе из метро у меня у меня что-то вступило в спину. Еле-еле, согнувшись в три погибели, плетусь я к дому. Только дойти бы.

Навстречу мне идёт подвыпивший мужичок.

– Мать, (тоже мне сынок!) что это ты так идёшь? – спрашивает он меня.

– Да, вот, спину прихватило, – отвечаю ему.

– Ты где живёшь? Давай, я тебя провожу, – предлагает он. Только этого мне не хватало!

– Да, нет, спасибо, как-нибудь сама доплетусь.

– Ты что, мать, мы же люди, мы должны друг другу помогать! – уговаривает он меня.

– Спасибо, но мне уже лучше. Дойду.

В этот момент у него зазвонил мобильник. Его разыскивают родные, волнуются, что он долго отсутствует.

ИАНА АСНИНА

– Да, принесу, принесу я вам ваше молоко, – кричит он в трубку. – Никуда я не пропал: я с женщиной (выделил он голо- сом) разговариваю.

Надо же, то была «бабка», а теперь «женщина».

А на днях я возвращаюсь домой и не могу попасть в подъезд. Рабочие чистили крышу и завалили снегом крыльцо и все под- ступы к нему. Сугробы в человеческий рост. Спрашиваю, когда дорожку расчистят, и слышу в ответ:

– Наше дело – сбросить снег с крыши, а когда дворник его уберёт – не знаем.

Что делать? Как попасть в подъезд? Холодно... Я устала. Присесть негде.

Вижу, дверь слегка приоткрывается, и в щелочку протиски- вается худенький паренёк. Показывая чудеса акробатики, он выбирается из этого завала.

– Молодой человек, вы мне не поможете войти в подъезд? – прошу я его.

С трудом парень втащил меня на ступеньку, и... мы падаем в сугроб. Лежу я с молодым человеком в снегу (дожила на старо- сти лет!) и думаю: «Не выбраться нам отсюда».

Но парень как-то изловчился и вылез из завала. А я при ма- лейшем движении всё глубже погружаюсь в снег.

– Ну, всё, – говорю, – видно, так в сугробе и останусь.

Парень смеётся:

– Сейчас я вас вытащу.

– Тяжёлая я, – говорю я ему. – Не сможешь меня ты поднять. Зови кого-нибудь на помощь.

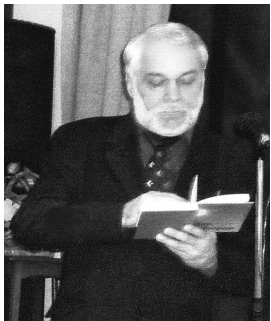
– Ну, нет, это уже дело чести, – отвечает парень.

Извлёк он меня из сугроба и на руках занёс в подъезд.

Это надо же: на старости лет и повалялась с парнем в сугробе, и на руках меня носили.

Да... Чего только в жизни не бывает!

Вячеслав СУВОРОВ

Вячеслав Михайлович Суворов – поэт, член МГО Союза писателей России.

По образованию инженер, много лет работал по специальности. Автор книг «Дар Творца», «Знак вечного благоденствия», «Московский день в Байконурском свете», «Байконурский старт», «Московский свет», «Юная муза».

Творчество поэта по достоинству оценили и читатели, и литературная критика. За вклад в развитие отечественной культуры Вячеслав Суворов неоднократно награждался литературными премиями и медалями.

Живёт в Москве.

Как светло молиться,
Так тепло любить!
Как воды напиться,
Так навеки быть!..

* * *

За человеком идёт человек.
Одобрят он мнение прошлое,
Что сила богатств в ужасающий век
Немало дала всем хорошего!

Но не продаётся лампада души.
Лишь в праведности есть суть блаженства.
Ты душу свою не богатством круши,
А вечности – всесовершенством!

И чтобы остаться нам жить на века,
В бессмысленности не умирая,
Оставим богатства – в сих пыльных мирах
И вкусим Свет Вечности – Рая!

* * *

Разлука встала брэнного преградой..
И соловья замолкла в сердце трель.

Лишь сны остались милою отрадой,
А сердце запорошила метель.

Мне помнится: грустящее, такое..
Прощание, как осень. Ты поверь:

Отзвенело! – время золотое!
Мы – другие. Мы не те теперь.

* * *

Иду и проклиная комаров.
Их – просто пропасть! Что за пакость, право!

А рядом: звоны птичьих голосов!
И зоревая, тонкая прохлада!

Они – мешают петь! Корёжут – мысли!
И тянут песнь – занудную, свою.

А может, пенье их – звучит почище?..
Быть может... Только я – не уловлю.

* * *

Взметнувшись заревом пожара,
В бетон всю мощь вонзив,
Направлен – ко звезде Полярной,
«Протон» – стартует ввысь.

Трепещут струи – раскалённо,
Ревёт – стальная высь.
И – турбачи трубят ядрёно –
Рыдают – даль и близь.

Клокочущий, раскатный рокот,
Упёршись рыком в шар земной,
В минуту – превратился в шёпот,
И – тает в небе над Землёй.

Я тихим взглядом провожаю
Его волнующий прибор,
И мысленно тепло желаю
Удачи звёздочке родной!

ПИСЬМА ИЗДАЛЕКА

Мне пишут письма в степь, – сынок и дочка,
На им понятном, детском языке.
Вот домик. Вот каракули-цветочки.
А вот – парит ракета! – на листе.

Я далеко. Но греет мне дыханье
Остуженное лето давних дней, –
Когда – как и они – взмахнув руками,
Летал я в небе – просто: как во сне.

А здесь давно уже цветёт веснища!
Но рвётся сердце к вам, родные мне, –
Дочурка, сын, – и я пишу вам письма
На вам понятном, детском языке.

ФИЛОСОФИЯ

Я – с космосом неверно обручился,
В божественной замене бытия!

Я – в непрерывности струился.
Когда ещё – не обручалось «я».

В ней – вечности моей была порука
Которая – уже была моя!

В земной восторженности звука!
В божественной замене бытия!

* * *

Какая зоренька нарядная!
Как ждал её десяток дней.

Какая синева багряная!
Как сильно я скучал по ней.

Как море на закате зыбится!
Какая песня волн – звучит.

Как синева в душе улыбится!..
Какая рифма в ней – молчит?!

* * *

Опять стволы берёз заголубли,
Вновь сосен распушилася гряда.

И вечер – тихой, ласковой капелью, –
Журчит водицей талой из-под льда.

Невдалеке повис на ветках месяц,
В узорном блеске спелом, золотом.

А колокольчик милых, тёплых песен
Светло завеял мысли полусном...

* * *

Вечер в синь раскинул ветки.
Краски дня, сгустев, поблекли.

По мутным лужам медленно бреду один,
Глотая вечера щемящий кодеин.

Струна души без хрипа порвалась,
И в синь глядит большущими глазами.

И видит там, что юность пронеслась,
Плескаясь лазурными волнами.

Ей ничего не нужно в этой сини.
Волнуйся, лунность, – только не во мне!

Мне чувства с мыслью не назвать своими,
Как называл их в прошлой я – весне...

* * *

Души неясный ропот
Сегодня уловив,
Не думай: «Это – шёпот
Необъяснимых – сил».

Грустит душа земная.
Ей – просто тяжело.
Прислушайся. Узнаешь.
Страдает. А – за что?

* * *

Тонко – тьму сменяет – синева.
Занялся – рассвет, светолубивый.
Темень – отдаёт ему права.
Света блик – сияй, светло! – игривый

Рань утра – не трогается ветром.
Милый час! Я – весь во власти нег!
Ночь, сгорев, подернулася пеплом.
А я – в рассвет влюблённый человек.

Мне б жить и жить – минутами рассвета
В пронзительной, чудесной тишине!
Так звонко мне – мечтать душой поэта!
Так – юно, хорошо! – гореть в огне.

* * *

Ночь набухла хмарью пьяной,
С чудной прелестью лесной.

Свод небес – бездонной ямой,
Опрокинут в глаз земной.

В нём мигают мириады
Тонких, ярких звёзд!

Что же свет ночного сада
Весь – в крупницах слёз?

* * *

Покидая пески Байконура,
Что огнисто и пепельно жгут,
По-солдатски, легонько нахмурясь,
Я кричу: «Космодрому салют!»

Мы нескоро увидимся снова,
Но волнующий пот на висках
Я прочувствовал – трудно, сурово.
Будет память об этих трудах.

Пусть работа и жгла, и томила,
Но ведь, пуски ракет возвестив,
В грудь впечатался, ровно и живо,
Космодрома стартующий стих.

МНЕ БЫ ЖИТЬ И ЖИТЬ МИНУТАМИ РАССВЕТА

* * *

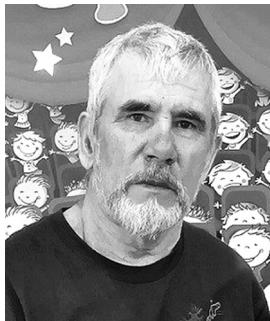
Сбежать бы к мечте навечно!
Тихую песню петь.
Нежно, светло, человечно –
Чьё-нибудь сердце греть.

И птицы в душе б летали!
И слышалось бы – хоть слегка! –
Поэзия – движет веками,
Разламывая века!..

ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Виктор ПОЛЯНСКИХ

Виктор Антонович Полянских – поэт. Родился в 1953 году. Начал писать после службы в армии в 1976г. Его стихи публиковались в газетах «Металлист», «Знамя», «Молодой коммунар», «Московский литератор». Он является автором трех книг для детей и публикаций в альманахах. Принимал участие в семинарах по детской и юношеской литературе под руководством А.П. Торопцева в Литературном институте им. А.М. Горького. Дипломант международного поэтического конкурса «Золотая строфа – 2012» в номинации «Стихи для детей», лауреат Тульской областной литературной премии им. Ярослава Смелякова.

Живёт в г. Реутов Московской области.

СМЕШИНКА ЗА СМЕШИНКОЙ...

МАМЯТА

Раз заспорили ребята,
Что у курочек – курята,
У собачек – собачата,
У овечек – овчενята,
У лошадок – лошадыта.
Нет, ребята.
Так выходит, что у мам
Вы – ребята – не ребята,
А какие-то м а м я т а.
Так, ребята:
У собачек – щенята,
У овечек – ягнята,
У лошадок – жеребыта,
А у курочек – цыплята.
Вот, ребята.

ОТРУГАЛА КУКЛУ ГАЛА

Отругала куклу Гала:
«Ты ещё не поняла?
Чтобы мама не ругала,
Надо знать свои дела.

И не только знать, а делать!
Что моргаешь, как сова?
Разве можно красным мелом
На обоях рисовать?

Лучше б вымыла посуду,
И поменьше болтовни.
Я тебя кормить не буду
За пустое “извини”.

Глянь, валяются игрушки.
И сегодня, и вчера,
Как приклеена к подушке –
Не разбудишь по утрам.

Пить не будешь “Кока-Колу”,
Кушай кашу с молоком.
Вот пойдёшь учиться в школу
И уйдёшь от пустяков.

Что пицишь всё “мама, мама”?
Сколько будет три и три?
А-а, молчишь! С такой упрямой
Я устала говорить.

Вон и мама. Всё... короче:
Спи, и баиньки-люлю».
– Гала, дочка, кушать хочешь?
– Мама, я тебя люблю!

УПРЯМЫЙ И ПОСЛУШНЫЙ

Есть у мамы
Сын упрямый:
Маму будит по утрам.
Есть сготовит,
Стол накроет
И посуду моет сам.

Мама очень
Сыну хочет
В математике помочь.
Сын упрямо:
– Что ты, мама,
Всё я сделал в эту ночь.

Есть у мамы
Неупрямый
Сын послушный, хорошист.
Любит слушать,
Молча кушать,
И – по-своему решит.

ПРИГОТОВТЕСЬ, ДЕТИ

«Приготовьтесь, дети:
Вас пугать я буду.
Чтоб не так бояться
Поплотней зажмурьтесь
И лицо в ладони
Спрячьте понадёжней.

Будет очень страшно,
Даже жутковато.
Ничего страшнее
Не было у вас.

Так и Змей Горыныч
Напугать не сможет.
Сядьте поудобней,
Чтобы не упасть.

Только вам не надо
В щёлочку меж пальцев
Любопытным взглядом
На меня глядеть...».

«Ба-ба-бах!!!» – мальчишка
По столу ударил.
Вздрыгнул я от страха
И свою страшилку
(Чем хотел пугать я)
Тут же позабыл.

Рассмеялись дети
Надо мной шумливо.
Я стою напротив,
Весь окаменел.

А потом с детьми я
Смело рассмеялся.
И с тех пор ни разу
Не пугал детей.

ДЕД И ВНУК

– Дед, а, дед,
Где твой обед?
– Внук Стёпа
Всё слопал.
– Дед, не грусти –
Внуку надо расти!
Станет большим,
Плечи – в аршин.
Внуку – зачёт,
Деду – почёт!

ДАНИЛА И ЛЯГУШКИ

Невлюбил один Данила
Ни шампуня и ни мыла.
У Данилы на макушке
Поселились две лягушки,
Потому что тот Данил
Месяц голову не мыл.

А лягушки: «Ква-ква-ква!
Ой, какая голова,
Будто кочка на болоте,
Мы пожить на ней не против.
Тут какие-то букашки
Наварили белой кашки».

– Эй, Данил! – кричат подружки, –
Хороши твои лягушки –
Подари лягушек нам,
Отнесём их в ресторан,
Там они, твои красотки,
Спляшут нам на сковородке.

– Нет, вы что, вы что, вы что!
Не отдам их ни за что!
Эти милые лягушки
Мне почёсывают ушки.
А одна из них, наверно,
Будет добрая царевна.
Я, признаться, не боюсь:
Подрасту – на ней женюсь.

А подружки: «Ха-ха-ха!
В голове одна труха.
Ждёт лягушка жениха –
Ой, какая чепуха».

Не обиделся Данил,
Все дразнилки позабыл.
А что было с ним потом,
Не рассказывал никто.

Кто не любит, как Данила,
Ни шампуня и ни мыла,
Ждёт, покуда на макушке
Заква-ква-кают лягушки?

БАЛДАБАРАН

Богдан у Бориса променял
Барабан на банан.
Богдан съел банан и закричал:
– Борис, отдай барабан!
А Борис: «Ты что, баран?!
Променял барабан на банан,
Теперь и стучи, балда,
В свой балдабаран».

МОДНИЦА И ТУФЕЛЬКИ

Есть у модницы Тамары
Туфелек четыре пары.
Тома держит их в руках:
Две – на низких каблуках,
Пару – на высоких
С носиком широким.
И ещё в коробочке –
В стразах туфли-лодочки.
Мы со счётом все знакомы?
Сколько туфелек у Тома?

МОЙ ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

Мне на день рождения
Подарили фантики,
Потому что сладкое
Кушать мне нельзя.

И ещё открыточку,
Даже самодельную,
Принесли в конвертике
Добрые друзья.

Милая подруженька
Подарила камешек,
Что вчерашним вечером
Во дворе нашла.

Я тихонько радуюсь
Моему рождению
И посуду грязную
Мою со стола.

ДРУЖБА

Мизинчик за мизинчик
Сходили в магазинчик,
Купили лимонада
И плитку шоколада.

Ладонка за ладонку
Присели у окошка,
И сладкое со сладким
Едим мы без оглядки.

Словечко за словечком,
Сердечко за сердечком,
Пока далёки тучки,
Идём мы ручка в ручке.

Улыбка за улыбкой,
Смешинка за смешинкой,
Припрыжка за припрыжкой,
И ножки, как пружинки.

Мы скачем ножка в ножку,
То вальсиком закружим.
И мы не понарошку
Идём, поём – и дружим!

УЗЕЛОЧЕК

Мамочка, мамуля,
Завяжи шнурочки,
Затяни потуже
Этот узелок,
Чтобы он держался
Крепко, очень крепко,
Чтобы развязаться
Никогда не смог.

Узелочек, узелочек,
Ты со мною подружись.
Я бегу на бугорочек,
Ты смотри, не развяжись!
Ты, дружок, будь покрепче
И меня не подведи,
Чтобы нам бежалось легче –
Много горок впереди.

Много горок, много ямок
И песочка, и камней.
Чтобы нам родная мама
Улыбалась веселей.

Вышло, к сожаленью,
Мамин узелочек
На крутом подъёме
Выдержать не смог.
Я теперь умею
Завязать шнурочки,
Затянуть покрепче
Новый узелок.

Узелочек, узелочек,
Ты со мною подружись.
Я бегу на бугорочек,
Ты смотри, не развяжись!
Ты, дружок, будь покрепче
И меня не подведи,
Чтобы нам бежалось легче –
Много горок впереди.

Много горок, много ямок
И песочка, и камней.
Чтобы нам родная мама
Улыбалась веселей.

КОЛЫБЕЛЬНАЯ

На хозяйском на дворе
Спят щенята в конуре.
У собачки Ласки
Лишь закрыты глазки.

Спят коровы, и телята,
И кудрявые ягнята.
На соломе без подушек
Спит-храпит семейка хрюшек.

А с гусыней спят гусята,
С мамой-уткою – утята,
И у курочки-наседки
Спят под крылышками детки.

Спите, птички и зверята,
Спите, малые ребята.
Спите, детки, спите,
Сны свои смотрите.

Евгения ПОЛЯКОВА

Евгения Васильевна Полякова – прозаик. Родилась в Москве. Окончила МГПИИЯ им. М. Тореца, работала переводчиком, преподавателем. Литературной деятельностью начала заниматься в 2018 году. Публиковалась в альманахе «Славянские встречи», в альманахе «Чонгарский бульвар», в литературно-историческом журнале «Великороссь», в литературно-художественном журнале «Свет столицы». Член литературного объединения «Чонгарский бульвар». С 2020 года член Московской городской организации Союза писателей России.

Живёт в Москве.

ЖЕМЧУЖНЫЕ СЕРЬГИ

Повесть

Глава 1. Серьги могут быть живыми

У одной женщины была старинная шкатулка, где она хранила свои украшения. Любимым занятием её дочери-подростка было рассматривать эти безделушки, примерять их, придумать для себя тот или иной образ. Мать не препятствовала ей в этом, только тихонько вздыхала про себя: «Как быстро летит время!». Казалось бы, девочка знала содержимое шкатулки наизусть, но в этот раз её взгляд упал на скромные небольшие серьги. Раньше она не обращала на них внимания, уж слишком малозаметны они были среди других украшений.

– Мам, что это?

– Это серьги моей бабушки, твоей прабабушки.

– А почему ты их не носишь?

– Они не захотели.

– Как это «не захотели»? Они же не живые!

– Ещё какие живые! Это же настоящий жемчуг.

– Все равно, разве камни могут быть живыми?

– На первый взгляд, конечно, нет, они ведь не могут двигаться, издавать звуки. А на самом деле каждый камень обладает своим характером, может влиять на настроение, даже на судьбу владельца. А уж жемчуг – самый живой из драгоценных камней, его ведь производят живые организмы.

– Ой, как интересно! А какие?

– Моллюски. Это такие простейшие животные, живущие в раковинах. Представь себе, что внутрь раковины попала какая-нибудь песчинка или паразит. У моллюска слишком слабые мышцы, чтобы вытолкнуть чужака наружу. Тогда срабатывает механизм самозащиты. Моллюск начинает обволакивать инородное тело перламутром, как бы заключает его в герметичный контейнер. Так внутри раковины образуется жемчужина. А во-

обще у этих серёг замечательная история. Они ведь старинные, им больше ста лет.

– Ой, мамочка, расскажи!

– Ну, слушай! Это, пожалуй, интереснее любой компьютерной игры.

Глава 2. «Кто был охотник? Кто – добыча?»

В тёплом море на Юго-Востоке Азии есть гряда небольших островов. Дно вокруг них изобилует раковинами-жемчужницами. Местные жители издавна занимались добычей жемчуга. Этот трудный и опасный промысел передавался из поколения в поколение. Мальчишки с раннего детства учились нырять, задерживать дыхание и ориентироваться под водой. Ловцы жемчуга опускались на глубину нескольких десятков метров без всякого специального снаряжения. У них были только острые ножи, чтобы отдирать раковины от подводных скал, и маленькие плетёные корзины для улова. Из ста выловленных раковин лишь в двух-трёх находили жемчуг. Представляешь, сколько раз нужно было нырнуть в морскую пучину, чтобы добыть одну жемчужину? Каждый раз ныряльщик рисковал жизнью: ему могло не хватить воздуха в лёгких, он мог зацепиться за что-то под водой или стать жертвой акул. Каждый сезон сбора раковин обязательно кто-то погибал или получал тяжёлую травму. Однако дело того стоило. Отдельные крупные жемчужины идеальной формы можно было продать очень дорого, а уж ожерелье из подобранных по цвету и размеру жемчужин равнялось целому состоянию. Помнишь у Некрасова: «Дело прочно, когда под ним струится кровь». Правда, Некрасов писал это несколько по другому поводу, но вывел, в общем-то, универсальную формулу. Ну, слушай дальше.

Среди местных ловцов жемчуга самым смелым и удачливым считался Куа-Ли. За несколько сезонов ему удалось добыть целую россыпь роскошных, крупных экземпляров и очень удачно сбыть их скупщику. У Куа-Ли был особый нюх

на жемчуг. Пробираясь вдоль подводных скал, он как будто чувствовал, в какой раковине окажется самая большая, ценная жемчужина. А ведь Куа-Ли был ещё очень молод, впереди его ждало ещё много сезонов подводного лова. Именно поэтому он считался на острове завидным женихом. Однако для себя Куа-Ли уже всё решил: его сердце принадлежало юной Тао, дочери одного из старейших ловцов жемчуга. Она отвечала ему взаимностью. Куа-Ли уже подарил Тао две красивых жемчужины в качестве предсвадебного подарка. В конце нынешнего сезона, после того, как скупщик расплатится за выловленный жемчуг, они поженятся.

Окрылённый любовью, Куа-Ли работал как заведённый. Ему хотелось доказать своей невесте, да и всему свету, что он самый смелый, самый ловкий, самый-самый... Прибрежные скалы он знал как свои пять пальцев и чувствовал, что ничего серьёзного здесь уже не добыть. Куа-Ли решил доплыть до скал, высящихся из моря на расстоянии около километра от острова, и поискать там. Море было абсолютно спокойным. Юноша легко достиг дальней скалы, немного передохнул и нырнул на глубину. Он сразу увидел, что до него здесь уже побывал не один ныряльщик: самые крупные раковины были срезаны, осталась одна мелочь. Но скала уходила в глубину на несколько десятков метров. Туда вряд ли кто рискнул бы заглянуть. Куа-Ли был абсолютно уверен в своих силах. Воздуха в лёгких хватит ещё на пару минут. Он опускался всё ниже и ниже. Вдруг на мохнатом боку скалы он заметил гигантскую раковину размером больше полуметра, настоящего патриарха среди жемчужниц. Вот это добыча! Такого ему ещё не приходилось встречать. Створки раковины были приоткрыты: моллюск фильтровал морскую воду в поисках пищи. Из чистого озорства Куа-Ли сунул руку внутрь раковины. Створки огромной ракушки моментально захлопнулись. Юноша вскрикнул от боли, выпустив весь запас воздуха. Рука была крепко зажата, а сил раздвинуть раковину с помощью ножа другой рукой уже не оставалось. Ослепительный яркий свет вспыхнул в мозгу ныряльщика и тут же погас.

Глава 3. Две жемчужины выходят в люди

На закате солнца Тао ждала Куа-Ли в дальней части острова. Там влюблённые встречались почти каждый вечер. Тао не просто было выкроить время для этих встреч. Она была старшим ребёнком в многодетной семье. В её обязанности входило следить за шестью братьями и сестрами, помогать матери по хозяйству. Тао мечтала о скорой свадьбе с любимым, ведь это позволило бы ей отделиться от семьи и зажить своим домом. Обычно Куа-Ли всегда приходил первым и терпеливо ждал, когда Тао наконец освободится от домашних забот. Но сегодня его почему-то не было на условленном месте. Тао прождала его, пока темнота не окутала пальмы на берегу, и грустно побрела домой. На следующий день она опять терпеливо ждала Куа-Ли, но он так и не пришёл. Когда его не оказалось на месте на третий день, Тао поняла, что море забрало её любимого. Искать тело было бессмысленно: обычно утонувших ныряльщиков съедали акулы. Родственников у Куа-Ли не было. Тао еле упросила отца организовать погребальный костер, чтобы по обычаю жители острова могли проститься с погибшим соплеменником и вознести молитвы об упокоении его души. Когда ритуал закончился, Тао ушла в дальнюю часть острова, где они встречались с Куа-Ли. Она села на берег у самой кромки воды и замерла в оцепенении. Потом начала медленно раскачиваться из стороны в сторону, как будто баюкая своё горе, а потом вдруг запела. Всю свою тоску по любимому, всю боль несбывшегося счастья выражала она в звуках. Мерный рокот прибоя задавал её песне ритм, пальмы сочувственно шелестели упругими листьями. Крики чаек трагическими нотами врывались в протяжную мелодию.

У женщин этого островного племени не было принято долго оплакивать ушедших. Раз излив свою тоску до самого донышка, Тао больше не приходила на берег моря. Но у неё оставались две жемчужины, подарок Куа-Ли. Вечерами, сидя у очага, Тао перебирала эти блестящие шарики, разговаривала с ними как с посланницами жениха, и ей казалось, что он ей отвечает.

Между тем дела в семье Тао шли всё хуже. Её отец уже не мог соперничать в ловле жемчуга с более молодыми и сильными соплеменниками. Запасы еды быстро таяли. Оставалось надеяться лишь на скупщика жемчуга, который раз в год навещался на их маленький остров. В этот раз ему и предложить особо было нечего, так, жемчужная мелочь, не достойная внимания серьёзного коммерсанта. Когда скупщик появился в их доме, глава семьи разложил перед ним годовую добычу: несколько мелких жемчужин, пару красивых крупных раковин. Скупщик сначала вообще ничего не хотел брать, а потом назвал смехотворную цену. На эти деньги нечего было и думать дотянуть до следующего года. И тогда отец приказал Тао показать её сокровище, две заветные жемчужины. Сердце девушки обливалось кровью, но она не посмела послушаться, понимая, что иначе семье не выжить. Скупщик забрал жемчуг и ушёл, довольный. Он знал, что на материке выручит за него по крайней мере в десять раз больше.

Глава 4. Ювелир Леви даёт жемчужинам новую жизнь

Две сестрицы-жемчужины проделали долгий путь через весь континент, переходя из рук в руки, пока не очутились в немецком городе Гамбурге у солидного ювелира господина Абрахама Леви. Он закупил целую партию драгоценных камней у своего постоянного поставщика. Жемчужная пара привлекла его своим нежным оттенком и безупречной формой. Помня, что жемчуг – камень парный, господин Леви решил сделать из этих сестриц серьги. Простые, неброские, призванные подчеркнуть естественную красоту женского лица: блеск глаз, нежность кожи, белизну зубов. Не надо забывать, что в начале двадцатого века правила хорошего тона не разрешали пользоваться косметикой в дневное время, а молодым женщинам предписывалось обходиться вовсе без неё. Исключение составляли лишь «дамы полусвета». К тому же носить бриллианты днём считалось моветоном. А жемчуг, хотя и стоил недёшево, всегда выглядел

«интеллигентно», поэтому порядочные, хорошо обеспеченные дамы выбирали именно его.

Господин Леви был опытным ювелиром. Помимо знания секретов мастерства он умел слышать драгоценные камни, разгадывать их тайны. Сидя в кресле в своём рабочем кабинете, он поместил жемчужины между ладонями, закрыл глаза и прислушался. Постепенно он услышал тихую мелодию. В ней был шум прибоя, запах тропических цветов, нежный шёпот влюблённого юноши, а потом резкий всплеск боли и неизбывная печаль. Господин Леви понял, что с жемчужинами связана какая-то трагическая история. Это заставило его вспомнить прозвище жемчуга: «вдовьи слёзы». Абрахам Леви был в первую очередь коммерсантом и, конечно, хотел извлечь из своего товара максимальную прибыль. Но он не был бездушным, бессовестным дельцом. Господин Леви вовсе не хотел, чтобы его изделие принесло будущей владелице несчастье. У ювелира были любимая жена и маленькая дочь, поэтому он хорошо знал о преобразующей силе любви. И вот что он сделал. Вечером, когда жена вошла к нему в кабинет с дочкой на руках, чтобы он, как обычно, поцеловал её перед сном, ювелир протянул девочке на ладони две жемчужины. Госпожа Леви удивленно взглянула на мужа. Раньше он не позволял ребенку даже приближаться к драгоценностям. «Пусть малышка немного поиграет с ними перед сном», – ласково сказал господин Леви жене. Госпожа Леви ещё больше удивилась, но не стала перечить мужу. Она молча кивнула и унесла полусонного ребенка в детскую. Девочка крепко сжимала жемчужины в кулачке, а глазки у неё уже закрывались сами собой. Прежде чем положить ребенка в кровать, мать немного покачала её на руках, напевая колыбельную. Она словно окутывала своё дитя нежностью и покоем. В тихой песне звучало обещание счастья. В ней было столько любви, что, верилось, она преодолет любые невзгоды. Когда девочка заснула, мать осторожно вынула жемчужины у неё из ручки и отнесла их обратно мужу. Господин Леви подержал жемчуг немного в руках, улыбнулся и удовлетворённо кивнул головой. Теперь он был готов приступить к работе.

Серьги вышли очень простыми и вместе с тем благородными: маленькие золотые лапки крепко держали жемчужины, нисколько не перекрывая их естественную нежность и красоту. Получился идеальный подарок для девушки или молодой женщины.

Глава 5. Подарок для невесты

Через несколько недель в ювелирную лавку Абрахама Леви вошёл молодой человек, скромно, но опрятно одетый, явно иностранец. Это был Иван Петрович Дымов, русский железнодорожный инженер. Он уже полтора года жил в Германии, где работал в крупной транспортной компании. Получив образование в России, он отправился в Германию для изучения опыта эксплуатации железных дорог. Работал он увлечённо, но сердцем рвался на родину. Стажировка подходила к концу, а дома, в родном Красноярске, его ждала невеста, Наденька Вознесенская. Они познакомились, когда Иван Петрович только окончил Институт инженеров железнодорожного транспорта и начал работать на строительстве Транссиба, а Наденька училась в старших классах гимназии. Их роман развивался стремительно, но Наденька была ещё очень молода, а Ивану Петровичу предстояла поездка за границу. В семье Вознесенских к выбору дочери отнеслись весьма благосклонно, но предложили подождать со свадьбой. Поэтому было решено, что они являются женихом и невестой, а поженятся после возвращения Дымова. Заодно и проверят свои чувства. Дымову и проверять было нечего, ведь Наденька олицетворяла для него всё самое дорогое: любовь, уютный семейный дом, чувство Родины. Они обменивались письмами, но разве на бумаге всё скажешь? «Увидеться — это б здорово! / А писем он не любил».

Полтора года в Германии тянулись долго, а пролетели быстро. Всё это время Дымов жил очень скромно, у него не было ни времени, ни желания искать развлечений. Его жалованья инженера-стажёра с лихвой хватало на повседневные нужды,

и в результате на руках у Ивана Петровича оказалась довольно значительная сумма. Он ни минуты не сомневался, на что её потратить: конечно, на подарок любимой Наденьке. Перед самым отъездом он заглянул в лавку Абрахама Леви.

В лавке, или, как предпочитал говорить сам господин Леви, в салоне ювелирных изделий, царил полумрак. Его создавали тёмные стены, мебель, обитая фиолетовым плюшем, витрины из тёмного дерева. Это придавало значительность обстановке. Выбор драгоценностей превращался в таинство. К тому же каждый новый посетитель, попадая из света в полутёмное помещение, несколько терялся, и это давало хозяину возможность быстро оценить клиента.

Войдя в салон с улицы, залитой солнцем, Дымов несколько мгновений привыкал к полумраку. Леви в это время изучал вошедшего. За долгие годы в ювелирном бизнесе он научился мгновенно определять вкус и платёжеспособность посетителя. «Хороший ювелир в первую очередь хороший психолог, – говорил он своим ученикам. – Иногда он может рассказать о клиенте такое, о чём тот и сам не догадывается».

Леви сразу определил, что особенно больших денег у посетителя нет, он мало что понимает в драгоценностях и, скорее всего, не будет торговаться.

– Добрый день! Чем могу служить, молодой человек? – приветствовал Дымова ювелир.

– Здравствуйте! Вот, ищу подарок для моей невесты. Я, правда, ничего не понимаю в женских украшениях. Может быть, вы мне поможете?

«Боже! Какая наивность! Наверняка готов потратить всё, что у него есть. Можно будет впарить ему второсортную вещь по цене экстра-класса!»

– О, так молодой человек – жених! Поздравляю! Ваша невеста, конечно, молода и красива?

– Да, она совсем молодая девушка. А насчёт красоты не знаю... Для меня лучше неё нет никого на свете!

«Ого, он еще и по уши влюблён! Тем лучше, любовь обычно не в ладах со здравым смыслом».

Не успел господин Леви так подумать, как молодой человек вдруг достал из внутреннего кармана фотографию и протянул её ювелиру. «Вот, посмотрите. Правда, она чудесна?» Абрахам Леви осторожно взял карточку в руки, заранее придав лицу умильное выражение. Он уже готов был произнести дежурную фразу, что-то вроде «Очаровательно! Какой вы счастливец!» Но неожиданно слова застряли у него во рту. С фотографии смотрела юная девушка в гимназическом платье. Светлые волосы заплетены в косу. Нежные черты лица, детская припухлость щёк, наивный рисунок губ. Но глаза! В них читалось предчувствие трагедии, может быть, даже смертных мук. Такой взгляд Абрахам Леви видел у Сикстинской мадонны на картине Рафаэля, а ещё у своей бабки Рахили, пережившей несколько погромов в маленьком еврейском местечке в далёкой России.

Решение пришло моментально.

– О, я знаю, что вам нужно, молодой человек! – Господин Леви открыл витрину и выложил на прилавок пару жемчужных серёг. – Вот лучший подарок для вашей невесты. Поверьте, эти серьги принесут вам счастье.

Иван Петрович не стал спорить с опытным ювелиром. К тому же, серьги ему самому понравились. Правда, денег едва хватило, но ювелир уверял, что это очень выгодная покупка, ведь жемчуг был класса ААА. Этот высший класс присваивается жемчужинам, если они сочетают яркий блеск, идеальную сферическую форму и не имеют дефектов. Такие красавицы достойны быть украшением его невесты.

Глава 6. Жемчужины отправляются в обратный путь

Через несколько дней Иван Петрович Дымов вернулся на родину, в Красноярск. Его возлюбленная, Наденька Вознесенская к этому времени уже окончила гимназию. За то время, пока они не виделись, Наденька повзрослела, посерьёзнела и стала ещё красивее. Долгая разлука пошла на пользу их отношениям:

за время отсутствия Дымова она убедилась, что никто из окружающих её мужчин не выдерживает с ним никакого сравнения. А уж когда Иван Петрович после приезда появился в их доме, элегантный, возмужавший, с запахом заграничного одеколона, Наденька всем сердцем почувствовала, что вот он, её единственный, и никого другого ей не надо.

Был назначен день свадьбы, и Дымов в качестве свадебного подарка преподнёс Наденьке жемчужные серьги. Они стали её любимым украшением.

Вскоре после женитьбы Дымов получил назначение на Дальний Восток на строительство Маньчжурской (Китайско-Восточной) железной дороги. Вместе с ним поехала и молодая жена.

Здесь, наверное, уместно сказать пару слов о самой идее этого строительства. К концу XIX века при строительстве Транссиба пришли к выводу, что для спрямления пути целесообразно проложить крайнюю восточную часть железной дороги через Маньчжурию. Восточная часть Транссиба и получила впоследствии название Китайско-Восточной железной дороги, сокращенно КВЖД. Этот грандиозный проект рассматривался как способ политической и экономической экспансии России на Дальнем Востоке. Необходимо было построить 2450 километров рельсового пути, обходные и станционные ветки, разъезды, вспомогательные сооружения. К июлю 1903 года дорога была закончена и передана в ведение Эксплуатационного управления. Тем самым в России была открыта новая железнодорожная линия «Москва – Тихоокеанское побережье», кратчайший путь из Европы в Азию.

Иван Петрович Дымов оказался в самой гуще событий. Его знания, молодой азарт и умение найти подход к любому человеку вскоре сделали его заметной фигурой в Эксплуатационном управлении. Его карьера шла в гору. Первое время супруги Дымовы ещё вынуждены были снимать жильё у случайных людей, мириться с бытовыми неудобствами, но очень скоро возросший статус инженера Дымова привел их в Харбин, административный центр КВЖД. Наденька, теперь уже Надежда Георгиевна,

была очень довольна. Они поселились в большом красивом доме недалеко от места службы Ивана Петровича, обзавелись знакомыми и друзьями.

О, как радовались сестры-жемчужины переезду в Маньчжурию! Теперь они были совсем недалеко от места своего рождения. Иногда ветра, дувшие с океана, приносили влагу и запахи родного острова, и жемчужины жадно их впитывали и не могли насытиться. Но самой живительной подпиткой было счастье молодой женщины, любящей и любимой. Радость, уважение и любовь сверкали в глазах Надежды Георгиевны, когда она шла под руку с мужем или даже просто говорила о нём, а её жемчужные серьги светились благородным тёплым светом.

Глава 7. Роль жемчуга в судьбе Дымовых

К 1917 году Харбин был уже большим благоустроенным городом с населением свыше ста тысяч человек, из них русских было более сорока тысяч. После Октябрьского переворота русские люди, проживающие в Харбине, всеми силами стремились сохранить русский быт и русский образ жизни на чужой земле. Здесь, в Маньчжурии, они поддерживали иллюзию существования горячо любимой и уже не существующей России. И какое-то время это им удавалось. К сожалению, такое искусственное положение вещей не могло длиться вечно, да и внешнеполитические события подталкивали эту Дальневосточную Атлантиду к гибели.

Во время советско-китайского конфликта 1929 года в Маньчжурию вошли два советских полка, и следователи проводили аресты, допросы среди русских поселенцев. Ивана Петровича тоже вызывали на допрос, но ничего существенного предъявить ему не могли и отпустили. Надежда Георгиевна сильно переживала за мужа, но он оставался совершенно спокойным и продолжал работать, как будто ничего не случилось. Постепенно напряжение тех дней спало, всё внешне успокоилось. Во всяком случае, никто из близкого круга Дымовых не пострадал.

Супруги вели привычный образ жизни: Иван Петрович много работал, а Надежда Георгиевна занималась домом и участвовала в работе нескольких благотворительных организаций, которых тогда в Харбине было множество. Детей у них не было.

В 1932 году Япония оккупировала Маньчжурию, что привело к продаже Китайско-Восточной железной дороги тремя годами позже. Тут же началась репатриация из Маньчжурии советских граждан, работавших на КВЖД. Однако, поскольку Дымовы продолжали формально оставаться подданными Российской империи, их пока не трогали, а они всё не могли принять окончательного решения, уехать или остаться. Шли годы, чета Дымовых медленно старела. К концу 30-х годов XX века обоим было за пятьдесят, по тем временам вполне солидный возраст. Хотелось вернуться к родным осинам. Однако неизвестность страшила, а сведения из Советской России поступали самые противоречивые. Иван Петрович верил, что его знания и опыт найдут применение в Стране Советов, а Надежда Георгиевна понимала, что от прежнего уклада жизни уже не осталось ничего.

Дымовы не знали, да и не могли знать, что 19 сентября 1937 года Политбюро ЦК ВКП(б) приняло постановление о так называемых «харбинцах» – бывших служащих КВЖД. По этому постановлению подлежали аресту 25 тысяч бывших сотрудников КВЖД, о которых у НКВД имелись сведения.

Приближалась XX годовщина Великой Октябрьской социалистической революции. По этому поводу в здании Железнодорожного собрания советская администрация организовывала торжественный приём. На него были приглашены все руководители Эксплуатационного управления, включая И.П. Дымова. Иван Петрович был очень горд и доволен таким приглашением. А Надежда Георгиевна, наоборот, испытывала смутную тревогу. С большим недоверием посматривала она на конверт с приглашением.

– Ванечка, не ходи ты туда, не надо!

– Что ты, Наденька! Нельзя. Наоборот, надо пойти! Может, удастся поговорить о нашем переезде. Пора нам возвращаться домой.

Надежда Георгиевна не стала спорить с мужем, понимала, что это бесполезно. Иван Петрович редко менял свои решения. Но тревога и ожидание несчастья не покидали её все эти дни. В день приёма Надежда Георгиевна пошла на утреннюю службу в церковь, в свой любимый Свято-Николаевский собор на Соборной площади. С юности привыкла Наденька в сложных ситуациях просить помощи у Бога, полагаться на его помощь. Остановилась у иконы Казанской Божией матери, покровительницы семьи, и долго молилась. Взгляд Богородицы был строг и тревожен. Надежда Георгиевна не чувствовала умиротворения, которое всегда охватывало её в церкви. Наоборот, взгляд Девы Марии как будто предупреждал о чем-то, призывал быть настороже. С тяжёлым чувством побрела Надежда Георгиевна домой.

Дома Иван Петрович собирался на приём. Элегантный седовласый господин, он был очень хорош в тёмном костюме и белоснежной сорочке. Мужчина в зрелом возрасте бывает красив, если занят серьёзным делом и успешен в нём. Иван Петрович взял со столика в прихожей конверт с приглашением и положил его во внутренний карман. Надежда Георгиевна смахнула с его плеч несуществующие пылинки, поцеловала в лоб и перекрестила на прощанье. Дверь за мужем закрылась, а Надежде Георгиевне казалось, что он нырнул в морскую пучину, и неизвестно, выплывет ли. Она не находила себе места, ходила по дому и не могла ничем себя занять. Вдруг раздался бой часов. Страшным набатом отозвался этот звук в мозгу у Надежды Георгиевны. До начала приёма оставалось полчаса. «Беги, спасай!» – пронеслось у неё в голове. Едва успев накинуть пальто, Надежда Георгиевна выскочила из дома и помчалась в сторону Железнодорожного собрания. «Только бы успеть, только бы успеть!» – стучало у неё в висках. Подбежав ко входу в особняк, она увидела, как Иван Петрович поднимается по ступенькам и подходит к красноармейцу, стоящему у входа. Надежда Георгиевна видела всё как в замедленном кино. Вот он достаёт приглашение и протягивает его часовому. Что делать? Еще секунда, и мышеловка захлопнется.

– Подождите! Иван Петрович! Подождите! – метнулась Надежда Георгиевна на ступени.

- Что случилось, Наденька?
- С Мусей несчастье! Скорее домой!

Мусей звали любимую кошку Дымовых. Иван Петрович в изумлении застыл у входа. «Пойдём, пожалуйста, пойдём!» – молили глаза жены. Красноармеец растерялся, замешкался. Тогда Надежда Георгиевна схватила Ивана Петровича за руку и оттащила его от зияющей пасти входной двери. Быстро оглянувшись по сторонам – на крыльце никого не было. Одним движением Надежда Георгиевна вынула из ушей жемчужные серьги и сунула их в руку красноармейцу. А потом, вцепившись в Ивана Петровича, потащила его как можно дальше от страшного места.

На следующее утро Дымовы узнали, что все приглашённые на торжественное собрание были арестованы. В тот же день, пользуясь связями Ивана Петровича, Дымовы покинули Харбин. После нескольких лет скитаний они осели в Австралии. Родину увидеть им так и не довелось.

*И всем казалось, что радость будет,
Что в тихой заводи все корабли,
Что на чужбине усталые люди
Светлую жизнь себе обрели.*

*И голос был сладок, и луч был тонок,
И только высоко, у Царских Врат,
Причастный Тайнам, плакал ребёнок,
О том, что никто не придёт назад.*

А.А. Блок,
«Девушка пела
в церковном хоре...»

Глава 8. Серьги обретают нынешних хозяев

А жизнь шла своим чередом. В 1945 году в Китай в город Далянь был направлен на работу мой дед. Он приехал туда

со своей женой и тремя детьми. За плечами у них было уже много испытаний: дедовы полярные экспедиции, три войны (советско-финская, Великая Отечественная и советско-японская), работа на износ. Но любовь и взаимное уважение помогли им всё перенести. В 1949 году они отмечали 16-летие совместной жизни и обменялись памятными подарками. Бабушка подарила деду серебряную шкатулку для бумаг с китайским пейзажем на крышке, а он ей – жемчужные серьги, купленные у местного ювелира. Те самые, которые ты держишь в руках. Видимо, с того памятного дня в 1937 году им пришлось сменить несколько хозяев. Так эти серьги оказались в нашей семье. Потом их носила уже моя мама, твоя бабушка, а теперь они принадлежат мне. Можно сказать, фамильная драгоценность.

Девочка слушала с широко раскрытыми глазами. Она и предположить не могла, какие хитросплетения судеб могут быть скрыты в скоромном на вид украшении. Она больше ничего не сказала матери, не задала ни одного вопроса: уж слишком много эмоций пробудила в ней эта история. Несколько дней о жемчужных серьгах не было сказано ни одного слова, хотя мать видела, что в дочери идёт напряжённая работа.

Глава 9. «Шахерезада» учит отличать натуральное от поддельного

В один прекрасный день девочка пришла из школы позже, чем обычно. Глаза её горели.

– Мама, я сегодня заходила в ювелирный магазин. Там столько жемчуга! Всех размеров, цветов и оттенков.

– Так это, скорее всего, был выращенный жемчуг.

– Как это «выращенный»? Его что, выращивают, как капусту на грядках?

– Не на грядках, а в море. Знаешь, что, сегодня к нам в гости придёт папин друг дядя Миша. Он геммолог, специалист по дра-

гоценным камням. Поговори с ним, он может много интересного рассказать о жемчуге.

Девочка с трудом дождалась вечера, когда наконец-то на пороге показался гость. Дядя Миша, папин друг юности, был солидным мужчиной с брюшком, с лысиной, в очках. Красавцем его было трудно назвать. Но стоило побыть в его обществе несколько минут, как вы попадали в плен его эрудиции и обаяния. Он любил бывать в этом доме, где к нему относились с нежностью, вкусно кормили и всегда с удовольствием слушали его истории. А уж рассказчиком дядя Миша был отменным. У него даже прозвище было «Шахерезада». Дядя Миша не только не обижался, но наоборот, гордился, когда его так называли. Дядя Миша был напичкан самой разнообразной информацией и умел преподнести её в необычайно увлекательной, острой форме. Абсолютно не связанные между собой факты, события, мнения каким-то образом выстраивались в его голове в единую картину и вываливались на головы восхищённых слушателей. Каждый его рассказ, словно персидский ковер, сверкал и переливался драгоценными подробностями.

В течение вечера девочка несколько раз пыталась обратиться к дяде Мише с вопросом, но мать каждый раз незаметно покачивала головой: «Подожди, ещё не время». Гостю надо дать насытиться, наговориться с папой, выспать свой запас историй, накопившихся с прошлого визита. Когда был подан десерт, мама кивнула дочери: «Давай!»

– Дядя Миша, скажите, пожалуйста, это настоящий жемчуг? – обратилась к гостю девочка и протянула ему на ладони маленькие серьги.

– Ну, давай посмотрим. – Раскрасневшийся, подобревший после сытного обеда гость склонился над серёжками. – Так сразу и не скажешь. А я совершенно случайно не захватил с собой микроскоп и чемодан с реактивами. Ну, ничего, сейчас мы их проверим старым дедовским способом. – Дядя Миша открыл рот и, взяв одну серёжку, сделал вид, что хочет зажать её между зубами.

– Что вы делаете?! – в ужасе закричала девочка.

– Не бойся, милая, не съем. Твоя мама так нас накормила, что серёжку мне уже не осилить. – Дядя Миша хитро улыбнулся. – Просто если потереть настоящий жемчуг между зубами, чувствуется его шероховатость, а подделка будет просто гладкой. Но я и так вижу, что этот жемчуг натуральный.

– Но как?!

– По форме золотой оправы. Серьги-то старинные. Такая форма крепления была модна в начале прошлого века. То, что это золото, видно по пробе. Не стали бы золото тратить на бижутерию. Повезло тебе, деточка, такое украшение не часто встретишь!

– Да что вы, дядя Миша! Я видела в ювелирном магазине столько всяких украшений из жемчуга!

– То, что ты видела – это культивированный, искусственно выращенный жемчуг. Его выращивают на специальных фермах в тёплых морях.

– Ой, а зачем?

– Чтобы сделать его дешевле, доступнее по цене. Видишь ли, жемчуг всегда был дорог, и при этом очень красив. Носить такие украшения могли себе позволить только богатые и знатные люди. Некоторые европейские страны даже вводили запрет на ношение жемчуга лицами не аристократического происхождения. А человеку всегда хочется выглядеть лучше, чем он есть на самом деле. «Мы все глядим в Наполеоны...», как говорил Александр Сергеевич. Несколько тысяч лет жемчуг добывали специальные ныряльщики, ну, как охотники в лесах. При этом моллюски хищнически уничтожались, ведь ради одной жемчужины надо было добыть несколько десятков раковин. И вот в конце XIX века японец Кокити Микимото изобрёл промышленный способ производства жемчуга. Это очень сложная, кропотливая технология. Сначала между створками в тело моллюска помещают перламутровую бисеринку. Называется «посев». Затем раковину опускают в специальных садках в водоём. Там создают идеальные условия для моллюсков по температуре и составу воды. Раковины нужно периодически чистить и переворачивать. Для того, чтобы получить идеальную жемчужину в

морской воде, нужно 3 года, а в пресной воде – 2 года. Сегодня более 90 % жемчужных украшений в ювелирных магазинах состоят именно из такого, искусственно выращенного жемчуга. Кстати, в 1952 году добыча жемчуга методом подводной охоты была запрещена. Это не значит, что она вообще исчезла, но она занимает ничтожную часть рынка. Поэтому купить натуральный, природный жемчуг можно только на закрытых аукционах. Разница в цене между натуральным и культивируемым жемчугом – 9-12 раз. Так что вы с мамой – счастливые обладательницы раритета, природной редкости.

– Значит, искусственно выращенный жемчуг не настоящий? – поинтересовалась девочка.

– Почему же, настоящий. В обоих случаях жемчужину растит моллюск. Просто натуральный жемчуг сформирован природой, более или менее случайно. А культивированный выращивается под контролем и с помощью человека. Вероятность получения красивой жемчужины при искусственном выращивании в десятки раз выше. Человек научился не только заставлять моллюсков производить жемчуг в промышленных масштабах, но и воздействовать на его форму. В природе форма – воля случая, слишком много факторов на неё влияет. Натуральные жемчужины могут быть самой необычной, причудливой формы. Природные дефекты: заломы, ямки браком не считаются, но стоят такие экземпляры дешевле, чем круглые. А на фермах форму корректируют до идеально округлой.

– Получается, владельцы таких ферм обманывают людей?

– Нет, культивированный жемчуг не считается подделкой, если информация о его происхождении не скрывается. Правда, такая честность очень дорого стоит. Мировые лидеры в производстве культивированного жемчуга создали собственные бренды и не нуждаются в обмане. Фирмы помельче иногда хитрят, жульничают. Существует ведь ещё искусственный жемчуг. Его делают из стекла, пластика, перламутровой пасты, алебаstra. Это, строго говоря, не жемчуг. Стоит он очень недорого. Он может быть самых разных форм и размеров. Современные технологии позволяют создавать такую похо-

жую имитацию жемчуга, что отличить оригинал от подделки может только специалист с помощью лабораторных исследований. Настоящий жемчуг, выращенный моллюском, всегда состоит из перламутра, и его вес всегда выше, чем у имитаций, выполненных из лёгких материалов. И ещё. Если ожерелье, например, состоит из идеально круглых бусин, и они ничем не отличаются друг от друга, скорее всего, это фальшивка. Запомни, ничто по-настоящему ценное не бывает идеальным. В жизни пригодится.

Девочка помолчала немного, а потом задумчиво проговорила:

– Дядя Миша, искусственно выращенный жемчуг – это, конечно, здорово. Но мне кажется, что из него ушло что-то очень важное, волшебное, то, что придавало натуральному жемчугу такую ценность.

– Правильно говоришь, девочка. Природный жемчуг потому так и ценился, что каждая жемчужина была оплачена чьей-то жизнью и здоровьем. Ныряльщики ходили по краю, ежедневно по многу раз погружались в морскую глубину без всякой страховки. Поэтому жемчугу приписывались магические свойства, он был амулетом, за него можно было купить человеческую жизнь. Есть у композитора Жоржа Бизе, того самого, что написал «Кармен», опера «Ловцы жемчуга». Там бушуют такие страсти! Любовь, дружба, верность религиозному обету – всё завязано на жемчуге. Недаром о самом сокровенном до сих пор говорят «жемчужина моей души».

– А теперь его выращивают как картошку...

– Зато люди уже не рискуют жизнью ради красивых камушков. Хотя всякое бывает... Ну, дорогие, засиделся я у вас, пора и честь знать. Да и ребёнку надо дать отдохнуть от бесконечных сказок Шахерезады. Спасибо, хозяйюшка, за угощение! – Дядя Миша засобирился домой, а девочка в задумчивости всё ещё сидела за столом. Перед ее мысленным взором ловцы жемчуга ныряли в морскую пучину, ракушки-жемчужницы покачивались в огромных сетках, и тысячи блестящих шариков подсказывали, сверкали и выстраивались в длинные ожерелья...

Глава 10. Жемчужные зёрна для души и желудка

Прошло ещё несколько дней. Как-то вечером хозяйка дома и её дочь занимались домашним хозяйством. Женщина гладила бельё, а девочка вытирала пыль. Она передвинула шкапулку с драгоценностями, и её руки сами потянулись за жемчужными серёжками. Она долго любовалась ими, как будто оценивая со всем по-новому, а потом обратилась к матери:

– Они, должно быть, дорогие!

– Не знаю, я не собираюсь их продавать.

– Мамочка, ну какая же тогда от них польза, если ты их не носишь и не продаёшь? Они просто бессмысленно лежат в шкапулке. Совершенно бесполезная вещь.

– Что ты, доченька, смысл в них очень большой. Во-первых, это память о моих маме и бабушке. Они ведь помнят их тепло, впитали их мысли. Потом, они очень красивы. А красота лечит, веселит душу. А главное, они дают мне силу преодолевать трудности.

– Лёжа в коробке? Интересно, каким это образом?

– Ты помнишь, как образуется жемчуг? Внутри раковины моллюска попадает инородное тело, и он постепенно, год за годом, покрывает его перламутром. То есть из любой проблемы, неудачи, если хорошо поработать, можно вынести жемчужное зерно мудрости. Свою, личную драгоценность, добытую трудом и терпением. Правда, для того чтобы понять, что ты добыл сокровище, тоже соображение нужно. Есть у Ивана Андреевича Крылова басня «Петух и жемчужное зерно»:

Навозну кучу разгребая,

Петух нашёл Жемчужное зерно

И говорит: «Куда оно?

Какая вещь пустая!

А я бы право, был гораздо боле рад

Зерну Ячменному: оно не столь хоть видно,

Да сытно».

Понимаешь, о чём речь?

– Кажется, понимаю. Петух не знает истинной ценности жемчуга и ругает то, в чём не разбирается.

– Верно. А ещё бывает так. Человек подозревает, что перед ним нечто ценное, но ему важнее «набить желудок», удовлетворить житейские потребности. Он не ставит перед собой высокие цели. Помнишь в Ветхом Завете историю, как Исав продал Исааку своё первородство за чечевичную похлебку? То есть Исав отказался от сокровища, благословения отца своего Иакова, потому что ему важнее было утолить сиюминутный голод.

– Как же так можно?

– Каждому своё. Не всякий человек готов пойти на жертву, проявить настойчивость и терпение, чтобы добыть своё жемчужное зерно. Ну ладно, пойдем ужинать, а то ты, наверное, проголодалась.

– А что у нас на ужин?

– Перловая каша, прямо по теме нашей беседы.

– При чем тут каша? Какое отношение перловка имеет к жемчугу?

– Самое прямое. Знаешь, почему перловка так называется? От слова «перл». Так в Древней Руси называли жемчуг. Перловая крупа очень похожа на речной жемчуг, и по форме, и по цвету. Получают её из очищенного от оболочки ячменя, да-да, из того самого ячменного зерна, которое предпочёл бы Петух. Кстати, перловая крупа очень полезная, в ней много белка, фосфора и клетчатки, а ещё она очень питательная.

– Ну, не знаю. Папа рассказывал, как его в армии кормили перловкой. Все солдаты её терпеть не могли, называли «шрапнелью», кирзовой кашей.

– Это потому, что её неправильно готовили. Слишком торопились. А если не поленишься и приготовить перловую кашу по традиционному русскому рецепту, то получится настоящий деликатес. Крупу надо сначала замочить на 12 часов в воде, а потом залить молоком и долго томить в духовке. В общем, всё как при добыче жемчуга: умение и терпение.

Дочь села за стол на кухне и смотрела, как мать достаёт из духовки глиняный горшочек с кашей. Но мысленно она всё еще не могла расстаться с заветными серьгами.

– Мамочка, ну почему же всё-таки ты их не носила?

– Я их надевала пару раз и чувствовала: «Не моё». Хотя жемчуг – камень универсальный, должен всем идти. Может быть, они меня пожалели, решили защитить от чего-то страшного, что несли в себе. Не только мы выбираем драгоценности, но и они нас.

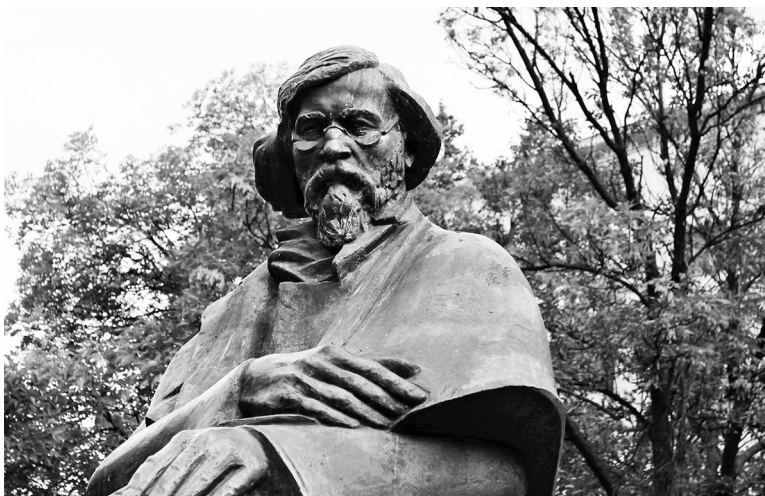
– А можно, я буду их носить?

– Попробуй, может, к тебе они будут более благосклонны. Правда, для этого надо немного повзрослеть. Эти жемчужины – дамы непростые, им надо соответствовать. Они требуют уважения и к себе, и к судьбам прежних владельцев.

Мать положила в красивую мисочку душистую дымящуюся кашу, посыпала сверху корицей и поставила перед дочерью.

– Ой, как вкусно пахнет! И выглядит аппетитно, никакая она не шрапнель.

– Перловка по такому рецепту была любимой кашей Петра I. А уж ему было из чего выбрать, как ты понимаешь. Так что давай, ложку за маму, ложку за папу, ложку за бабушку и прабабушку! Ешь, жемчужинка ты моя!

**КРИТИКА,
ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ**

Ангелина БРЖЕВСКАЯ

Ангелина Станиславовна Бржевская – журналист, литературный критик, член Московской городской организации Союза писателей России. Студентка факультета журналистики МГУ.

Автор публикаций в «Литературной газете», «Московском литераторе», в журнале «Великороссъ» и «Детской роман-газете».

Живёт в Москве.

СКАЗКА ВСЕГДА ЧЕМУ-НИБУДЬ ДА УЧИТ...

Кто не читал в детстве сказки? Все читали, конечно. Сегодня сказки могут нам показаться совсем уж простым чтением, но на самом деле в них скрыт глубокий смысл. Сказки – это свой мир. И это так. Основная цель современной отечественной детской литературы заключается в создании особого мира, где возможны преобразования и продвижение к осмысленной и яркой жизни. Современный автор может создавать «депрессивные» сюжеты, в которых нет места для радости, творчества и жизни, в этом ключе пишется всё больше и больше антиутопий. Появляются вымышленные миры, где, в отсутствие любви, всё превращается в схему, механизм, где нет возможности для жизни. Либо автор, используя фантастику, создаёт альтернативный мир, где в системе ценностей включаются «жизнеутверждающие» компоненты. В этом мире не существует размытых границ между добром и злом, правдой и ложью, героизмом и подлостью.

Для современного ребёнка сказка очень важна. Это путеводитель в мир новых слов, образов и сюжетов: она даёт возможность сделать очередное открытие.

Сказка – это и первый учебник истории: многие сказки основаны на реальных событиях древности. Слушая, дети узнают о прошлом и его легендарных героях, которые когда-то жили, совершали подвиги во имя семьи, любви, Родины.

Сказка всегда помогала и детям, и взрослым адаптироваться социально. Им не нужно ходить к психологу, хотя это стало модным в наши дни. Люди прошлых столетий обращались к книгам, которые могли ответить на их вопросы и помогали найти правильное решение проблемы. Во многом именно поэтому в наше время так развит синдром важности «психолог каждому», а современный развитый интеллект ставится выше житейских представлений.

Сказки – это практичный интеллект, который передают нам предки. Именно поэтому даже в современном, стремительно развивающемся мире надо уделять этому жанру особое внимание. Это культура народа и его традиции. Это справочник полезных и мудрых советов, поскольку каждый сюжет помогает увидеть весь путь сказочных героев целиком – от сложной ситуации до её эффективного (или не очень) решения. Проходя вместе с ними испытания, мы узнаем о том, что такое добро и зло, смекалка и терпение, дружба и выбор верного пути.

Одна из главных тем детской литературы – тема взросления и становления личности, которая разобралась в себе и своих желаниях. Ребёнок часто начинает задавать вопросы из разряда «А что будет в будущем?». Родители часто отвечают: «Оно будет счастливым, а мои дети – умными, образованными, свободными, здоровыми, богатыми и т.д.». А чтобы понять, как этого достичь, надо иметь не только интеллектуальные способности, но и опираться на опыт. А он начинает приходить именно со сказками, потому что в них аллегорично рассказываются сложные вещи. Сказки интересно читать в любом возрасте, ведь для каждого читателя заложен свой смысл. Сказка – это тренажер развития личных качеств и навыков. Слушая весёлую сказку, мы радуемся и веселимся вместе с героями. Слушая страшную – многое понимаем, пытаемся учиться встречаться со страхами. А также узнаём, как с ними бороться и как их пережить. И, конечно же, сказка тренирует воображение. Ведь читатель, независимо от возраста, представляет себе облик героев и их волшебные преобразования.

В наши дни авторы, пишущие сказки, и опираются на фольклор, и привносят новые мотивы, темы и героев. Как это, к примеру, делает писатель Наталья Риттина, поддерживающая традиции сказок в своей трилогии о маленьких мышатах.

Доктор филологических наук, профессор Л.Ю. Брауде так сформулировала, что такое «литературная сказка»: это «авторское художественное прозаическое или поэтическое произведение, основанное либо на фольклорных источниках, либо сугубо

оригинальное, произведение, преимущественно фантастическое, волшебное, рисующее чудесные приключения сказочных героев и в некоторых случаях ориентированное на детей произведение, в котором волшебство, чудо играет роль сюжетообразующего фактора, служит основной отправной точкой характеристики персонажей».

Известный фольклорист, профессор В.Я. Пропп считал, что фольклористика охватывает творчество всех народов. И это так, потому что многие сюжеты сказок повторяются, видоизменяясь у разных народов, а также при пересказе их потомками. Сказки относят к эпическому жанру вместе с былиной, исторической песней, сказом, преданием, легендой. При систематизации сказок одну из главных ролей сыграл «Указатель сказочных типов» А. Аарне, изданный в 1910 г. Типами автор называет сюжеты, которые он делит на три большие группы: сказки о животных, собственно сказки и анекдоты. В.Я. Пропп же в своей «Морфологии сказки» говорит, что «самое обычное деление – это деление на сказки с чудесным содержанием, сказки бытовые, сказки о животных». Такая классификация встречается чаще всего.

Современные же сказочные рассказы опираются не на типичные принципы жанра – установку на вымысел или на формулу «было однажды, чего никогда не бывает». Ну а читателям интересно и то, и другое. Сказочные истории только подогревают интерес детей наличием в них таинственного и необычного.

В мире Натальи Риттиной – писателя, автора современных сказок, зверята знакомы с автором, именно они, приходя на чашечку чая, и рассказывают ей все свои невероятные приключения. Лесная жизнь в сказках прописана так, как будто она существует (а может быть, и существует!) на самом деле: у зверей «в нашем лесу» есть школа, аэропорт с самолётом в виде журавля, парусная школа и многое другое. Отношения внутри леса определяются характерами персонажей, например, мы узнаём, что на семью Ежей можно надеяться, потому что они всегда готовы помочь и у них идеальная семья.

На аспекте семьи в книгах Натальи Риттиной стоит остановиться особо. Потому что у главных героев, мышат, нет мамы, о ней не говорится совсем. У них есть только Папа-Мышь. Это может наталкивать на мысли о том, что автор, кроме того, как сказать детям «что такое хорошо, а что такое плохо», поднимает остросоциальные вопросы. Мама ушла от мышат или погибла? Мы не знаем, зато мы понимаем, что воспитанием детей может заниматься не только женщина, как это сложилось стереотипно и исторически. Также семья мышей хорошая, и отец заботится о своих мышатах, предупреждает не ходить далеко одним, а особенно к реке, где живёт камышовый кот, который, как мы понимаем, не слишком любим в лесу.

Папа-Мышь – мудрый. Поэтому именно он учит мышат, как правильно надо себя вести, и говорит им важные слова. Он заставляет маленького читателя задумываться о главном в жизни. Папа-Мышь – добрый друг для своих детей. И он пользуется у них авторитетом. Например, вот что происходит в истории с пожилой гусыней, которую он встретил, а она признала его ежом. Услышав об этом казусе, мышата решили помочь подслеповатой соседке, вопреки тому, что она их называла ежатами, да и к тому же «когда мышата были совсем маленькими, их крикливая Госпожа Гусяус даже пугала».

Стоит отметить, что Папа-Мышь всегда занят делом – он писатель. Достаточно часто в книге автор упоминает, что старший мышь работает у издателя книг Крыса и является автором детективных рассказов. Его упорство в работе вознаграждается известностью – его знают в лесу все, и литературной премией во второй книге.

В сказках неизменно одно: «единая нравственная основа, поэтическое утверждение справедливого», сказка учит, что добро побеждает зло, а значит, и в жизни не стоит быть отрицательным персонажем.

Сказочные рассказы Натальи Риттиной характеризуются единым композиционным приемом: каждая глава начинается так: «в нашем лесу», «однажды в нашем лесу». Такое повторение тоже свойственно сказкам. Кого сейчас удивит говорящи-

ми животными? Да особо никого, но автору удалось показать живых персонажей с их проблемами и характерами. При прочтении чувствуются эмоции детей-зверят, автор очень чётко может подобрать слова. Совершенно умилительны в этом плане диалоги мышат.

В «нашем лесу» как в жизни: есть лучшие друзья, которые помогают в беде друг другу, и увлечённые своей жизнью и работой взрослые, и отшельники, которых все боятся. Действие сказки происходит в лесу, а главные герои братья мышата. Они близки детям младшего дошкольного возраста, потому что также как и читатели мечтают о школе, чтобы выучить беличий язык.

Мышонок и Мышоночек могут порой вести себя эгоистично, и маленькие читатели понимают, что не стоит такими быть и не надо пытаться доказывать свою смелость в вещах, которые могут касаться их безопасности. Например, в первой книге «В нашем лесу» герои идут через лес к реке, чтобы доказать Папе-Мышу, какие они взрослые и бесстрашные, и оставляют записку, которая заставит волноваться любого взрослого: «Дорогой папочка! Не волнуйся! Мы ушли на речку. Когда вернёмся, никто не знает. Твои мышата». Как и любой ребёнок, они думают, что их сразу же найдут, но, к сожалению, в жизни нужно время, чтобы родитель нашёл расхрабрившееся чадо. А дети же, в свою очередь, обычно начинают думать о плохом: «Что они родителям и не нужны, и никто их не ищет, ведь если бы надо было, уже давно бы за ними пришли». Такой сюжет даёт детям важный урок: иногда не стоит доказывать что-то взрослому, если это может угрожать твоей безопасности.

Автор говорит в своих книгах о многих детских страхах. В первой части трилогии «В нашем лесу» автор рассказывает о празднике Хэллоуин. Мышонка и Мышоночка встреча с «вампирами», «ведьмами» и «оборотнями» впечатлила. «Светильник Джека» в лапках «ведьмы» дико скалился, его глаза пылали ярким огнём». Мышата не столько испугались, сколько задумались.

– Зачем они к нам приходили? Почему забрали наши орешки?

- Они приходили нас пугать! – ответил Мышонок хмуро.
- Пугать? Нас? А для чего?
- Чтобы мы отдали им то, что нам очень нравится!

Автор ответил на все вопросы своих героев и маленьких читателей словами Папы-Мыша: «...мир, который нас окружает, полон непостижимых тайн! А таинственность всегда настораживает! Никто не знает, какая его ждёт судьба, поэтому очень многим из нас часто бывает страшно. Чтобы превратить свой страх перед неизвестностью в шутку, весёлую игру, был придуман этот праздник. Нам кажется, если нарядиться тем, кого особенно боишься, то преодолеешь свой страх перед его тёмной силой!».

И в этом автор прав. Такой сюжет нужен, чтобы дети поняли, что ничего бояться не стоит. Многие трудности надо преодолеть, думая о них как о несерьёзных вещах. А иногда самый страшный кошмар в твоём воображении может превратиться в смешную историю.

Наталья Ритина придерживается простой заповеди сказок, как написал историк и публицист В. Тен, «сказка всегда чему-нибудь да учит, сказка без урока – абсурд». Например, в главе «Ежиха-неженка» автор показывает нам распространённый сюжетный поворот: как отрицательный персонаж становится положительным. Так капризная, но всеми любимая ежиха Неженка, могла обидеть своих друзей мышат, а они терпели её – ведь дружили! И вдруг стала на себя не похожа, чем напугала мышат. А оказалось, что ей рассказали историю про принцессу, которая ей очень понравилась. Вот она и решила взять с неё пример!

Утрированное превращение из ужасного человека в хорошего друга показывает детям, что дурной пример заразителен. Но если он имеет под собой положительные характеристики, то можно брать его за образец, ведь никто с тобой не будет дружить, если ты постоянно обижаешь своих товарищей.

В традиционной же сказке коварство и обман обязательно будут раскрыты и наказаны, бедный может стать богатым или обрести то, что гораздо ценнее богатства, в то время как богатый

получает жизненный урок и возмездие за свои поступки. В этом же рассказе про ежиху она успела преобразиться раньше, чем её достиг бумеранг плохих поступков.

Братья-мышата часто говорят о том, о чём и взрослым стоит задуматься. Например, фраза «Кто так долго “уходит в себя”, тот явно “не в себе”». И правда, в современной действительности многие люди начинают увлекаться самоанализом, который в итоге может привести к неправильным выводам о самом себе.

Цикличность в трилогии писательницы выражена не только в одной книге композиционно, но существует как параллель между двумя книгами «В нашем лесу» и «Однажды в нашем лесу», что подчёркивается и названиями. Одна из таких линий – это прогулка мышат одних по лесу к реке; в первом случае, как упоминалось выше, герои хотели показать, какие они храбрые, во втором же случае им надо было самим дойти до школы, потому что папа уехал в командировку. И опять дорога к реке, страх натолкнуться на камышового кота, только в этот раз встреча почти состоялась, но мышат спас их крик и господин Ёж, который должен был их забрать из дома, но искал точно так же, как и Папа-Мышь в первой книге. Только теперь было найдено решение – купил Папа-Мышь для своих мышат и всех зверят школьный автобус. Этим рассказом автор подчёркивает, что не стоит заботиться только о себе! Надо думать о других. Надо по возможности находить такие решения, чтобы всем, кто оказался в подобной ситуации, была оказана помощь.

Отдельно нужно сказать о третьей книге трилогии Натальи Риттиной. Как говорилось ранее, в сказках нашего времени авторы особое внимание стали уделять актуальным проблемам современной жизни. Книга «Спасите мышонка или Неприятности в нашем лесу» как раз особенно актуальна! Острая тема – пандемии COVID-19 – читается с обложки и с первых слов в главе, речь идёт «о вирусе из далёкого тропического леса». Когда читаешь книгу, уже не кажется, что тут есть вымысел, ведь все в 2020 году запасались продуктами, царил переполох и неуверенность в том, что будет дальше. Автор показала чи-

тателям, что даже в такое сложное время поддержка и забота близких и друзей поможет вселить надежду на будущее и даст возможность преодолеть все трудности.

Эта книга – не просто сказочные истории, хотя она в первую очередь такой и является, но ещё и пособие для детей, в котором рассказывается, как пережить неприятности. Есть много определений, например: «Что такое неприятность? Это неожиданное событие, которое доставляет только огорчение! Иными словами, причиняет вред». Или рассказывается о самоизоляции, о которой никто до пандемии не знал и не думал: «Самоизоляция – это строгий домашний режим, когда нельзя встречаться с друзьями, ходить друг к другу в гости». Но даже тут показан особый мир детей, которые на действия взрослых все равно спросят «зачем?».

Поддержка друг друга идёт красной нитью в книге, потому что Мышонок не хотел даже покинуть больницу, где ещё болеет брат, хотя он сам выздоровел. У него даже температура поднималась просто из-за волнения за Мышонка и за компанию с ним. Младший брат придумывал для старшего игру, чтобы подбодрить его «вспоминать радости жизни, которые поднимали и будут поднимать настроение мышатам».

Великий датский сказочник Г-Х. Андерсен говорил: «Нет сказок лучше тех, которые создаёт сама жизнь». Сказки и детская литература играют важную роль в формировании мировоззрения и ценностей у молодого поколения. Они помогают детям понять различные аспекты жизни, развивают их фантазию и творческое мышление, а также воспитывают эмоциональную интеллектуальность. Сказки становятся проводником в мире возможностей и преобразований, где дети смогут осознать свои силы и преодолеть трудности.

А сказки Натальи Риттиной не только сотканы из добра и аллегорий, но и показывают важные аспекты современности и правильные реакции на страшные и непредвиденные проблемы. Ещё сказки помогают воспитывать как у детей, так и у взрослых умение понимать мир, ведь порой жизнь создаёт непростые беды, с которыми не каждый сможет справиться.

И главное в сказочных рассказах Натальи Риттиной – это вера в жизнь.

Хорошее должно преобладать над плохим. В этом нет никаких сомнений. И прекрасно, что наши современные авторы пишут сказки, которые, продолжая фольклорные традиции прошлого, **учат** жизненной мудрости, прививают нравственные ценности и заряжают оптимизмом, дают знания об окружающем мире, развивают ум и расширяют кругозор.

